

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category of academic periodicals recommended by the Higher Attestation Commission for publishing the main findings of PhD and ScD dissertations, included in the core of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Включен в первую категорию Перечня рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по научным специальностям:
5.4.2. Экономическая социология (социологические науки). 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). 5.5.4. Международные отношения (политические науки). 5.7.2. История философии (философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки). 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the first category of the List of VAC's peer-reviewed scientific publications (K1) on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (social sciences). 5.5.1. History and theory of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences). 5.5.4. International Relations (Political Sciences). 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences). 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences). 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated catalogue "The Press of Russia"

Vol. 14, No. 1, 2024

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Пляйс Я.А., заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Plyays Ya.A., Deputy Editor-in-Chief, D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Касамара В.А., Зельдич А.Т.</i> Представление о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО	7
<i>Селезнев П.С., Титов В.В., Баржаев Р.Р.</i> Качество жизни как фактор поддержания устойчивости национально-государственной идентичности	17
<i>Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Кравчук И.Д.</i> Оценка эффективности технологий цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России	22
<i>Асонов Н. В.</i> Генезис «западнизма» в русском искусстве как отражение разрушения национальной политической системы	32
<i>Алексеев С.В.</i> Новое время и Третий Рим: о сложностях периодизации истории	39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Андрианов В.В.</i> Советская энергетическая политика: уроки для современной России	44
<i>Галас М.Л.</i> Создание и продвижение бренда в условиях современных культурных войн	52
<i>Трошин А.А.</i> Нарративы убеждения и предвидения в переосмыслении дискурса: опыт советской фантастической литературы и рекламы 1950-х годов	59
<i>Подвойский Г.Л., Черных Е.А.</i> Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна	66
<i>Просеков С.А.</i> Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования	76
<i>Максимова О.И.</i> О роли эмоционального интеллекта в работе преподавателей вуза	82

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Тюков Н.А., Шаповалов В.Л., Никулин Е.Р.</i> Сетевая инфраструктура ценностного дискурса в российском интернет-пространстве: сетевые агенты и цифровое поведение молодежи.	87
<i>Кореньков И.О., Ерохина О.В.</i> Расширение влияния БРИКС в Латинской Америке: геополитическое значение для России	97
<i>Пряжникова Е.Ю., Кандаурова А.В.</i> К вопросу о социально-психологических технологиях безопасности личности в условиях VANI-мира	103
<i>Селиванов А.А., Белоконев С.Ю.</i> Опыт американских и британских университетов в формировании мировоззрения студентов	111
<i>Шундич М.</i> Направления и технологии формирования конструктивного образа России в национальных сегментах массмедиа стран бывшей Югославии.	119
<i>Швецов А.В.</i> Зимние Олимпийские игры – 2022 на российских государственных телеканалах	126
<i>Дань В., Ли М.</i> Эволюция современного китайского свадебного обряда	134
<i>Трутенко Е.В., Конищев Е.С.</i> Исследования доверия населения к финансовым институтам: актуальные проблемы и особенности оценки	140

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Шитова М.А.</i> Участники фондового рынка в социальной структуре российского общества в XVIII–XX веках	146
---	-----

COVER STORY: NATION-STATE IDENTITY IN THE MODERN WORLD

- Kasamara V.A., Zel'dich A.T.** The Future of the Refugees and Forced Migrants Arriving in the Russian Federation because of the Special Military Operation 7
- Seleznov P.S., Titov V.V., Barzhaev R.R.** Quality of Life as a Factor in Maintaining the National-State Identity Steadiness. 17
- Brodovskaya E.V., Lukushin V.A., Kravchuk I.D.** Efficiency of Digital Communication Technologies for Integrating the LPR and DPR Residents into the Sociocultural Expanse of Russia. 22
- Asonov N.V.** Westernism Genesis in Russian Art as a Reflection of the Fatality of National Policy. 32
- Alekseev S.V.** Modern era and the Third Rome: Complexities of history periodization. 39

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Andrianov V.V.** Soviet Energy Policy: Lessons for Modern Russia 44
- Galas M.L.** A brand's Initiation and Promotion in Relation to Modern Culture Wars. 52
- Sroshin A.A.** Belief and Prediction Narratives in Rethinking Discourse: The Experience of Soviet Science Fiction and Ad in the 1950s. 59
- Podvoiskiy G.L., Chernykh E.A.** Transformations of the Russian Labor Market: First and Second Waves 66
- Prosekov S.A.** Chinese National Character and Peculiarities of Chinese Thinking: Towards a Methodology of Philosophical Research. 76
- Maksimova O.I.** Emotional Intelligence in the Labor of University Lecturers 82

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Tyukov N.A., Shapovalov V.L., Nikulin E.R.** The Network Infrastructure of Valued Discourse in the Russian Internet: Network Agents and Youth's Digital Behavior 87
- Korenkov I.O., Erokhina O.V.** Expanding BRICS Authority in Latin America: Geopolitical Significance for Russia 97
- Pryazhnikova E.Yu., Kandaurova A.V.** Socio-Psychological Technologies for Personal Security in the BANI-World 103
- Selivanov A.A., Belokonev S.Y.** American and British Universities' Experience in Forming Student Mindsets 111
- Shundich M.** Trends and Technologies for Russia's Constructive Image in the Mass Media National Segments Over the Former Yugoslavia Area. 119
- Shvetsov A.V.** The 2022 Winter Olympics on Russian State TV Channels 126
- Dan W., Li M.** The Evolution of Modern Chinese Wedding Rite 134
- Trutenko E.V., Konishchev E.S.** Research on Public Confidence in Financial Institutions: Current Problems and Peculiarities of Assessment 140

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Shitova M.A.** Stock Market Participants in the Social Structure of Russian Society in the 18th–20th Centuries. 146

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 14, № 1 (67), 2024

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **Е.А. Смирнова**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 01.04.2024

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19 п. л.

Заказ № 340

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,

д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **E.A. Smirnova**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospect, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 01.04.2024

Format 60 x 84 1/8.

Size 19 printer sheets.

Order № 340

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospect,
Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16
УДК 325.254.4(045)

Представление о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО

В.А. Касамара^а, А.Т. Зельдич^б

^аАссоциация организаторов студенческих олимпиад «Я – профессионал», Москва, Россия;
^бНИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются коллективные представления о будущем приехавших в Россию в результате СВО беженцев и вынужденных переселенцев, с которыми было проведено 17 полуструктурированных интервью в период их нахождения как в пунктах временного размещения беженцев (ПВР), так и за их пределами. Результаты исследования показали, что переезд в РФ был добровольным: беженцы и вынужденные переселенцы рассматривали все альтернативные варианты и остановили свой выбор именно на России, где они смогли удовлетворить свою базовую потребность в безопасности. Общими для всех проблемами адаптации стали сложности с оформлением документов и бюрократия. Еще одним обременительным обстоятельством выступает низкий уровень правовой грамотности участников исследования. Основными акторами, оказывавшими поддержку и помощь беженцам и вынужденным переселенцам, стали государство и НКО, от которых участники исследования продолжают ожидать комплексной поддержки – от психологической помощи и упрощения бюрократических процедур до льгот на приобретение жилья. Авторы установили, что будущее является для беженцев и вынужденных переселенцев одним из самых насущных вопросов и актуальной темой обсуждений, при этом был выявлен короткий горизонт планирования, который определяется достижением ближайших целей, например успешным трудоустройством, поэтому говорить о среднесрочном или долгосрочном планировании не приходится. Кроме того, на горизонт планирования изучаемой группы существенное влияние оказывает процесс адаптации, внешний контекст и ход СВО.

Ключевые слова: беженцы; вынужденные переселенцы; коллективные представления о будущем; планы на будущее; горизонт планирования; СВО

Для цитирования: Касамара В.А., Зельдич А.Т. Представление о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):7-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16

The Future of the Refugees and Forced Migrants Arriving in the Russian Federation because of the Special Military Operation

V.A. Kasamara^а, A.T. Zel'dich^б

^аAssociation "I'm professional", Moscow, Russia;
^бNational Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the collective perspectives on the future of refugees and displaced persons who arrived in Russia. The researchers conducted 17 semi-structured interviews with them during their stay, both in temporary centers for internally displaced people (IDP) and elsewhere. The study's results showed that the move to the Russian Federation was voluntary: refugees and internally displaced people considered all alternative options and chose Russia, where they could satisfy their basic need for security. Difficulties with paperwork and bureaucracy have become common problems of adaptation for all. Another burdensome circumstance was the low level of respondents' legal literacy. The key actors who provided support and assistance to refugees and forced migrants were the state and nonprofit organizations (NPO's), from which the respondents continue expecting comprehensive support, starting with psychological assistance and simplification of bureaucratic procedures and ending with housing benefits. The authors found that refugees and forced migrants consider the future as one of the most pressing issues and a subject that requires urgent discussion. They also identified a quick planning horizon, which is determined by the achievement of immediate goals, such as successful employment. Therefore, it is unnecessary to discuss medium-term or long-term planning. Furthermore, their adaptation

process, the external context, and the course of their work significantly influenced the planning horizon of the studied group.

Keywords: refugees; forced migrants; collective perspectives about the future; plans; planning horizon; Special Military Operation (SMO)

For citation: Kasamara V.A., Zel'dich A.T. The future of the refugees and forced migrants arriving in the Russian Federation because of the Special Military Operation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):7-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16

ВВЕДЕНИЕ

24 февраля 2022 г. Российская Федерация начала специальную военную операцию. Из-за угрозы собственной безопасности миллионы беженцев из зоны проведения СВО покинули свое место жительства, уехав в том числе в Россию. В результате государство и российское общество столкнулись с большим и резким наплывом мигрантов, чья численность, по разным данным, составила 2–3 млн чел.¹ Повысить эффективность государственной социальной поддержки беженцев, занимающих особое место во внутривосточной повестке страны, помогут ответы на следующие вопросы: думают ли они о возвращении домой или планируют остаться на территории РФ? будут ли искать работу или станут существовать в качестве иждивенцев, не стремясь к трудоустройству? с какими трудностями и проблемами они столкнулись и продолжают сталкиваться в процессе адаптации и интеграции в российское общество? как видят будущее России и свое место в нем?

Согласно Федеральному закону беженец — это «лицо, которое не является гражданином РФ и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений»². Однако с юридической точки

зрения употреблять только этот термин в нашем исследовании было бы некорректно, так как в самом определении указывается на то, что это лицо не является гражданином РФ. Поэтому мы вводим понятие «вынужденный переселенец» — «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка»³. В.А. Иванов и К.С. Крюкова подчеркивают, что статус вынужденного переселенца и беженца может предоставляться даже при условии потенциальной угрозы и насилия, а не только по факту свершения таких действий [1].

При определении понятия «коллективные представления о будущем» мы станем опираться на подход Т.А. Нестика [2], который концентрируется на прожитых событиях, переживаниях, потрясениях и определяет главенствующую роль прошлого и настоящего над представлениями о будущем, рассматриваемыми как часть коллективной памяти, невозможной без осмысления прошлого и настоящего. Нестик предлагает измерять несколько компонентов: 1) аффективный (общая субъективная оценка будущего); 2) когнитивный (содержание, протяженность, сила и влияние процессов этого будущего); 3) поведенческий (готовность или неготовность группы обсуждать, думать, планировать свое будущее и влиять на него).

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5480472>; <https://clck.ru/34UaWs>

² Федеральный закон РФ от 19.02.1993 № 4528–1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/

³ Федеральный закон от 19.02.1993 № 4530–I «О вынужденных переселенцах» (с изм. и дополн.). Информационный портал Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/10105693/>

Ряд исследователей отмечают важную роль общества и государства в этом процессе. Обеспечение правовой и социальной защищенности и снижение чувства ущемленности крайне важны для беженцев, но необходимо, чтобы такая поддержка со стороны государства не была демотивирующей и не вела к иждивенчеству и зависимости от «покровителей» [3–5]. С. Ю. Барсукова утверждает, что некой «золотой серединой» можно считать сторонников социалистической идеологии, которые стремятся к покрытию ущерба и создают интеграционные механизмы в общество [6]. Двумя крайностями здесь выступают либеральная и консервативная идеологии.

В работе К. А. Антипьевой и В. Н. Стегния отмечается, что наиболее ощутимые проблемы беженцев, приехавших из Украины в РФ, связаны с недостаточной помощью государства в процессе адаптации (46,9%), поиском работы (21,7% работу нашли, но искали ее долго; 26,4% ищут, но не могут найти). Наиболее разочаровавшими факторами при адаптации стали низкий уровень заработной платы (37,2%), забюрократизированность процедур (25,9%) и высокие цены на продукты питания и одежду (22,8%) [7]. Исследование В. В. Гриценко и Т. Н. Смотровой подтверждает расхождение ожиданий с реальностью при оценке предложения труда и уровня цен [8]. Объяснимо, что в случае оправдавшихся ожиданий наблюдается более оптимистичная оценка дальнейшего пребывания в РФ.

Влияние адаптации на представления о будущем также подчеркивается при оценке ментального и психологического состояния. В работе В. В. Гриценко говорится о росте неопределенности в представлениях о собственном будущем у вынужденных переселенцев из-за повышенной эмоциональной чувствительности и напряженности [9]. Проекцию страхов не только на текущее состояние, но и на будущее подтверждает исследование С. Каболи [10]. Беженцы склонны проецировать глобальные проблемы (войны, болезни, природные катаклизмы и другое) из прошлого и настоящего на будущее, при этом на свое собственное прошлое смотрят оптимистичней. Предположительно, это может быть вызвано позитивным социальным опытом, когда они смогли избежать глобальных проблем, которые и стали причиной их отъезда из страны, т. е. у них есть некоторая «закаленность» прошлым. По мнению ряда исследователей, во многом

преодолеть чувство страха, неопределенности и ущемленности возможно через приобретение собственного жилья, «убежища» [3].

Оптимистичные взгляды на будущее также находятся в фокусе ряда работ. Исследование Гриценко подмечает дихотомию оценки собственных черт и качеств вынужденными мигрантами [11]. С одной стороны, они «интеллигентные, энергичные, активные, обладающие высоким профессионализмом, трудолюбивые, ответственные, способные к соучастию, сопереживанию, оказанию помощи», но, с другой — им присущи «отсутствие ощущения своего дома, загнанность (тоска и боль в глазах, отчаяние и безысходность), озлобленность, неудовлетворенность, незащищенность, сверхтерпеливость». Именно эта дихотомия и формирует представления о будущем. В каждом отдельном случае одна из характеристик становится доминирующей и определяет активность или пассивность вынужденного мигранта. По мнению австралийских ученых, на оптимистичность взглядов на будущее также может влиять ощущение общности и ментальное здоровье [12], а на горизонт планирования — чувство самостоятельности, безопасности и обособленности [13].

Таким образом, согласно и отечественным, и зарубежным исследованиям, качество и процесс адаптации беженцев, их проблемы и трудности играют решающую роль при формировании представлений о будущем (позитивном или негативном сценарии) и определении горизонта планирования.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С октября 2022 по май 2023 г. в ходе качественного социологического исследования было собрано 17 полуструктурированных интервью с беженцами и вынужденными переселенцами, приехавшими в Россию в результате СВО. Средняя продолжительность интервью составила 43,5 мин. По типу работы с данными исследование является «разведывательным» (exploratory), т. е. его целью выступает генерация новых знаний и гипотез, еще не имеющих в политической науке. Подробнее методы сбора и анализа будут рассмотрены после описания выборки и поля.

Характер исследования определил выбор методологии, которой стала обоснованная теория («grounded theory»), используемая в качественных исследованиях с индуктивным дизайном

Таблица респондентов исследования с основными социальными характеристиками /
The research list of respondents with main social characteristics

№	Пол	Возраст	Образование	Национальность	Место проживания до отъезда	Субъект (регион) проживания до отъезда	Место проживания после отъезда	Субъект (регион) проживания после отъезда
1	Женский	41	2 высших	Украинка	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
2	Мужской	19	Неоконченное среднее	Украинец	Сельская местность	Харьковская область	ПВР	Калужская область
3	Мужской	50	Сред.-спец.	Украинец	Город	ЛНР	ПВР	Калужская область
4	Женский	38	Высшее	Украинка	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
5	Мужской	24	Высшее	Украинец	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
6	Женский	23	8 классов	Украинка	Город	Херсонская область	ПВР	Калужская область
7	Женский	48	Высшее	Украинка	Город	ЛНР	ПВР	Калужская область
8	Женский	46	2 высших	Армянка	Город	Харьковская область	Съемная квартира	Москва
9	Женский	42	2 высших	Русская	Город	ДНР	Съемная квартира	Москва
10	Женский	35	Неоконченное высшее	Русская	Город	Запорожская область	Общежитие	Московская область
11	Женский	17	Неоконченное среднее	Украинка	Город	ДНР	Съемная квартира	Москва
12	Мужской	65	Сред.-спец.	Украинец	Город	Запорожская область	ПВР	Ярославская область
13	Мужской	38	Сред.-спец., высшее	Украинец	Город	ДНР	ПВР	Ярославская область
14	Женский	38	Сред.-спец.	Украинка	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область
15	Женский	32	Высшее	Украинка	Сельская местность	ЛНР	ПВР	Ярославская область
16	Мужской	56	Сред.-спец	Русский	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область
17	Мужской	77	8 классов	Украинец	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и применяемая в работах, начинающих с выхода в поле и сбора эмпирических данных [14]. В процессе работы в поле обоснованная теория позволяет генерировать, дополнять и исключать исследовательские гипотезы, изменять вопросы, задаваемые респондентам. Таким образом, выбранная методология делает гибким про-

цесс изучения предмета. Среди особенностей обоснованной теории можно выделить полную доминацию индуктивного метода над дедуктивным; трудности с верификацией полученных данных [15]; необходимость проверять, что «мы рассматриваем именно то, что происходит в действительности, а не то, что мы придумыв-

ваем» [16]; наличие определенной «квалификации» (важно иметь достаточный уровень «теоретической чувствительности», т.е. «способности распознавать, что важно в данных, и наделять это смыслом»).

В рамках данной работы выборка является целевой. Основным критерий выбора респондентов — фактическое проживание на территории ЛНР, ДНР, Украины на момент начала СВО. Поэтому в работе нет ограничений по выбору респондентов из определенных субъектов или регионов Украины и России (куда вошли ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), так как фактически действия СВО нельзя ограничить конкретными субъектами стран, потому что ракетные удары ВС РФ ведутся по всей территории Украины, что позволяет считать любого человека, уехавшего из этих населенных пунктов, беженцем или вынужденным переселенцем. То есть беженцы, приехавшие в другие страны, не являются объектом исследования.

Среди респондентов представлены беженцы и вынужденные переселенцы разного пола, возраста (от 17 до 78 лет), уровня образования, места и региона проживания до отъезда (с обеих сторон фронта), места и субъекта проживания после переезда (см. таблицу). Таким образом, можно говорить о разнообразии респондентов по разным социально-демографическим характеристикам. Это сделано для определения общих представлений о будущем, а не только об отдельной группе внутри генеральной совокупности.

Сбор эмпирического материала проходил в пунктах временного размещения беженцев (ПВР) в Калужской и Ярославской областях. В случае с Калужским ПВР вход в поле и доступ к респондентам был осуществлен «снизу», через человека, который в частном порядке (не волонтер) имел связь (помогал) беженцам. В случае с ПВР в Ярославской области — «сверху», через администрацию санатория. Поиск респондентов, проживающих не в ПВР, происходил методом снежного кома.

В ходе сбора эмпирических данных наблюдались трудности в получении доступа в пункты временного размещения через их администрации, а также скептическое и настороженное отношение беженцев и вынужденных переселенцев к внешней среде (следствием чего явилась закрытость, недоверие и нежелание обсуждать ряд вопросов).

Основным методом выступало проведение глубинного интервью. Был выбран полуструктурированный тип, что позволило сохранить возможность задать уточняющие и дополнительные вопросы для получения более полной и детализированной информации от респондента. В рамках данного подхода по изучению коллективных представлений о будущем вопросы в гайде направлены на:

- 1) выявление причин отъезда из зоны проведения СВО;
- 2) изучение процесса адаптации и связанных с ней трудностей;
- 3) определение горизонта планирования;
- 4) определение планов на будущее место проживания и факторов, влияющих на этот выбор;
- 5) определение влияния внешнего контекста на представления о будущем.

При анализе данных использовался метод кодирования: сначала было проведено открытое кодирование, затем — осевое. Полученная таблица изучалась с помощью контент-анализа.

ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представления о начале СВО, причины отъезда и переезд в Россию

Большинство респондентов непосредственно столкнулись с началом боевых действий и их последствиями: «*Бои шли и прямо перед глазами. У нас там буквально метров в 50 пролетело. Хорошо, что это была земля, и нас просто присыпало*» (P10)⁴, «*А у нас быстро закончились все продукты. И вообще там в магазинах все разграбили... Воду нам подключали, тоже генераторы привозили, чтобы дать какой-то напор, чтобы люди воды набрали*» (P2). Однако есть и те беженцы, в чьих населенных пунктах военные действия и их последствия не были ощутимыми или разрушительными: «*Но эти буквально не успели отъехать [ВС РФ], а эти [ВСУ] уже рассыпались. И никто же не стрелял. Вот что интересно*» (P12).

При этом можно отметить конкретный триггер для принятия решения об отъезде — это было сделано не из-за накопительного эффекта и усталости от военных действий. Самым частым кодом причины переезда является непосредст-

⁴ «РН[№]» — ссылка на интервью с респондентом (цифра обозначает его порядковый номер в таблице).

венное попадание снаряда, взрыв рядом: «Вот когда в соседний дом прилетело, я взяла семью в охапку и решила — мы уезжаем» (P15). Однако есть и другие причины — это принятие решения родственником: «Ну, последней каплей... Жена вспыхнула, расплакалась, когда вокруг нас девятиэтажки начали ходить и гореть» (P5) или такие серьезные бытовые трудности, как отсутствие связи, услуг ЖКХ, продуктов: «У нас интернет практически отсутствует везде, у меня дома и у родителей, на улице, и делать какие-то семинары, ну, практически нереально» (P10).

Респонденты отмечали, что до границы с Россией добирались либо в одиночку, либо с семьей, либо в самостоятельно организованных группах: «Последний раз сами с женой уехали» (P17), «Мы-то как частная машина проскочили. Хотя мы в колонну собирались, мы списывались, кто едет в сторону Старобельска: “А давайте колонной пробираться”» (P7).

Решение об отъезде, по словам респондентов, пробудило такие чувства, как ностальгия, обида и страх: «Страх самой дороги как таковой» (P9), «Хотелось остаться из-за очень сильной привязанности к городу» (P11). При пересечении границы России, существовавшей до референдума 11.08.2022 г., среди положительных эмоций можно выделить облегчение, чувство спокойствия и ощущение безопасности: «Ну, наверное, как у всех, что наконец-то все спокойно, хорошо, дышится нормально» (P12); «Сразу прям, знаете, чувство безопасности появилось» (P1). Из негативных переживаний — шок от новой непривычной обстановки и среды: «Вот этот промежуток — это там вообще во времени потерялся. Было непривычно, так как я первый раз в России. Вообще не помню» (P2).

Коды о причинах выбора России в качестве страны для переезда можно разделить на две группы. К первой относятся те, в которых перечисляются преимущества переезда в РФ, например, чувство культурной общности и ожидание комфортной адаптации: «В Россию просто проще. Ну, знаешь, язык русский, ну, как бы культурно, ментально близко тоже. Я прихожанин православной церкви, ну, христианской как бы» (P13).

Во второй группе варианты выбраны методом исключения (например, нежелание переезжать в Украину и другие страны): «Ну, в Россию в любом случае, в Украину я никак не планировала и прекрасно понимала, что там еще хуже будет

ситуация» (P10), «Да и сам тоже не думал, что, ну, не знаю, не лежит душа в Европу» (P5).

Таким образом, изначально в планах у беженцев не было переезда в Россию, решение принималось спонтанно, как правило, триггером становилось событие, после которого он совершался молниеносно. Переезд был добровольным, а выбор в пользу России делался исходя из принципа «лучшее из худшего», поскольку расставание с малой родиной явилось для всех без исключения болезненным и сопровождалось негативными эмоциями. Тем не менее участники исследования рассматривали все альтернативные варианты и останавливали выбор именно на России, где они смогли удовлетворить свои базовые потребности в спокойствии и безопасности.

Трудности процесса адаптации

Общими для всех проблемами адаптации стали сложности с оформлением документов, бюрократия, правовая неграмотность беженцев: «Вот я не понимаю, какие у меня есть льготы, что я могу получить на ребенка. Куда мне обратиться, чтобы у меня какие-то были дополнительные выплаты?» (P9). Поэтому запросы участников исследования были связаны с решением насущных проблем, например касательно помощи при оформлении документов, необходимых для дальнейшей интеграции в российское общество: «С документами бы помочь, чтоб как уже полноценный член общества быть» (P15), «Но пока гражданство у всех не делается, я не знаю, на официальную работу нельзя устроиться» (P2); льгот в приобретении собственного жилья: «В первую очередь предоставить людям жилье, это сейчас основное. Тот же маневренный фонд» (P4).

Столкновение с бытовыми трудностями, сильно влияющими на адаптацию переселенцев, проявилось сразу в нескольких кодах. Наиболее выраженным выглядит ощущение ущемленности самого статуса беженца: «И мы в категории неблагонадежных все равно, как бы мы ни бились, мы будем, наверное, на долгие годы оставаться в этой категории» (P8). Травмирующим стало и ощущение себя между двумя конфликтующими сторонами. Если в Украине переезд, по словам респондентов, расценивается как предательство, то в России они не почувствовали себя интегрированными в российское общество: «Все мы понимаем, что там мы предатели,

а здесь мы чужие. И вот как-то между молотом и наковальней» (P5).

При этом результаты исследования не выявили у респондентов сплоченности из-за чувства общей беды: *«Понимаете, отдохнули, отошли. И все-таки полгода мы уже»* (P7). Респонденты, живущие и в ПВР, и в частном (обособленном) жилье, не чувствуют общности с другими беженцами и вынужденными переселенцами: *«Нет, каждый сам по себе буквально»* (P1), *«Нет-нет, я вообще ни с кем не общаюсь. Получается, живу я не общаюсь»* (P10). Участники исследования не стремились устанавливать новые контакты с людьми, оказавшимися в схожей ситуации, а продолжили общаться с прежними знакомыми: *«Когда мы узнали, кто из наших [из Краматорска], мы общаемся прекрасно, с теми, кто в Москве»* (P8). Таким образом, можно предположить, что один из важных факторов успешной адаптации [4] — сплоченность группы, чувство взаимопомощи — у беженцев и вынужденных переселенцев практически полностью отсутствует.

Основными акторами, оказывавшими поддержку и помощь беженцам и вынужденным переселенцам, стали государство и НКО: *«Во-первых, мне посоветовали в Красном Кресте “Дом с маяком”. И я попала в тот поток, когда заключали договора, и помощь была очень хорошая и моральная»* (P7), *«Я всегда ощущаю, что от государства и от каких-то волонтерских организаций какую-то дают поддержку»*. (P1). Среди запросов участников исследования можно выделить желание психологической помощи: *«Общение. Да, психологически как-то. Потому что, когда приезжают люди, они не знают, вот просто честно. Вот я, когда сюда приехала, два месяца, как нет общения. Нужны положительные мысли»* (P14).

Среди положительных особенностей адаптации респонденты отмечали благоприятные условия при поиске работы: *«По специальности я не работала, но конкретно по строительным материалам. Я уже хочу начать. А вот очень хочется. Смотрю, уже здесь востребована»* (P1). При поиске работы наиболее важным фактором является заработная плата: *«Первое, конечно, зарплата. Еще график работы и, соответственно, расположение завода»* (P5).

Отдельно стоит отметить, что выявлен код, согласно которому респонденты готовы действовать самостоятельно: *«Да ничего не надо, не мешайте. Поменьше бюрократии, просто получе-*

ние документов» (P5). Также был выявлен запрос на комплексную поддержку: *«Ну, вот просто путеводитель, может быть, я стою за зеркалом и не вижу, куда нам надо»* (P8).

ГОРИЗОНТ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Результаты исследования показали, что короткий горизонт планирования у беженцев и вынужденных переселенцев связан в первую очередь с достижением ближайших целей: *«Ну вот до августа [планы], когда диплом получу»* (P5). На горизонт планирования влияет два фактора. Во-первых, неопределенность: *«Что будет в дальнейшем, никто не знает. Неуверенность есть в будущем. Потому что я сама с тремя детками, не знаю, что будет. Может, я завтра окажусь на улице и придет своими силами»* (P15). Неопределенность в представлениях о будущем усугубляется низким уровнем понимания своих прав, непониманием/незнанием разрешенных российским законодательством сроков проживания в ПВР: *«Честно говоря, не знаю, не знаю. Ходит много слухов. Да, ходят и на два года, может, еще на что-то»* (P12). При этом 29.08.2022 г. Президент России подписал Указ о возможности пребывания граждан Украины, ЛНР, ДНР на территории РФ бессрочно⁵. Информации о продлении таких сроков для вынужденных переселенцев с российским гражданством нет. Таким образом, с одной стороны, респонденты не имеют представлений о сроках возможного пребывания в ПВР (что может снижать горизонт планирования), но, с другой — это может объясняться отсутствием необходимости в такой информации из-за возможности практически бессрочного проживания в них беженцев и вынужденных переселенцев.

Второй фактор — это внешний контекст и СВО: *«Я просто боюсь Третьей мировой войны. Что толку планировать и заводиться, если они потом не будут достигнуты. Ну, вот, пока я думаю, что мне не стоит долгосрочных планов строить»* (P7). В основном респонденты оценивают сроки окончания СВО как «долгие»: *«Военные действия будут продолжаться еще долго. Я понимаю, не год и не два. Это точно»* (P6). При этом они, как правило,

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 27.08.2022 № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48259>

затруднялись с ответом на вопрос о целях России в рамках СВО: «*Да откуда я знаю? Это только наверху решают, какие цели, нам непонятно*» (P15).

Будущее является для участников исследования одним из самых насущных вопросов и актуальной темой для обсуждения: «*Да [думаю] практически каждый день. Как бы постоянно в голове крутится что-то*» (P2). В этом вопросе респонденты четко разделились на две группы — желающие вернуться домой и планирующие остаться в России. Нельзя утверждать, что принятие решения о невозвращении связано с оценкой комфортности адаптации, так как те или иные проблемы испытывают практически все опрошенные. Однако есть целый набор других факторов, влияющих на принятие такого рода решения.

Основной причиной принятия решения вернуться домой стала ностальгия по родным местам: «*А нам хочется желательно на родину. То есть родина, мы там родились, там все наше*» (P17). При пояснении собственной мотивации респонденты в основном говорили про преимущества мест своего проживания до отъезда, хотя часто это шло в сравнении с нынешними условиями: «*Потому что здесь не те условия, в любом случае не так, как дома*» (P10). Один общий доминирующий код можно выделить и для тех, кто хочет остаться в регионах РФ, где сейчас находится, и для тех, кто собирается вернуться, — окончание боевых действий и контроль места проживания ВС РФ: «*Ну да, главное, чтобы закончились боевые действия в плане, чтобы выгнали все нечисть [ВСУ]. Вот как только ее оттуда выгонят, я приеду*» (P9). Если фактор окончания боевых действий как условие понятен и объясняется желанием обеспечить безопасность, то принципиальность контроля территории со стороны РФ требует дополнительного объяснения. В отношении к ВСУ и украинской власти можно выделить два основных кода — неприязнь, злость и отторжение: «*Когда я увидела, как они обстреливают своих же, я поняла, что дальше не хочу с ними иметь ничего общего*» (P12); и страх: «*В том же Херсоне или где-то еще возвращается волна этой украинской армии, то те, кто всплыли в каких-то новостях, им просто не выжить. Ну, как бы, в любом случае, это страх*» (P10). Таким образом, на принятие решения о возвращении влияет преимущественно внешний контекст.

Планы тех, кто хотел бы вернуться обратно, можно охарактеризовать как надежду на возвращение прежних условий жизни, а именно ремонт жилья: «*Ну, наверное, первое время мне нужно возле дома все в порядок привести*» (P14); возвращение на работу: «*Я как бы числюсь на заводе. У нас хлебозавод очень большой был, мы две области кормили, Луганскую и Донецкую область. Просто был хороший и вкусный хлеб. Так что хотелось, конечно, туда и вернуться*» (P14).

Участники исследования, планирующие остаться, говорили не об удобствах и преимуществах переезда в РФ, а о недостатках возвращения: о ведении боевых действий, непригодности условий для безопасного проживания и о контроле территории со стороны ВСУ: «*Там все разрушено, некуда возвращаться. Плюс там Украина стоит, мы там как предатели будем*» (P15).

Некоторые респонденты отмечали преимущества нахождения на территории России, где не проходит СВО: «*Ну, во-первых, здесь мирная жизнь и не видели войны и не знают, что это такое, а я по своей сути миролюбивый человек. Во-вторых, тут природа, леса, а у нас Донбасс, а там посадки-то вырублены, начиная от обстрелов*» (P13). При этом респонденты не смогли прийти к однозначному выводу о том, что должно произойти, чтобы изменилось их решение об окончательном переезде в другое место, т.е. можно сказать, что решение о продолжении проживания в России категорично. Большинство респондентов затрудняются ответить на вопрос о том, где конкретно они хотели бы жить. Пока они определились только с тем, что предпочтут город сельской местности: «*Ну, плюс-минус нормальный город, чтобы инфраструктура была какая-то*» (P5). Некоторые говорили о желании жить в регионах с более теплым климатом: «*Я хочу туда, в Краснодарский край, потеплее*» (P3). Некоторые респонденты предпочли бы, чтобы их дети и внуки жили в России: «*Да, конечно, конечно, хотела. Хотела вместе с ними жить*» (P7); другие считают так: «*Сами пускай решают, взрослые уже*» (P3).

Большинство респондентов полагают, что отношения между РФ и Украиной будут улучшаться после окончания конфликта, но не быстро: «*Я думаю, что после войны еще много времени будут восстанавливаться*» (P15). Однако, по мнению других, после окончания СВО Украина как государство в принципе перестанет существовать: «*Я считаю,*

ну, был бы я Путиным, я вычеркнул бы уже сейчас это название — Украина — как таковое» (P12).

ВЫВОДЫ

В условиях возможности практически бессрочного пребывания в РФ беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших из зоны СВО, представляется особенно значимым изучение их планов на будущее для получения достоверных знаний, которые в дальнейшем могут использоваться как для сугубо академических целей (восполнения пробела в знаниях), так и для практических (усовершенствования мер по социальной поддержке, адаптации и интеграции в российское общество).

Изучение причин переезда на территорию РФ, процесса адаптации и связанных с этим трудностей позволило более глубоко оценить мотивацию переселенцев касательно их планов на будущее, установить запрос на определенные меры поддержки.

Было выявлено, что респонденты лично столкнулись с боевыми действиями и их последствиями, после чего им пришлось спонтанно принимать решение об отъезде. В большинстве случаев обнаружен конкретный триггер (например, прилет снаряда или взрыв рядом с местом нахождения респондента, либо настойчивое желание со стороны близких). Выбор России в качестве страны проживания сделан осознанно и добровольно. Он обусловлен, с одной стороны, чувством культурной близости с нашей страной, а с другой — нежеланием оставаться на Украине или переезжать в другие европейские страны.

Процесс адаптации на данный момент проходит с существенными затруднениями, связанными с ощущением ущемленности и отсутствием чувства общности, что важно для здорового эмоционального и ментального состояния [4] (особенно после травмирующего социального опыта). Кто-то из участников исследования сталкивался с юридическими проблемами, бюрократией, некоторые не знали о сроках предоставления ПВР. Все это позволяет утверждать, что на момент проведения исследования данная социальная группа была дезориентирована в российском правовом поле. Опираясь на выводы других работ, можно говорить о том, что эти обстоятельства снижают комфортность адаптации, степень интегрированности в принимающее общество и сокращают горизонт планирования. Однако доступность вакансий и возможность выхода на работу (при

условии наличия гражданства РФ), а также существенная поддержка со стороны государства и НКО несколько облегчает процесс адаптации.

Существует важное различие в построении планов на будущее — либо это желание вернуться обратно, либо — остаться в России. На это оказывает влияние внешний контекст, СВО, отношение к украинской власти. При том, что процесс адаптации у всех респондентов примерно одинаковый, можно заключить, что единственным существенным фактором здесь является ностальгия по родине, которая была выявлена в качестве доминирующего чувства при отъезде. Так как условием для возвращения на прежнее место проживания респонденты называют контроль территории ВС РФ и окончание СВО (которая, по их мнению, будет продолжаться долго), очевидно, что представители данной социальной группы пока не собираются переезжать обратно и свое будущее планируют на территории РФ, где не происходят боевые действия.

Планы респондентов строятся только до ближайшей цели (т.е. не приходится говорить о ступенчатом планировании), несмотря на то, что они думают о своем будущем. На горизонт планирования оказывает влияние внешний контекст, чувство неопределенности и процесс адаптации.

Особое внимание в работе уделено изучению запросов респондентов — они ожидают комплексную поддержку: от психологической помощи до предоставления льгот при приобретении жилья и упрощения бюрократических процедур. Есть те, кто просит просто «не мешать».

Поскольку выявлено большое влияние внешнего контекста на коллективные представления о будущем, он был проанализирован отдельно. Респонденты ожидают, что отношения между РФ и Украиной могут улучшаться, но это произойдет после окончания СВО, что, по мнению беженцев и вынужденных переселенцев, произойдет совсем не скоро.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выявление комплексных представлений о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО, с помощью качественных методов в дальнейшем можно усилить путем повышения внешней валидности полученных данных, используя количественные методы, которые позволят подтвердить

(или опровергнуть) полученные результаты с помощью массовых и репрезентативных опросов представителей данной социальной группы. Таким образом, можно будет входить в поле с уже комплексными представлениями об их планах и взглядах на будущее.

Настоящая работа будет полезна и для прикладных целей, так как позволит нивелировать указанные выше трудности и ограничения адаптационного процесса и масштабировать те меры, которые респонденты назвали удачными и эффективными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В.А., Крюкова К.И. Юридического содержания понятий «беженец» и «вынужденный переселенец». *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2016;3(18):40–42.
2. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Институт психологии РАН; 2013.
3. Prins G. Generating Two Modes of Life: a Biopolitical Reading of Asylum Seekers and Refugees. *Erasmus Student Journal of Philosophy*. 2022;(2):17–27.
4. Vigil Y.N., Baillie A.C. “We” the refugees: Reflections on refugee labels and identities. *Refuge*. 2018;34(2):52–60.
5. Дылгерова Н.Ю. Исследование социокультурной адаптации трудовых мигрантов из Украины в Бурятию. *Вестник науки и образования Северо-Запада России*. 2015;1(4):231–235.
6. Барсукова С.Ю. Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в зеркале идеологий. *Полис. Политические исследования*. 1999;(5)31–42.
7. Стегний В.Н., Антипов К.А. Проблемы адаптации беженцев из Украины в России. *Власть*. 2015;(6):138–145.
8. Гриценко В.В., Смотрова Т.Н. Соответствие домиграционных ожиданий реальным условиям проживания как фактор успешности адаптации соотечественников из Украины и Казахстана. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. Пенза: Пензенский государственный университет; 2016.
9. Гриценко В.В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов. *Психологический журнал*. 2000;21(4):22–31.
10. Kaboli S.A. Images of the future of young refugees. *Migration-Muuttoliike*. 2018;44(1):16–17.
11. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. НН Миклухо-Маклая Российской академии наук; 1999.
12. Brough M. et al. Young refugees talk about well-being: A qualitative analysis of refugee youth mental health from three states. *Australian Journal of Social Issues*. 2003;38(2):193–208.
13. Sagbakken M., Bregård I.M., Varvin S. The past, the present, and the future: a qualitative study exploring how refugees’ experience of time influences their mental health and well-being. *Frontiers in Sociology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.00046/full>
14. Allan G. A critique of using grounded theory as a research method. *Electronic Journal of Business Research Methods*. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejbrm/article/view/1168/1131>
15. Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2011;(32):124–142.
16. Страуссе А., Кобрин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС; 2001.

REFERENCES

1. Ivanov V.A., Kryukova K.I. The legal content of the concepts of “refugee” and “internally displaced person”. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2016; 3(18):40–42. (In Russ.).
2. Nestik T.A. Collective image of the future: socio-psychological analysis. Psychological studies of problems of modern Russian society. Moscow: Institut psihologii RAN; 2013. (In Russ.).
3. Prins G. Generating Two Modes of Life: A Biopolitical Reading of Asylum Seekers and Refugees. *Erasmus Student Journal of Philosophy*. 2022;(2):17–27.

4. Vigil Y.N., Baillie A.C. “We” the refugees: Reflections on refugee labels and identities. *Refuge*. 2018;34(2):52–60.
5. Dylgerova N. Y. Research of socio-cultural adaptation of labor migrants from Ukraine to Buryatia. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii = Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia*. 2015;1(4):231–235. (In Russ.).
6. Barsukova S. Y. Issues of refugees and internally displaced persons in the mirror of ideologies. *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Policy. Political studies*. 1999;(5)31–42. (In Russ.).
7. Stegny V.N., Antipyyev K.A. Issues of adaptation of refugees from Ukraine in Russia. *Vlast = Power*. 2015;(6):138–145. (In Russ.).
8. Gritsenko V.V., Smotrova T.N. Compliance of pre-migration expectations with real living conditions as a factor of successful adaptation of compatriots from Ukraine and Kazakhstan. Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy universitet; 2016. (In Russ.).
9. Gritsenko V.V. Emotional state of Russian forced migrants. *Psikhologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2000;21(4):22–31. (In Russ.).
10. Kaboli S.A. Images of the future of young refugees. *Migration-Muuttoliike*. 2018;44(1):16–17.
11. Gritsenko V.V. Russians among Russians: problems of adaptation of forced migrants and refugees from neighboring countries in Russia. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science of the Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnology and Anthropology named after NN Miklukho-Maklaya of the Russian Academy of Sciences; 1999. (In Russ.).
12. Brough M. et al. Young refugees talk about well-being: A qualitative analysis of refugee youth mental health from three states. *Australian Journal of Social Issues*. 2003;38(2):193–208.
13. Sagbakken M., Bregård I.M., Varvin S. The past, the present, and the future: a qualitative study exploring how refugees’ experience of time influences their mental health and well-being. *Frontiers in Sociology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.00046/full>
14. Allan G. A critique of using grounded theory as a research method. *Electronic Journal of Business Research Methods*. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejbrm/article/view/1168/1131>
15. Zabaev I.V. Logic of data analysis in grounded theory: B. Glezer’s version. *Sotsiologiya: metodologiya. metody. matematicheskoye modelirovaniye = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 2011;(32):124–142. (In Russ.).
16. Strause A., Corbin D. Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques. Transl. from Eng. Moscow: Editorial URSS; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валерия Александровна Касамара — кандидат политических наук, директор Ассоциации организаторов студенческих олимпиад «Я — профессионал», Москва, Россия

Valeriya A. Kasamara — Cand. Sci. (Pol.), Director of Association “I’m professional”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9835-7950>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
valeriakasamara@gmail.com

Артём Тимурович Зельдич — студент 3-го курса бакалавриата образовательной программы «Политология» факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Artyom T. Zel’dich — master student, Educational Program “Political Science”, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0001-6656-7064>
atzeldich@edu.hse.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.08.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-17-21
УДК 008:304.4(045)

Качество жизни как фактор поддержания устойчивости национально-государственной идентичности

П.С. Селезнев, В.В. Титов, Р.Р. Баржаев
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о роли качества жизни как фактора поддержания устойчивости национально-государственной идентичности в современной России. Авторы раскрывают тему на основе анализа данных количественных социологических исследований за период 2013–2021 гг. (опросы ВЦИОМ и Института социологии РАН). В качестве теоретического фундамента исследования выступила концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера. Авторы приходят к выводу, что, как минимум, к середине 2010-х гг. в российском обществе был сформирован консенсус на уровне простого большинства совершеннолетних граждан относительно того, что качество жизни является ключевым или одним из главных критериев национального величия страны. В то же время получила широкое распространение модель иррационального престижного потребления, экстраполяции которой способствовало увеличение масштабов доступа к соответствующему медиаконтенту посредством увеличения степени проникновения интернета и усовершенствования методов имитации приобретения статусных товаров и услуг. Описанная ситуация создает риски разрушения эмпирических оснований поддержки ингруппового фаворитизма россиян и аутгрупповой дискриминации сообществ, выступающих от лица основных противников РФ на внешней арене. За счет этого качество жизни приобретает в среднесрочной перспективе роль одного из ключевых факторов обеспечения устойчивости национально-государственной идентичности россиян.

Ключевые слова: качество жизни; национально-государственная идентичность; фактор; ингрупповый фаворитизм; аутгрупповая дискриминация

Для цитирования: Селезнев П.С., Титов В.В., Баржаев Р.Р. Качество жизни как фактор поддержания устойчивости национально-государственной идентичности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1): 17-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-17-21

ORIGINAL PAPER

Quality of Life as a Factor in Maintaining the National-State Identity Steadiness

P.S. Seleznyov, V.V. Titov, R.R. Barzhaev
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

The paper discusses the quality of life capacity as a factor in maintaining the stability of national-state identity in modern Russia. The authors reveal the topic based on the analysis of data from quantitative sociological research for the period 2013–2021 (surveys by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion and the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences). The theoretical basis of the study is the concept of social identity by G. Tajfel and D. Turner. The authors conclude that, by the mid-2010s, a consensus formed among most adult citizens in a Russian society that the quality of life was the key or one of the primary criteria for the national greatness of the country. The model of irrational prestige consumption has become widespread, the extrapolation of which was facilitated by increased access to relevant media content through increased Internet penetration and improved methods of simulation getting status goods and services. The described situation creates risks of destroying the empirical basis for supporting in-group favoritism of Russians and out-group discrimination of communities speaking on behalf of the principal opponents of the Russian Federation in the external domain. Because of this, the quality of life in the medium term gains the role of one of the key factors providing the sustainability of the national-state identity of Russians.

Keywords: quality of life; national-state identity; factor; in-group favoritism; out-group discrimination

For citation: Seleznyov P.S., Titov V.V., Barzhaev R.R. Quality of life as a factor in maintaining the national-state identity steadiness. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):17-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1 17-21

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день устойчивость национально-государственной идентичности является одним из важнейших факторов обеспечения безопасности России. Она определяет как степень консолидации общества (и уровень вероятности возникновения конфликтов внутри него), так и его потенциал к мобилизации в рамках реализации важнейших общественно-политических проектов [1]. В равной степени устойчивость национально-государственной идентичности во многом определяет уровень восприимчивости общества к пропаганде различных форм экстремизма и воздействию манипулятивных практик внешних акторов [2]. При этом политические кризисы последних лет выявили наличие ряда процессов, указывающих на возникновение кризисных тенденций в эволюции национально-государственной идентичности в конкретных регионах. С одной стороны, в отдельных субъектах федерации имеют место вспышки исламофобии, провоцирующие раскол в модели самоопределения россиян на основании признака конфессиональной принадлежности [3]. С другой стороны, в ряде регионов фиксируется интенсивное развитие этнического национализма, трайбализма и религиозного экстремизма. Последнее стало возможным во многом за счет того, что этническая, региональная и конфессиональная модели самоопределения приобретают приоритетное значение относительно контура национально-государственной идентичности [4]. Следствием сочетания этих трендов становится не только рост напряженности во взаимоотношениях этнических групп и религиозных сообществ, но и расширение спектра возможностей для организации провокаций внешними акторами, враждебными России. Так, в сентябре 2022 г. в ряде районов Северного Кавказа за счет вмешательства зарубежных спецслужб были спровоцированы выступления против проведения частичной мобилизации. Осенью 2023 г. в том же регионе в рамках использования аналогичного алгоритма модерации протестов были организованы беспорядки на почве разжигания ксенофобии.

Отдельно необходимо отметить высокую актуальность заявленной темы в связи с угрозами, порождаемыми процессом продвижения «мягкой силы» геополитических конкурентов России, в первую очередь — в формате произведений массовой культуры. Последние в развлекатель-

ной форме транслируют символы, смыслы и ценности, альтернативные парадигмальным основам российской национально-государственной идентичности. Следствием этого, в особенности — в молодежной среде, становится возникновение гибридных идентичностей (и как следствие — выработка двухсторонней лояльности) или же и вовсе смена модели самоопределения [5, 6].

Все это стимулирует развитие внутри экспертного сообщества дискуссии вокруг вопроса о факторах, влияющих на укрепление либо размывание национально-государственной идентичности россиян. В том числе это касается вопроса о воздействии на обозначенные процессы качества жизни — детерминанты, которая, как правило, изучалась ранее по остаточному принципу.

Целью данной работы является оценка влияния такого фактора, как качество жизни, на поддержание устойчивости национально-государственной идентичности.

Роль теоретической основы работы исполняет концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В соответствии с базовыми положениями концепции социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера коллективные модели самоопределения формируются за счет сочетания двух факторов — ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. В первом случае речь идет о системе представлений относительно превосходства одной макросоциальной группы над прочими корпорациями по каким-либо признакам, во втором — о наличии убежденности в менее престижном характере иных идентичностей по конкретным основаниям. Например, ингрупповой фаворитизм россиян во многом обеспечивается консолидацией общества вокруг признания решающего вклада СССР в разгром гитлеровской Германии. Данная установка во многом укрепляется за счет аутгрупповой дискриминации западных союзников, чьи войска в Северной Африке, Италии и Западной Европе сталкивались с менее интенсивным противодействием сил Германии и ее союзников. Равным образом ингрупповой фаворитизм россиян подпитывается памятью о победах Советского Союза в ходе «космической гонки», а аутгрупповая дискриминация американцев — акценти-

рованием внимания на роли германских ученых и инженеров в создании космической программы Соединенных Штатов [7].

При этом иерархия оснований для выстраивания оснований ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации определяется в первую очередь социокультурным контекстом конкретного этапа развития социального организма. В случае России необходимо отметить, что на протяжении как минимум последних 30 лет наше общество переживает стадию активного усвоения потребительских ценностей. А сама система позиционирования социального статуса в рамках российского общества во многом была переформатирована в ключе моделей мышления и поведения, которые условно можно обобщить и обозначить как «престижное потребление».

Последствия трансформации системы ценностных координат фиксируются, в том числе, на основании результатов количественных социологических исследований. Так, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2013 г., показал, что 52% россиян ассоциировали жизненный успех с материальным благополучием (выбирая варианты ответов «Всего добиться в жизни» и «Жить в достатке»). Для сравнения, лишь 9% указали в качестве признака жизненного успеха самореализацию в профессии. Создание благополучной семьи и успешное воспитание детей в качестве признака успеха упомянули 11% респондентов¹. В ходе опросов, проведенных упомянутым поллстером в период 2003–2016 гг., респондентам также задавался вопрос о том, какие задачи должна решить Россия, чтобы стать великой державой. В 2016 г. впервые за историю наблюдений самое высокое место в иерархии задач занял вариант «Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан». Вариант «Иметь мощные вооруженные силы» отметили 26% опрошенных, «Развивать науку, внедрять высокие технологии» — 19%, «Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа» — 12%, «Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты» — 11%, «Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире» — 9%².

¹ Исследование ВЦИОМ: что такое успех и насколько важно быть успешным. URL: <https://gtmarket.ru/news/2013/09/19/6278?ysclid=lpmslw4gor57918773> (дата обращения: 29.09.2023).

² Россия — великая наша держава. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-velikaya->

Опрос, проведенный Институтом социологии РАН в 2018 г., показал, что 67% респондентов считают главным условием для приобретения Россией статуса великой державы развитую современную экономику. 66% заявили о необходимости повышения уровня благосостояния граждан для решения задачи повышения международного статуса РФ³.

В ходе опроса ВЦИОМ, датируемого февралем 2021 г., в качестве пяти приоритетных направлений государственной политики респонденты выбрали обеспечение качества и доступности услуг в сфере здравоохранения (38%), образования (25%), открытие новых производств (23%), обеспечение населения жильем (19%) и расширение социальных гарантий (15%). Для сравнения, вариант «Защита традиционных ценностей» отметили 3% опрошенных. Также 41% респондентов заявили о том, что, по их мнению, Россия не должна стремиться к укреплению своей «державной мощи», и ее политическому руководству лучше сосредоточиться на задаче повышения благосостояния собственных граждан⁴.

Отдельно необходимо отметить, что повышению значимости высокого качества жизни способствовали такие факторы, как распространение доступности интернета, появление на рынке в массовых масштабах дешевых смартфонов с встроенными средствами аудио- и видеofиксации и программ редактирования изображений, а также формирование относительно широкой страты людей, основным источником заработка которых стало ведение блогов. Сочетание этих факторов способствовало резкому росту стандартов качества жизни, девальвации в глазах значительной части молодежи ценности образования и классической модели построения карьеры, деконструкции рациональных моделей потребления, накопления сбережений и кредитования. Аналогичным образом указанные тенденции способствовали формированию завышенных представлений о стандартах потребления и качестве жизни за рубежом [8].

nasha-derzhava?ysclid=lpmtfgg6fw135140644 (дата обращения: 29.09.2023).

³ Благосостояние важнее «державности»: как изменились ценности россиян за четыре года? URL: <https://www.bfm.ru/news/398984> (дата обращения: 29.09.2023).

⁴ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy?ysclid=lpmtwcow5g684705590> (дата обращения: 29.09.2023).

ВЫВОДЫ

Таким образом, как минимум к середине 2010-х гг. в российском обществе сложился консенсус простого большинства населения относительно того, что качество жизни граждан является главным либо одним из основных критериев национального величия. Одновременно получила широкое распространение модель нерационального престижного потребления, распространению которой способствовало расширение масштабов доступа к соответствующему контенту за счет увеличения степени проникновения интернета и усовершенствование методов имитации приобретения статусных товаров и услуг.

Данная ситуация формирует риски разрушения эмпирических оснований поддержки интрагруппового фаворитизма россиян и аутгрупповой дискриминации сообществ, выступающих от лица основных конкурентов РФ на международной арене. За счет этого качество жизни приобретает в среднесрочной перспективе роль одного из ключевых факторов обеспечения устойчивости национально-государственной идентичности россиян.

Купировать обозначенные риски, по нашему мнению, можно только за счет комплексного подхода к проблеме. С одной стороны, необходимо добиться снижения значимости качества потребления в структуре восприятия россиянами общественно-политической повестки. С другой стороны, требуется предпринять дополнительные усилия в рамках устранения диспропорций в качестве жизни в целом — и в общенациональных масштабах, и в контексте устранения неравенства между регионами. В числе задач тактического характера необходимо особо отметить значимость стигматизации престижного потребления и конструирования реалистичных представлений относительно уровня жизни за рубежом, в том числе — путем демонстрации актуальной социально-экономической проблематики. В последнем случае следует подчеркнуть, что решение данной задачи облегчает наличие широкого пласта зарубежного медиаконтента, посвященного, например, проблемам доступности медицинских услуг и жилья в США, трудностям с выплатой студенческих кредитов, падением качества жизни на межпоколенческом уровне и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шабров О. Ф. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем. *Социально-политические науки*. 2023;(4):16–26.
2. Белов С. И. Советское символическое наследие как основа для построения национально-государственной идентичности россиян. *Вестник Российской нации*. 2018;(6):45–54.
3. Регнацкий В. В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015;(1):39–46.
4. Герштейн И. З. Политический мессанизм как элемент структуры национально-государственной идентичности ведущих государств мира. *Сборник научных трудов SWorld*. 2012;(4):60–63.
5. Комаровский В. С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России. *Власть*. 2017;(1):5–11.
6. Евгеньева Т. В., Хаматов Э. Ш. Формирование национально-государственной идентичности через спорт высших достижений (на материалах исследования в республике Северная Осетия — Алания). *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020;(1):38–51.
7. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior. *The psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall Publishers; 1986.
8. Пивкина Н. Ю. Умные города как новый стандарт качества жизни населения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;(4):120–125.

REFERENCES

1. Shabrov O. F. National-state identity in the context of global confrontation: the problem of sustainability of social systems. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2023;(4):16–26. (In Russ.).
2. Belov S. I. The Soviet symbolic heritage as the basis for building the national-state identity of Russians. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of the Russian Nation*. 2018;(6):45–54. (In Russ.).
3. Regnatsky V. V. National-state identity in Russia: a theoretical model of study. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;(1):39–46. (In Russ.).

4. Gershtein I.Z. Political messianism as an element of the structure of national-state identity of the leading states of the world. *Sbornik nauchnyh trudov SWorld = Collection of scientific works SWorld*. 2012;(4):60–63. (In Russ.).
5. Komarovskiy V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of a civil nation in Russia. *Vlast' = Power*. 2017;(1):5–11. (In Russ.).
6. Evgenieva T.V., Khametov E. Sh. Formation of national-state identity through elite sports (based on research in the Republic of North Ossetia-Alania). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University*. 2020;(1):38–51. (In Russ.).
7. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior. The psychology of intergroup relations. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior. The psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall Publishers; 1986.
8. Pivkina N. Yu. Smart cities as a new standard for the quality of life of the population. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;(4): 120–125. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel S. Seleznyov — Dr. Sci. (Pol.), Associate Professor, First Deputy Dean, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Professor of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
sps@fa.ru

Виктор Валериевич Титов — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Viktor V. Titov — Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1157-9009>
titov-msu@mail.ru

Руслан Ринатович Баржаев — стажер-исследователь, Финансовый университет, Москва, Россия

Ruslan R. Barzhaev — research intern, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0006-0479-4196>
RRBarzhaev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

П.С. Селезнев — разработка общей концепции статьи и редактирование материала.

В.В. Титов — обработка эмпирического материала.

Р.Р. Баржаев — сбор и систематизация эмпирического материала.

Authors' Declared Contributions:

P.S. Seleznyov — general conception of the research and editing of the material.

V.V. Titov — processing of empirical material.

R.R. Barzhaev — assortment and systematization of empirical material.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.09.2023; принята к публикации 19.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.09.2023; accepted for publication on 19.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-22-31
УДК 323(045)

Оценка эффективности технологий цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России

Е.В. Бродовская, В.А. Лукушин, И.Д. Кравчук
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты оценки функциональности и использования цифровых коммуникаций для интеграции жителей Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики в социокультурное пространство современной России. В исследовании применяется киберметрический анализ, а также метод построения и анализа социальных графов. Авторы приходят к выводу о неоднородности стратегий использования цифровых коммуникаций в новых регионах. Отмечается низкая представленность политических партий, общественных объединений и проектов в системе региональных цифровых коммуникаций и то, что цифровая инфраструктура новых регионов находится на этапе настройки. Общей проблемой является также низкая вовлеченность пользователей в интегрирующие информационные потоки, что можно решить посредством расширения количества официальных информационных площадок в социальных медиа, использования лучших региональных практик взаимодействия с населением и оптимизации работы с тематическим веб-контентом.

Ключевые слова: цифровые коммуникации; социальные медиа; цифровая среда; информационные потоки; интеграционные процессы; эффективность цифровых коммуникаций; цифровой менеджмент

Для цитирования: Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Кравчук И.Д. Оценка эффективности технологий цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):22-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-22-31

ORIGINAL PAPER

Efficiency of Digital Communication Technologies for Integrating the LPR and DPR Residents into the Sociocultural Expanse of Russia

E.V. Brodovskaya, V.A. Lukushin, I.D. Kravchuk
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This paper evaluates the use of digital communications and discusses the integration of residents from the Lugansk and Donetsk People's Republics (LPR, DPR) into modern Russia's sociocultural expanse. The study uses cyber-metric analysis, as well as the method of constructing and analyzing social graphs. The research concludes that strategies for using digital communications in new regions are heterogeneous. Also, the authors highlight two issues. First, there is a low representation of political parties, public associations, and projects in the regional digital communications system. Second, the digital infrastructure of new regions is currently being set up.

Keywords: digital communications; social media; digital environment; information flows; integration processes; efficiency of digital communications; digital management

For citation: Brodovskaya E.V., Lukushin V.A., Kravchuk I.D. Efficiency of digital communication technologies for integrating the LPR and DPR residents into the sociocultural expanse of Russia. *Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):22-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-22-31

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вхождение Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации, по результатам проведенных в сентябре 2022 г. референдумов, актуализировало вопрос об их интеграции в социокультурное пространство современной России. Не случайно повышенное внимание государства и гражданского общества уделяется формированию и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей среди жителей новых регионов, развитию общественно-политических проектов и иных программ и мероприятий. В данном случае речь идет о единовременном развитии цифровой инфраструктуры, повышении качества взаимодействия с населением в цифровом пространстве, уплотнении информационных потоков и их смысловом наполнении. Ценности выполняют важную функцию объединяющего компонента между обществом, культурой и личностью [1]. Без них социальная система не смогла бы сохранять направленность на достижение групповых целей, поэтому она вырабатывает определенный комплекс ценностей [2, 3].

Однако выработка и поддержание ценностного ядра в условиях широкой цифровизации и сетевизации общественной жизни невозможны без применения современных информационно-коммуникативных практик и технологий. Цифровая среда и соответствующий веб-контент позволяют транслировать необходимые ценностные установки и распространять требуемые морально-нравственные ориентиры [4, 5]. В то же время большие массивы цифровых данных предоставляют возможность определять взаимосвязи между ценностными установками пользователей социальных медиа и их политическими предпочтениями и убеждениями [6, 7].

Формирование региональной цифровой инфраструктуры представляется важным элементом интеграции новых регионов в российское социокультурное пространство. Использование социальных медиа и мессенджеров в качестве интеграционных инструментов, а также механизмов вовлечения массовых пользователей в информационные повестки доказывает свою высокую эффективность в современном сетевом обществе [8, 9]. При

этом необходимо учитывать условия и рамки использования цифровых коммуникаций.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования базируется на положениях сетевого подхода, обосновывающего трансформацию коммуникативных процессов в цифровом обществе [10, 11]. Сетевые структуры являются элементом современной коммуникации, а сети — пространством подобного взаимодействия [12]. Для достижения эффективной цифровой коммуникации с пользователями социальных медиа необходимы: взаимное пересечение сетевых структур и формирование информационных хабов точек соприкосновения информационных потоков и сборки региональных аудиторий; ориентация на связующие модели управления цифровыми сообществами и аккаунтами, основанные на доминировании внутренних лидеров мнений; соблюдение базовых правил управления веб-контентом, что позволяет достичь максимальной вовлеченности аудитории информационных потоков в нужную повестку.

Методика исследования опирается на общие принципы социально-медийной предиктивной аналитики, а также соответствующие авторские методики и разработки [13]. На первом этапе использован киберметрический анализ для оценки уровня и характера пользовательской активности и вовлеченности пользователей в информационные потоки региональных сообществ различного типа. Посредством применения сервиса «Popsters» проанализировано 360 тыс. публикаций в 100 релевантных сообществах в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Telegram» в период с 01.10.2022 по 01.04.2023 г. Выделены следующие типы цифровых сообществ: новостные, локальные, официальные и пр. На втором этапе работы применен метод построения и анализа социальных графов, который позволил проанализировать внутреннюю структуру аккаунтов, определить используемую модель управления и потенциал консолидации пользователей за счет плотности взаимосвязей наиболее влиятельных пользователей (50 релевантных цифровых сообществ). Для автоматизированной обработки данных было задействовано авторское программное обеспечение «Социальный граф».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам киберметрического анализа зафиксировано, что цифровые сообщества ДНР демонстрируют более активную публикационную активность, чем сообщества ЛНР. В то же время публикационная активность сообществ и каналов обоих регионов постепенно увеличивается после вхождения республик в состав Российской Федерации. Она же стала причиной разрыва совокупных значений пользовательских реакций (см. таблицу). Хотя аудитория ДНР показывает бóльшую цифровую активность, она отличается зрительским характером: ее контент значительно чаще, чем в ДНР, попадает в федеральные социальные медиа.

Для уточнения данных о пользовательской активности определены средние значения вовлеченности аудиторий всех сообществ *ER* (engagement rate) — относительный показатель того, какая доля аудитории взаимодействует с контентом тем или иным образом. Данный показатель рассчитан в трех вариантах: с учетом числа публикаций (*ER post*), просмотров публикаций (*ER view*), временного периода, равного одним суткам (*ER day*). Вовлеченность публикаций является наиболее проблемным показателем для всех аккаунтов, в первую очередь из-за их массовости — 150–200 постов в сутки (рис. 1). Этим, в частности, объясняется минимальный уровень вовлеченности публикаций на страницах ДНР при кратном повышении данного показателя по просмотрам. Дневная вовлеченность характеризует долю аудитории, предположительно проявившую активность на странице сообще-

ства в течение дня. Цифровые сообщества ЛНР и ДНР отличаются довольно высокой ежедневной вовлеченностью пользователей, что позволяет утверждать о сильной погруженности местного населения в их деятельность и довольно значимом локальном охвате. В то же время управление веб-контентом сталкивается с рядом проблем, связанных с неупорядоченной публикационной активностью.

Подробное распределение показателей по группам сообществ в каждом регионе указывает на достоверность сформированных выводов. Более 90% просмотров и 94% лайков в сообществах ДНР приходится на крупные новостные сообщества, которые входят в сетевые структуры федерального уровня и привлекают внимание широкой аудитории, формируя при этом меньше половины совокупного объема контента (рис. 2). С одной стороны, это создает риски отрыва от регионального ландшафта, встраивания в сети более высокого уровня при увеличении охвата аудитории и дальнейшего усиления оборотов публикационной активности. С другой стороны, данный фактор может быть использован в целях углубленной интеграции региональных аудиторий в российское информационное и медийное пространство, обладающее возможностями для трансляции интегрирующих нарративов и продвижения соответствующих политических и гражданских установок.

Иная структура публикационной активности и пользовательских реакций фиксируется в ЛНР (рис. 3). При отсутствии крупных новостных площадок, встроенных в федеральные сети, распре-

Таблица / Table

Совокупные значения публикационной и пользовательской активности в цифровых сообществах ЛНР и ДНР / Cumulative values of publication and user activity in the digital communities of the LPR and DPR

Показатель	ЛНР		ДНР	
	абс. зн.	ср. зн.	абс. зн.	ср. зн.
Публикации	101 021	2 481	261 557	5 29
Просмотры	385 280 249	3 813	9 369 898 166	35 823
Лайки	2 775 775	27	33 115 724	126
Репосты	240 047	2	1 096 881	4
Комментарии	173 140	2	1 742 843	7

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

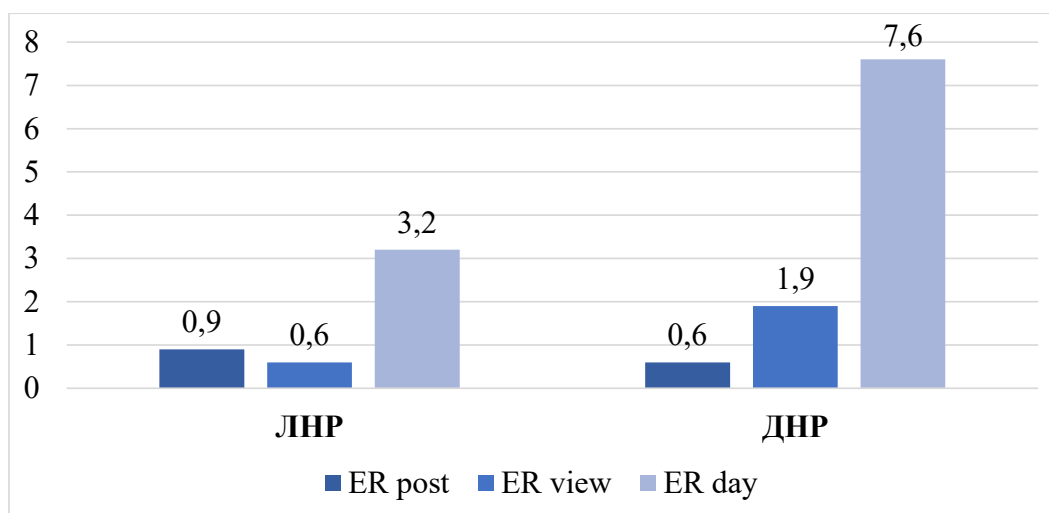

Рис. 1 / Fig. 1. Усредненные значения вовлеченности пользователей в деятельность цифровых сообществ ЛНР и ДНР / Average values of users' involvement in the digital communities of the LPR and DPR

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

деление по типам сообществ здесь выглядит более умеренным. Кроме того, втрое бóльшую публикационную активность в социальных медиа проявляют органы государственной и муниципальной власти, а основной поток публикаций формируется благодаря деятельности множества локальных сообществ городов и поселений, а также местных микроагломераций (например, Северодонецк, Лисичанск, Рубежное, Макеевка, Кременная, Сватово). Такая система организации локальных сообществ

показывает свою эффективность с точки зрения консолидации и концентрации аудитории социальных медиа.

Схожие показатели достигаются при анализе распределения уровня вовлеченности по типам цифровых сообществ (рис. 4, 5). В ДНР минимальный средний уровень вовлеченности фиксируется в крупнейших новостных сообществах и группах региональных отделений политических партий, максимальный — в локальных

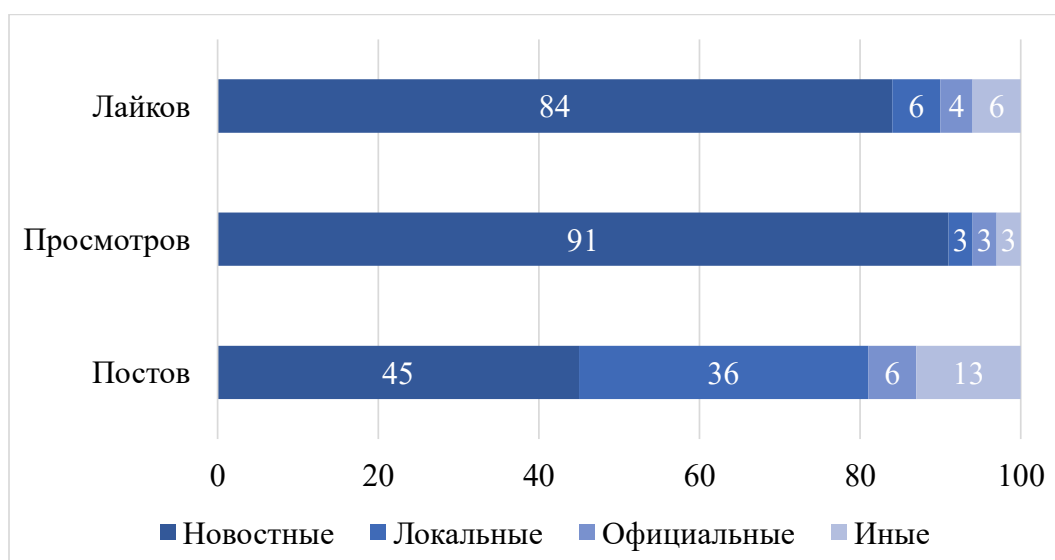

Рис. 2 / Fig. 2. Усредненные значения публикационной и пользовательской активности в цифровых сообществах ДНР (по типам сообществ) / Average values of publication and user activity in digital communities of the DPR (by community type)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

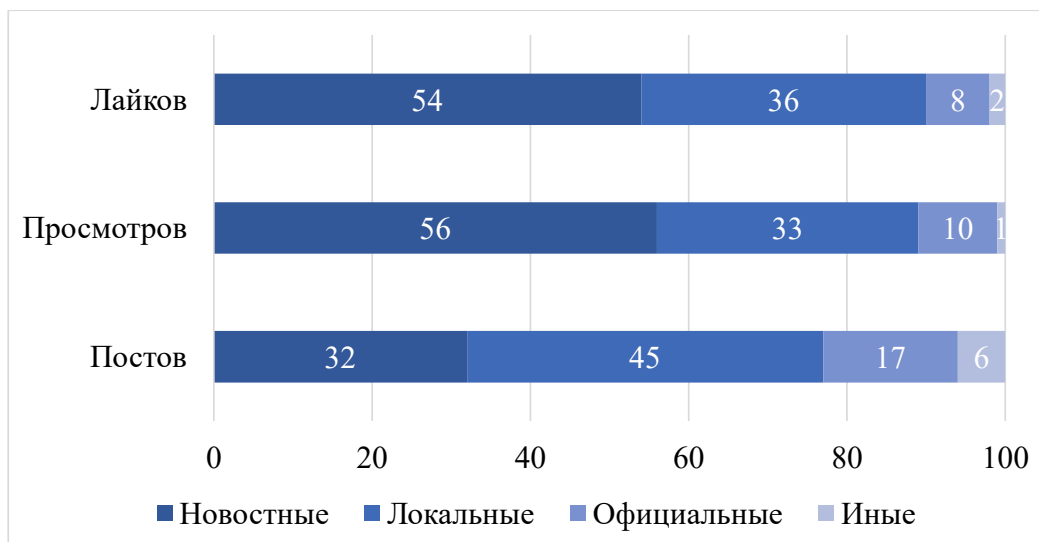

Рис. 3 / Fig. 3. Усредненные значения публикационной и пользовательской активности в цифровых сообществах ЛНР (по типам сообществ) / Average values of publication and user activity in digital communities of the DPR (by community type)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

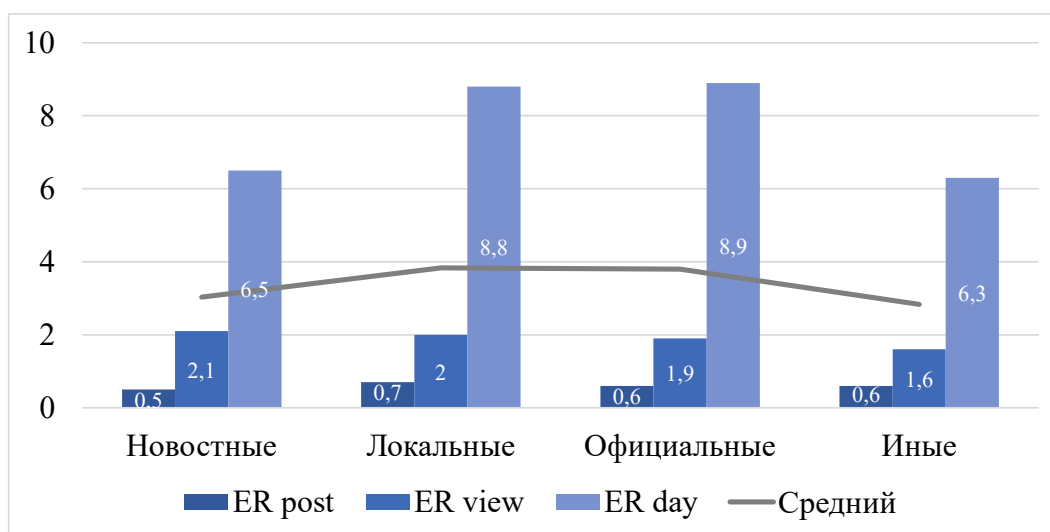

Рис. 4 / Fig. 4. Усредненные значения вовлеченности пользователей в деятельность цифровых сообществ ДНР (по типам сообществ) / Average values of users involvement in the activities of digital communities of the DPR (by community type)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сообществах, группах объединений местных жителей. В ЛНР минимальная вовлеченность также достигается на страницах политических партий и ряда общественных проектов, максимальная — в локальных сообществах и на страницах региональных органов исполнительной власти и администрации республики. Общая структура вовлеченности пользователей кор-

респондирует с совокупными значениями их реакций и демонстрирует высокий потенциал локальных объединений и городских площадок не только в оперативном информировании пользователей, но и в продвижении общественно значимых инициатив, гражданских и политических материалов, а также мобилизации местного населения.

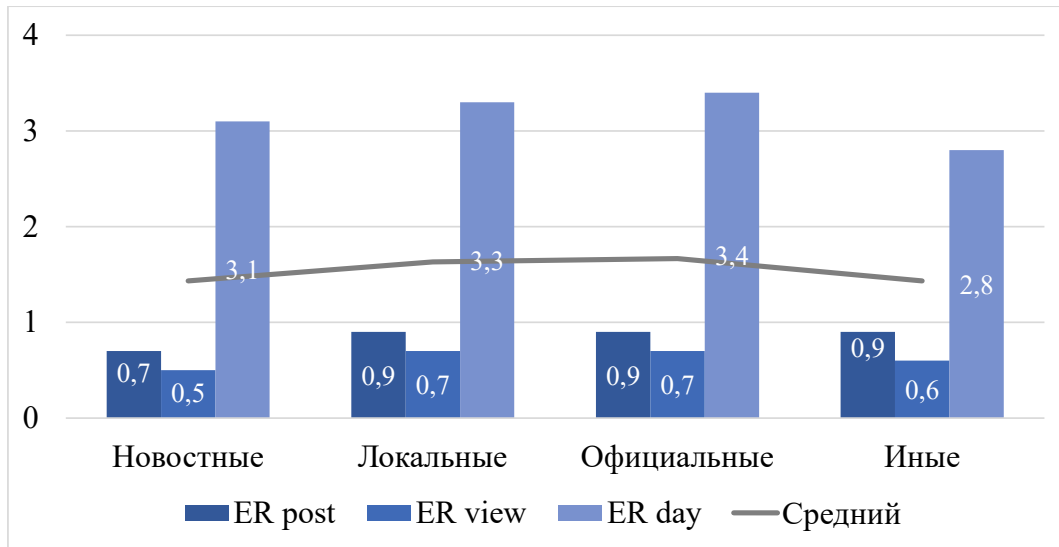
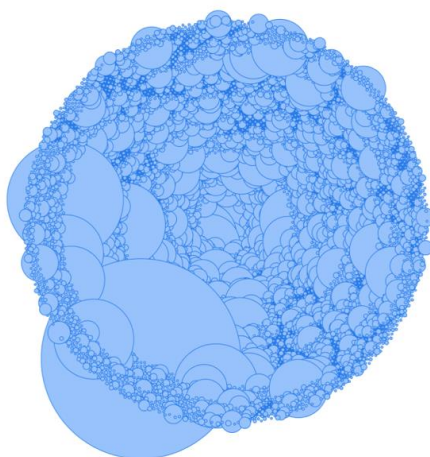

Рис. 5 / Fig. 5. Усредненные значения вовлеченности пользователей в деятельность цифровых сообществ ЛНР (по типам сообществ) / Average values of users involvement in the activities of LPR digital communities (by community type)

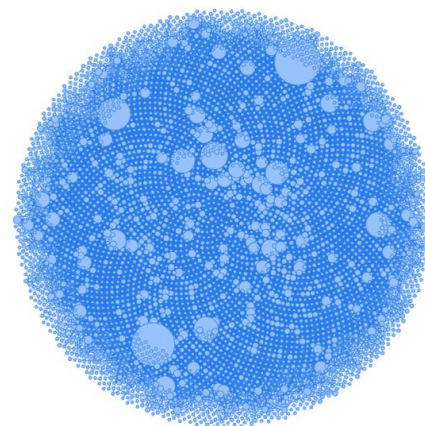
Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Применение автоматизированного инструментария помогло сформировать набор публикаций, обладающих наиболее высоким уровнем вовлеченности за указанный период. Содержательный анализ данного контента позволяет выделить следующие характеристики материалов, способных получить наибольшую обратную реакцию пользователей новых регионов:

- многократное использование символики и политических артефактов, узнаваемых и запоминаемых массовой аудиторией;
- следование ключевым тенденциям цифровых коммуникаций и адаптация к текущей информационной повестке, позволяющей материалам быть замеченными среди другого контента;

«Петровский район Донецк»

«Северодонецк 24»

Рис. 6 / Fig. 6. Примеры внутренних структур локальных цифровых пространств ЛНР и ДНР (социальные графы) / Examples of internal structures of local digital communities in the LPR and DPR (social graphs)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

- понятные объяснительные модели, открытые и доступные схемы действий, пошаговые инструкции, отвечающие на актуальные вопросы и запросы местного населения;
- нацеленность на мобилизацию пользователей и стимулирование цифровой или нецифровой активности, направленной на общественное благо (совместная деятельность, волонтерство, добровольчество и др.);
- внедрение неформальных составляющих контента, отход от бюрократизма и канцеляризма на официальных площадках органов власти и местного самоуправления, а также на страницах политических партий и общественных объединений.

Интеграция регионов в социокультурное пространство современной России подразумевает активное пересечение их инфраструктур и приспособление к устоявшимся стандартам цифровых коммуникаций. Для этого необходимо использовать все возможности, предоставляемые современными цифровыми платформами, активно работать с лидерами и микролидерами мнений в регионах, ориентироваться на наиболее успешный опыт.

В локальных цифровых сообществах ЛНР и ДНР используются различные стратегии управления. Наиболее плотные и эффективные локальные сообщества созданы в республиканских центрах, где точками сборки информационных потоков являются районные группы, которые обладают возможностями прямой коммуникации с гражданами (рис. 6). В официальных сообществах органов государственной власти и местного самоуправления выявлены более однородные

модели управления. Данные аккаунты выступают базовым звеном в интеграционной работе и продвижении официальной информационной повестки. Впрочем, сейчас в структуре цифровых сообществ фиксируются лишь несколько официальных представителей соответствующих региональных и местных министерств и ведомств, ведущих открытую информационную и коммуникативную работу в социальных сетях и мессенджерах.

Российские политические партии также активно внедряются в цифровое пространство ЛНР и ДНР. Лидеры здесь «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР. Впрочем, они выбрали различные стратегии по участию в кампаниях. Если «Единая Россия» и ЛДПР сделали ставку на возвращение местных партийных лидеров и активистов с нуля, то КПРФ опирается на известных общественников и публичных политиков незарегистрированных коммунистических организаций, обладающих собственными сетевыми структурами в республиках. Среди институтов гражданского общества наиболее активными можно назвать волонтерские и добровольческие организации, продвигающие конструктивные информационные повестки среди различных сегментов аудитории. Деятельность молодежных организаций в цифровом пространстве пока находится в стадии становления. Успешно и динамично развиваются сетевые проекты Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) и общероссийской платформы «Россия страна возможностей», которые действуют в республиках без четких возрастных, тематических и географических ограничений. Их важным преимуществом является приобщение к сетевым структурам федеральных лидеров мнений, представителей органов власти, а также блогеров и инфлюэнсеров, популярных среди отдельных аудиторий.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенной работы и применения комплекса современных методов аналитики цифрового пространства и автоматизированного программного инструментария можно утверждать о высокой активности цифровых акторов в информационных потоках Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики, а выстроенная в регионах цифровая инфраструктура демонстрирует устойчивость и работоспособность. При этом сложившиеся

практики использования цифровых коммуникаций в регионах не являются однородными.

В то же время для достижения большего интеграционного и консолидационного эффекта необходимо наладить межрегиональное взаимодействие в сетевой плоскости и устранить оторванность основных площадок двух республик друг от друга. Интеграция регионов в социокультурное пространство современной России подразумевает активное пересечение их инфраструктур и приспособление к устоявшимся стандартам цифровых коммуникаций. Для этого необходимо использовать все возможности, предоставляемые современными цифровыми платформами, активно работать с лидерами и микролидерами мнений в регионах, ориентироваться на наиболее успешный опыт. В настоящее время точками роста выступают локальные сообщества, объединяющие жителей отдельных территорий, городов и поселков или совокупности населенных пунктов (микроагломераций). При этом принципиальная роль в управлении информационными потоками и организации региональной инфраструктуры принадлежит ор-

ганам государственной и муниципальной власти, находящимся в процессе укомплектования.

Несмотря на общую для регионов проблему дефицита публикаций и качественной работы официальных представителей местных органов власти в социальных сетях и мессенджерах, следует учитывать, что цифровая инфраструктура новых субъектов находится на начальном этапе настройки, под постоянным внешним информационным давлением. Таким образом, у региональных органов исполнительной власти ЛНР и ДНР есть широкое пространство для работы по развитию региональной цифровой инфраструктуры. Перспективными направлениями такой деятельности может стать модернизация контента, увеличение количества официальных и локальных цифровых площадок, а также поддержка низовых инициатив. Ориентация на лучшие региональные практики управления в других субъектах при плотном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти повысит эффективность данного направления работы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.). Одиссей. Человек в истории. М.: Наука; 1991.
2. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия; 1998. 352 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект; 2000. 880 с.
4. Каминченко Д.И., Шмелева О.Ю. Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2020;20(2):212–218.
5. Балув Д.Г., Каминченко Д.И. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология.* 2017;(3):5–13.
6. Кожевников А.М., Масликов В.А. Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи. *Социология.* 2020;(1):149–158.
7. Бродовская Е.В., Лукушин В.А. От (анти)вакцинаторства до (анти)выборов: особенности электоральных ориентаций противников вакцинации в России. *Власть.* 2022;30(5):40–45.
8. Diou N., Mahar S., Ibpoto M., Dahar S. Integration of Political Participation and Media of Youth A Study of Khairpur City, Sindh, Pakistan. *Open Journal of Social Sciences.* 2018;(6):266–276.
9. Белый В.А., Видясова Л.А., Чугунов А.В. Электронная среда взаимодействия власти и граждан в современном мегаполисе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2022;15(2):105–122.

10. Сморгунув Л. В. Сетевой подход к политике и управлению. *Полис. Политические исследования*. 2001;(3):103–112.
11. Castells M. The rise of the network society. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers; 1996. 625 p.
12. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):155–200.
13. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;(5):79–104.

REFERENCES

1. Le Goff J. From heaven to earth (Changes in the system of value orientations in the Christian West of the XII–XIII centuries) *Odysseus. Man in history*. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
2. Kluckhohn K. *Mirror for Man. Introduction to Anthropology*. St. Petersburg: Eurasia; 1998. 352 p. (In Russ.).
3. Parsons T. On the structure of social action. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2000. 880 p. (In Russ.).
4. Kaminchenko D. I., Shmeleva O. Yu. Social media as a tool for shaping the political picture of the world of modern youth (based on materials from the Nizhny Novgorod region). *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija = News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. 2020;20(2):212–218. (In Russ.).
5. Baluev D. G., Kaminchenko D. I. Reflection of the values of modern Russian society in social media. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija = Bulletin of the Perm University. Series: Political Science*. 2017;(3):5–13. (In Russ.).
6. Kozhevnikov A. M., Maslikov V. A. Modern research into the influence of Internet communications on the formation of value orientations of young people. *Sociologiya = Sociology*. 2020;(1):149–158. (In Russ.).
7. Brodovskaya E. V., Lukushin V. A. From (anti-)vaccination to (anti-)elections: features of the electoral orientations of vaccination opponents in Russia. *Vlast' = Power*. 2022;30(5):40–45. (In Russ.).
8. Diou N., Mahar S., Ibutoto M., Dahar S. Integration of Political Participation and Media of Youth A Study of Khairpur City, Sindh, Pakistan. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;(6):266–276.
9. Belyj V. A., Vidyasova L. A., Chugunov A. V. Electronic environment of interaction between authorities and citizens in a modern metropolis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija = Bulletin of St. Petersburg University, Sociology*. 2022;15(2):105–122. (In Russ.).
10. Smorgunov L. V. Network approach to policy and management. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2001;(3):103–112. (In Russ.).
11. Castells M. The rise of the network society. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers; 1996. 625 p.
12. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):155–200.
13. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and techniques for intelligent search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(5):79–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Brodovskaya — Dr. Sci. (Pol.), Professor, Chief Research Associate at the Center for Political Research, Director of the Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

evbrodovskaya@fa.ru

Владимир Андреевич Лукушин — стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга; магистрант 2-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vladimir A. Lukushin — Research intern, Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering; 2nd year master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

valukushin@fa.ru

Иван Дмитриевич Кравчук — стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга; магистрант 2-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Ivan D. Kravchuk — Research intern, Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering; 2nd year master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3620-5289>

idkravchuk@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Бродовская — общее руководство исследованием, формулирование проблемного поля исследования, формулирование выводов.

В.А. Лукушин — сбор и обработка цифровых данных, графическая интерпретация данных.

И.Д. Кравчук — сбор и обработка цифровых данных, редактирование текста.

Authors' declared contributions:

E. V. Brodovskaya — general management of the study, formulation of the problem field, conclusions.

V. A. Lukushin — collection and processing of digital data, graphical interpretation of data.

I. D. Kravchuk — collection and processing of digital data, text editing.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.06.2023; accepted for publication on 20.07.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-32-38
УДК 7.03(045)

Генезис «западнизма» в русском искусстве как отражение разрушения национальной политической системы

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи состоит в том, чтобы с помощью междисциплинарного анализа показать разрушительную силу реформ Петра I, направленных против России как последнего государственного оплота православно-славянского мира в пользу протестантской модели романо-германской цивилизации, которую отличало агрессивное неприятие восточного христианства. Поскольку наиболее зримым отражением всех преобразований политической системы является ее культурно-идеологическая сфера, использующая в интересах правящей элиты искусство как рабочий инструмент и атрибут самовыражения власти и ее ценностно-целевых установок, основной упор автор статьи сделал на архитектуру и показал полностью прозападный характер реформирования страны. И если до Петра I власть и общество представляли собой единое цивилизационное целое, то с конца XVII в. они стали принадлежать к изначально враждебным цивилизациям. Причем российская власть, подчинив область искусства западному влиянию, содействовала установлению у нас косвенного «иноземного ига», чем были созданы условия для роста антагонистических противоречий с обществом, завершившихся событиями 1917 г., когда «чужая» власть была свергнута.

Ключевые слова: русское искусство; архитектура России; Петр I; Петровские преобразования; «западнизм»; «иноземное иго»; политическая система России

Для цитирования: Асонов Н.В. Генезис «западнизма» в русском искусстве как отражение разрушения национальной политической системы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-32-38

ORIGINAL PAPER

Westernism Genesis in Russian Art as a Reflection of the Fatality of National Policy

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia;
INION RAN, Moscow, Russia

ABSTRACT

The scientific goal of this paper aims to use interdisciplinary analysis to show how reforms of Peter I had a devastating impact on Russia. These reforms had a devastating impact on Russia, which was the last state stronghold of the Orthodox-Slavic world, in favor of Protestant models of Roman-German civilization. The aggressive rejection of Eastern Christianity characterized these models. The political system's transformations are most clear in its cultural and ideological sphere, where art becomes a means of self-expression for those in power. The author of the article, thus, focuses on architecture as a major type of art and shows the completely pro-Western nature of the country's reform. And if the power and society were one before Peter I reform, then since the XVII century they became divided into alienated civilizations. Moreover, the Russian authorities subjected the field of art to Western influence, leading to an indirect "foreign yoke." This fostered antagonistic contradictions within society, culminating in the events of 1917, when the "Alien" power was finally overthrown.

Keywords: Russian art; architecture of Russia; Peter I; Peter I Reforms; Westernism; "foreign yoke"; Russian political system

For citation: Asonov N.V. Westernism genesis in Russian art as a reflection of the fatality of national policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-32-38

В 2021 г. исполнилось триста лет с момента провозглашения России империей. С тех пор данный факт почти всегда рассматривался у нас как позитивная альтернатива «царству», ведущая к сближению с передовой Европой. Правда, это мнение было оспорено В. О. Ключевским, впервые с научных позиций нанеся удар по культу личности Петра I и указавшим на высокую долю негатива, привнесенного тогда на российскую почву. Он писал об утверждении «иноземного ига», позволившего «господство иноземцев смешивать с преобразовательным движением; национальное правительство отождествлять с реакцией» [1, с. 280].

Если учесть, что культурно-идеологическая подсистема общества является неотъемлемой частью политической системы и самым тесным образом связана с институциональной сферой, замыкающей на себя практически всю полноту методов и ресурсов власти, то становится понятным характер официального искусства. Оно во всех своих проявлениях лишено права на свободное существование и обязано выражать волю господствующего класса и его ценностно-целевые устремления. Реализации данной задачи отвечает сам термин «искусство». Считается, что он пришел к нам из славянского языка и был связан с такими понятиями, как «искус», «искушение» в смысле соблазна, притягивающего к себе и заставляющего любоваться кем-то или чем-то. Но объект любования элиты и общества может не совпадать. Тогда обществу навязывается тот вкус, который был принят государственной властью, исходя из ее понимания прекрасного. А оно, если следовать логике Юрия Крижанича, влечет за собой два варианта политических действий: ксенофобию, требующую отгородиться от чужого мира, несущего нам разрушение и деградацию, и ксеноманию — «по-нашему — чужебесие — это бешеная любовь к чужим вещам, ...доверие к чужеземцам», использующих «красоту как немую речь, и у правителей она всемогуща» [2].

Здесь главное внимание в анализе генезиса «западнизма», проявившего себя в искусстве России на рубеже XVII–XVIII вв., следует уделить архитектуре. Ведь именно она способна включить в себя разные виды живописи, представленные станковым и монументальным направлениями, скульптуру, резьбу и музыкальное наполнение.

Другие виды искусства такими возможностями не обладают. Известно, что XVII в. был переломным для всей Европы, включая Россию. И нарастающие социально-политические изменения оставили след в искусстве, приведя к модернизации архитектуры в нашей стране. Хотя новая династия стремилась к тому, чтобы все было, как при прежних государях, последствия Смуты имели необратимый характер.

Во-первых, экономический упадок способствовал установлению более широких контактов с Западом. Во-вторых, эти контакты открыли дорогу в Россию самым разным специалистам, включая тех, кто сознательно внедрял агрессивные идеи, нацеленные на разрушение православной государственности. Если греческое влияние «проводилось Церковью и направлялось к религиозно-нравственным целям», то западное проводилось государством и «проникало во все сферы жизни, изменяя понятия и отношения, напирая одинаково сильно на государственный порядок, на общественный и будничный быт, внося новые политические идеи, переделывая русского человека» [3, с. 244]. По мнению В. О. Ключевского, идеи «западничества» «родились в головах людей XVII в., и именно людей, переживших Смуту» [3, с. 246]. В 1666 г. Большой Собор возродил доктрину превосходства «царства» над «священством», подчеркнув, что своей властью царь подобен Богу и что именно он, а не патриарх, есть Божий наместник. За Россией больше не признавался свой, освященный Богом путь, а за Москвой — право именоваться «Третьим Римом» с его самовыражением в искусстве.

Прибывавшие в страну иностранцы не желали считаться с особенностями нашего развития, пытались влиять на искусство и власть. Идя на сближение с Европой, династия Романовых все дальше уходила от национально-религиозных традиций. Как писал академик А. М. Панченко, к началу петровских реформ «духовные накопления» России были объявлены «как бы не имеющими ценности. Отрицалось почти все, что было создано за семь столетий, протекших со времен Владимира Святого... В глазах “новых учителей” русская культура — это “плохая” культура, строить ее нужно заново, как бы на пустом месте» [4, с. 51]. Таким образом, рост влияния Запада и стремление власти к европейской моде, которая ей прививалась, вели к отходу от православных традиций в искусстве.

Нагляднее всего эти изменения представлены в архитектуре Москвы. Ведь она была не только политическим, но и культурным центром России. Первенство светской власти вело к ослаблению влияния на русскую архитектуру византийских образцов, которые мы почти не встретим в каменной летописи столицы и других городов России с конца XVII в. Примером таких новаций служит смена «московского узорочья» и близкого ему «пряничного стиля», сложившихся к середине XVII в., на новое направление. По фамилии родственников царя Алексея Михайловича оно стало именоваться «нарышкинским». Его главной конструктивной особенностью стал «столп» в виде подчеркнуто центричного ярусного храма, напоминающего боевую башню Кремля. Эта особенность дала название данному направлению — «нарышкинское барокко» — «восьмерик на четверике», ибо на четырехугольном основании здания (кубе) строились восьмиконечные сооружения, увенчанные куполом или шатром.

С одной стороны, истоки этого стиля можно наблюдать в русской архитектуре XVI в., в таких памятниках зодчества, как храм-звонница в честь Иоанна Лествичника (Ивана Велико-го) в Кремле или церковь во имя усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове (ныне часть музея-заповедника «Коломенское»), построенная в 40-е гг. XVI в. Бармой и Постником Яковлевым. Сюда же относится возведенный ими десять лет спустя ансамбль Покровского собора на Красной площади. Такие сооружения указывают не только на желание Романовых подчеркнуть духовную связь с православием и его символикой, но и на их право наследовать царский престол Рюриковичей. Поэтому культовые памятники архитектуры той поры несут на себе отпечаток «русского» характера власти.

С другой стороны, в данном стиле ярко выступают элементы католического барокко, проникшие в первой половине XVII в. из Польши на Украину. После присоединения Украины к России они были перенесены украинскими мастерами в Москву и другие русские города. Следует пояснить, что понятие «барокко» переводится с итальянского языка как «вычурный», «изящный» и полностью отвечает тому направлению моды, что утвердилось в католических странах в XVII в., в число которых входила зависимая от Польши Украина. Перед зодчими стояла одна задача — средствами архитектуры передать кра-

соту «Славы Божией». Отсюда шло стремление элиты приблизить светские сооружения и их внутреннее убранство к великолепию Царствия Небесного и вписать его в свою жизнь. Это было то новое, чего Русь не знала, запрещая себе подчинять красоту духовной жизни материальной сфере, считающейся главным источником порочных соблазнов и грехопадения человека. Теперь эта католическая новация перечеркивала русские стандарты, а вслед за церковным зодчеством стала меняться вся пространственная среда. «Пестрота» стала значимым отличием искусства.

Другой характерной особенностью той эпохи было сближение культовой, жилой и крепостной архитектуры. Церкви и их трапезные стали приобретать дворцовый лоск и массу резных украшений. Узкие окна-бойницы, прячущие человека от мира страстей, сменились высокими и широкими рамами с массой декоративных узоров. Схожие изменения затронули и крепостные сооружения, что можно наблюдать на примере Новодевичьего монастыря.

С 1696 г., когда вся власть перешла к Петру I, усилилось влияние протестантов. Дело в том, что пока боролись между собой «самобытники», «грекофилы» и сторонники «латинства», протестанты оставались как бы в тени, ибо они не были связаны с представителями высшей власти. Но как только царем стал Петр I, тесно сблизившийся с лютеранами, открылись условия для кардинальной модернизации культурно-идеологической подсистемы России. Используя Петра I в личных интересах, протестанты вели его к изменению институциональной и правовой сферы, лишая российское искусство прежних ориентиров. Важную роль в формировании политических взглядов Петра I сыграла немецкая слобода Кукуй, размещенная на территории Лефортово в Москве. В ней «господствующим вероисповеданием ... было лютеранское» [5, с. 107]. Влияние его на молодого царя «было столь велико, что позволительно даже говорить о воспитании Петра в духе «протестантской культуры»» [6, с. 70]. С оглядкой на немцев царь решил вывести «священство» из политики и уничтожить его воздействие на русское искусство.

Свобода от церковного контроля дала возможность знатным людям использовать все западные новации в культуре, не заботясь об их соответствии традициям страны. Примером этому служит усадьба Голицына в Охотном ряду, завершенная

«кровельным мастером Готфридом», имевшая анфиладное построение и массу западноевропейских элементов, обильно использованных во внутреннем убранстве здания. Вместо библейских и исторических сюжетов его украсил «круг солнца и беги небесные с зодиями и планеты» [7, с. 162]. Аналогичные росписи стали популярны и в царских палатах. В конце XVII в. появились и регулярные подчеркнута симметричные постройки, как во дворце Лефорта, возведенном русским мастером Дмитрием Аксамитовым во вкусах немецкой слободы.

Между тем, в Москве каменно-кирпичных зданий было сравнительно немного. Даже знать предпочитала жить в «здоровых» деревянных хоромах, как в царском дворце в Коломенском, прославшем у иностранцев «восьмым чудом света». В начале XXI в. его частично воссоздали возле метро «Каширская». Но обилие деревянных построек не умаляло общего торжественного тона столицы, отмеченного даже враждебно относящимися к России европейцами. Как писал Адам Олеарий, Москва при «солнечном свете превосходно блестит и дает всему городу прекрасный облик. Вследствие этого ... снаружи город кажется Иерусалимом, а внутри он точно Вифлием» [8]. Наблюдая это великолепие, народ не представлял себе, что может быть еще какая-то столица, убранство которой станет совершенно иным, и в ней уже не будет ничего русского и православного.

Но все шло именно к этому. Влияние слободы Кукуй на Петра I получило логическое продолжение в его поездке по протестантским странам в 1697–1698 гг. Одну из задач внутренней политики Петр I свел к повторению того, что он увидел на Западе. Для этого было решено переделать Москву и придать ей голландский вид. Но столица имела старую «лучевую» радиально-кольцевую систему строений и дорог, а голландцы любили «резать» города на квадраты. Чтобы добиться этого пришлось бы снести весь город. Поэтому указ 1712 г. о проведении «линии» улиц так и остался невыполненным. Аналогичная судьба постигла Инструкцию 1722 г. о возведении зданий вдоль определенных линий. Сломать огромный город, превосходивший размерами Лондон и Париж, царь не смог, — помешала Северная война, которая отвлекала людей и средства. Кроме того, расположение Москвы на берегах небольшой реки

не вдохновляло царя, мечтавшего о «русском Амстердаме», ради возведения которого можно было напрячь все усилия страны. Вот почему в развитии Москвы и других русских городов в первой четверти XVIII в. наступило затишье и даже застой. Указ от 1714 г. запретил всякое новое строительство.

Почти все мастера из «первопрестольной» были отправлены на берега Невы строить новую столицу. Не случайно специалисты говорят о прототипическом родстве северо-восточной Москвы, где стояли слободы Кукуй, Преображенское и Семеновское, с Санкт-Петербургом в период его ранней истории. Оставшимся специалистам вместо сноса старых зданий пришлось в 1707–1708 гг. укреплять Кремль, ожидая нападения шведов, двинувшихся из Саксонии на Россию. Кроме того, успехи в войне отмечали и в Москве. Эта особенность дала начало новой идеологической концепции — теологическая доминанта сменилась в начале XVIII в. светски-триумфальной. Вместо «Третьего Рима» и столицы «Нового Израиля», видевшегося Ивану Грозному, складывался буднично-рационалистический город. В Москве стали появляться площади и кварталы, которых не было раньше. Но все же еще сохранялось древнее деление на города, слободы и приходы, где роль площадей играли расширенные пространства у главных крепостных ворот, торговых точек и перекрестков.

Старая столица упорно не хотела принимать голландский облик, и тогда создание ее культурно-политической альтернативы стало одной из главных задач Петра I. Новый город должен был на уровне лучших образцов искусства подтвердить правильность выбранного государственного курса и показать несостоятельность всего, что было до этого. Когда в 1703 г. пала шведская крепость Ниеншанц, стоявшая на Заячьем острове недалеко от впадения Невы в Балтийское море, царю это место напомнило топкие земли Голландии, где дельта Рейна образует похожую местность.

Новая крепость была заложена 16 мая 1703 г. В ее центре возвели кирху во имя святой Анны, а рядом похожий на нее собор Петра и Павла. В 1705 г. «Ведомости» сообщили, что «крепость Питербурх весьма укреплена и того ради можно оную за главную крепость почитать». То есть она стала считаться важнее Московского Кремля. В 1706 г. крепость начали перестраивать. Внутрь

ее вели парадные Петровские ворота, выстроенные по проекту Доминико Трезини. Он же в 1712 г. стал строить в протестантском стиле Петропавловский собор. Его колокольня будет главной архитектурной доминантой страны и антиподом колокольни Ивана Великого.

Честь превращения пограничной крепости в главный город страны выпала ей в 1712 г. Согласно генеральному плану Жана Леблона новая столица, названная по-голландски «Санкт-Питер-Бурх», должна была располагаться на Васильевском острове, но он был низким и часто затоплялся. Поэтому пришлось раздвинуть границы новой столицы на южный берег Невы. Начиная с 1704 г. для строительных работ сгоняли каждый год до 40 тыс. человек. Условия их труда и жизни были крайне тяжелыми, что вело к высокой смертности. В результате, согласно сохранившимся документам, все окрестные земли, не зная шведских вторжений, обезлюдили почти на 50%, да и в других районах страны убыль населения составила от 10 до 20%.

Несмотря на то что война поглощала много средств, в новой столице решили возводить здания, соответствующие ее положению дворцового города. Первым памятником такого рода стали летний дворец Петра I и дворец А. Д. Меншикова. Их строительство началось в 1710 г. В том же году на восточной окраине города, где, по мнению царя, в 1240 г. произошла Невская битва, основали Свято-Троицкий-Александро-Невский монастырь. Сюда из Владимира перевезли мощи Александра Невского, объявив его покровителем этих мест. Так через архитектуру закладывались разрушительные тенденции в нашей государственности, убивающие ее как центр православно-славянского мира и вписывающие в качестве периферийной страны в сферу романо-германской цивилизации с ее системой ценностно-целевых координат.

В 2002 г. настоятельнице Спасо-Елиазарова монастыря, который в начале XVI в. возглавлял Филофей, обосновавший теорию «Москва — Третий Рим», автором этой статьи был задан вопрос: какой из двух столиц ближе по духу Псков? Ее ответ свелся к тому, что Псковская земля ближе Москве, потому что все города здесь строились для защиты от Запада. Санкт-Петербург — единственный город, создававшийся для продвижения Запада на Русь. И сейчас у нас ничего своего, кроме слабеющей веры, не осталось — мы стали приложением к чужому миру вместо того, чтобы оставаться стержнем своего собственного.

Новые идейно-политические установки, утвердившиеся при дворе первого российского императора, на примере искусства показали, что главная функция христианской власти, направленная на то, чтобы научить подданных быть, а не жить лучше (и через это помочь им спасти свои души для Царства Небесного), была предана забвению. И живопись сыграла тут не последнюю роль. Петр I не хотел знать, что одновременно с реанимацией античных образцов искусства, открывших дорогу Ренессансу, в православном мире началось возрождение искусства раннего христианства, примером чего явилось творчество Андрея Рублева и Феофана Грека, создавших уникальную русскую школу живописи, нацеленную на поддержку нравственных начал.

Ведь интерес художника Православного Возрождения почти всегда был обращен к изображению лица, отражающего святость как единственный объект приложения творческого мастерства. На этом фоне прочие атрибуты материального мира, подавляющие свободу духовной сущности и делающие нас рабами вещей, становились какими-то ненужными, лишними. В XVII в. эти идеи проявлялись у последователей «годуновского стиля», старавшихся «сохранить традиции школы Дионисия» [9, с. 279]. А «строгановская школа», наоборот, тянулась к католической манере польского письма.

Ко времени Петра I она заняла главное положение. Ее тяга к мелким деталям, приземленности и материализации сюжета дала дорогу светской живописи, больше не воспевающей святость и потому вставшей на путь подражания западным образцам. Ярким примером этого служат изображения Якова Тургенева как одного из главных лиц «всеപ്പянейшего собора» при Петре I и «застольного» окружения императора.

Схожие новации мы встречаем в скульптуре и литературе, т.е. везде, где государственная власть вторгалась в традиции православного мира, создавая его по западной мерке и распространяя ее диктат на всю политическую систему России. При этом от деятелей искусства требовали, чтобы они рисовали поклонников старины как носителей зла, которые «такового некоего в мысли своей имеют уроды, что им все грешно и скверно мнится быти», и якобы они «самого счастья не любят... хотели бы всем человеком быти злообразным, горбатым, темным, не благополучным» [10]. Зато подражание Западу в их

трудах должно было ассоциироваться с прогрессом и счастьем. Тем самым учреждалась особая форма «иноземного ига» в виде так называемого «косвенного управления», разрешавшего иностранцам через русских правителей диктовать свою моду нашей стране почти во всех сферах.

Учитывая вышесказанное, можно заключить, что уничтожение православно-славянской политической системы лишило Россию возможности развивать собственную культурно-идеологическую подсистему и вписанное в нее искусство. Вводимые при Петре I новации не учитывали характерной для всех политических процессов рабочей схемы, при которой «учителем» будет тот, чья система организации власти берется за основу, а кто копирует эту систему, не зная, как она работает, обречен на роль вечного «ученика». В политической теории это относится к странам «догоняющей модернизации». Они вынуждены постоянно корректировать свои действия в соответствии с требованиями своих «учи-

телей», что в полной мере относится к области искусства. Такая корректировка также развивает технологию зависимого развития. Она дает право странам «спонтанной модернизации» из другого цивилизационного поля прямо или косвенно влиять на власть зависимой от них страны и использовать ее в собственных интересах, навязывая свои стереотипы.

Это соответствует выводу В. О. Ключевского об установлении у нас благодаря Петру I «иноземного ига». Оно стало главным «приобретением» России, но новая модель не дошла до народа и не вписалась в его православно-славянскую ментальность. Так образовалась цивилизационно-культурная пропасть между властью и обществом. Конфликт приобрел антагонистический характер и расколол страну на два непримиримых лагеря и «два непримиримых искусства», создав условия для роста протестных настроений, закончившихся уничтожением империи, а затем такого же прозападного Временного правительства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. М.: Мысль; 1988.
2. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет; 1997.
3. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. М.: Мысль; 1988.
4. Панченко А. М. Противостояние русской старины (веры) и новой культуры (интеллекта). Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М.: Языки русской культуры; 2000.
5. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс-Культура; 1995.
6. Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. I. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1996.
7. Саваренская Т. Ф., ред. Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX веков: принципы художественного единства. М.: Стройиздат; 1997.
8. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат; 1986.
9. Яковлева Н. А. Русское иконописание. Благодатный образ на Руси и в России. М.: Белый город; 2010.
10. Прокопович Феофан. Слова и речи. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=3248&ysclid=lsa4vpq2hv785414310#n=0>

REFERENCES

1. Klyuchevsky V. O. Various works. At 9 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl'; 1988. (In Russ.).
2. Krizhanich Yu. Politics. Moscow: Novyj svet; 1997. (In Russ.).
3. Klyuchevsky V. O. Various works. At 9 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 1988. (In Russ.).
4. Panchenko A. M. The confrontation between the Russian antiquity (faith) and the new culture (intellect). From the history of Russian culture. T. III (XVII — early XVIII century). Moscow: Yaziki Russkoi Kulturi Publ.; 2000. (In Russ.).
5. Milyukov P. N. Essays on the history of Russian culture. At 3 vol. Vol. 3. Moscow: Progres — Kultura; 1995. (In Russ.).
6. Smolich I. K. History of the Russian Church. 1700–1917. P. I. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya; 1996. (In Russ.).
7. Savarenskaya T. F., ed. Architectural ensembles of Moscow XV — early twentieth centuries: the principles of art unity. Moscow: Stroyzdat; 1997. (In Russ.).

8. Olearius A. Description of the journey to Muscovy. Russia XV–XVII centuries. through the eyes of foreigners. Leningrad: Lenizdat; 1986. (In Russ.).
9. Yakovleva N.A. Russian icon painting. The image of grace in Rus' and in Russia. Moscow: Belyi Gorod; 2010. (In Russ.).
10. Feofan Prokopovich. Words and things. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=3248&ysclid=lsa4vpq2hv785414310#n=0> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет; ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия
Nikolay V. Asonov — Dr. Sci. (Pol.) Professor, Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University; Leader Research Associate, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>
nbassonov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 10.11.2023; accepted for publication on 10.12.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43
УДК 94(100)(045)

Новое время и Третий Рим: о сложностях периодизации истории

С.В. Алексеев

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия;
Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история и сущность понятия «Новое время». Отмечается, что логично сохранять первоначальный смысл этого термина, сложившегося в Западной Европе в эпоху Ренессанса и обозначавшего период начиная с XV в. В то же время обращается внимание на ущербность подхода, сдвигающего границы Нового времени на более поздние сроки в истории других государств и приравнивающего данный рубеж к вестернизации. При этом игнорируется как цивилизационная специфика, так и глобальный характер исторических изменений, наступивших в XV в. Также автор отмечает, что в русской философско-богословской мысли мировое «Новое время» хронологически совпадает с историей Третьего Рима – России как православной «мировой империи», преемницы средневековой Византии.

Ключевые слова: Новое время; Третий Рим; периодизация истории; Средневековье; Ренессанс; европоцентризм; вестернизация; государство-цивилизация; Российское царство; Российская империя

Для цитирования: Алексеев С.В. Новое время и Третий Рим: о сложностях периодизации истории. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43

ORIGINAL PAPER

Modern Era and the Third Rome: Complexities of History Periodization

S.V. Alekseev

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia;
Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper explores the history and essence of the *modern era* concept. It is logical to preserve the original meaning of this term, which developed in Western Europe during the Renaissance and designated the period starting from the 15th century. The flawed approach that shifts the boundaries of the modern era to a later date in the history of other states and equates this milestone with Westernization deserves attention. Both the civilizational specifics and the global nature of the historical changes that occurred in the 15th century are being ignored. In Russian philosophical and theological thought, the author stresses their view that the modern era coincides chronologically with the history of the Third Rome – Russia's Orthodox world empire and the successor to medieval Byzantium.

Keywords: modern era; Third Rome; periodization of history; Middle Ages; Renaissance; Eurocentrism; Westernization; state-civilization; Tsardom of Russia; Russian Empire

For citation: Alekseev S.V. Modern era and the Third Rome: Complexities of history periodization. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43

Понятие «Новое время», или «Новая история», как известно, появилось в качестве компонента трехчастной периодизации истории в начале итальянского Возрождения. С идейной точки зрения оно представлялось тогдашним теоретикам «Возрождением», возвращением к культуре древности (Античности) после «срединного» периода «темных веков» (Средневековья). Трехчастная схема с определением современной истории как новой или новейшей в противовес Средним векам окончательно оформилась уже в «Истории флорентийского народа» Леонардо Бруни в 1442 г. [1] и закрепилась в западноевропейской науке в XVI–XVII вв. Для образованных людей Запада того времени стало аксиомой, что Средневековье закончилось, и они живут в Новом времени.

Вместе с тем это не застраховало западную историографию от позднейших попыток сузить понятие. Стремление определить четкую границу для Нового времени в пределах первого его столетия (начиная с падения Византии в 1453 г., плаваний Колумба или Реформации) корректировало термин весьма незначительно. Однако со временем появились намного более радикальные опыты — это было связано в основном с впечатляющими глобально-историческими изменениями в XVIII–XIX вв. Преобладающее и поныне в западной науке представление заключается в том, что эти изменения были подготовлены предшествующим развитием с рубежа XV–XVI вв. и должны быть отнесены к тому же историческому периоду. Однако довольно широко распространены и концепции «долгого Средневековья». Этот термин связан в первую очередь с классиком школы «Анналов» Ж. Ле Гоффом [2], «продлившим» Средние века (хотя не во всем последовательно) до крушения Старого порядка в ходе Французской революции.

Более умеренная теория «долгого Средневековья» была принята и затем возведена в догмат в советской исторической науке. События середины XVII в. (окончание Тридцатилетней войны, социальные конфликты, включая «Войны Трех королевств» на Британских островах) в западной историографии нередко отмечались как окончание «раннего» Нового времени и наступление Нового времени как такового. Советские же специалисты считали, что данный период начался с Английской буржуазной революции [3]. С точки зрения марксизма Новое время определялось как эпоха капитализма, и при оценке британских

событий как «буржуазной революции» такой подход становился логичным. Стоит, впрочем, заметить, что классики марксизма рассматривали в качестве первой и общеевропейской буржуазной революции Реформацию (частью которой можно считать и «Войны Трех королевств»).

У всех построений, сужающих понятие «Новое время», однако есть единственное, но весьма существенное слабое место. Они совершенно игнорируют тот факт, что «Новое время» — термин уже давно не «новый». Он возник в конкретную историческую эпоху в весьма конкретном значении. Как уже было сказано, образованные люди Запада в XVI–XVII вв. не сомневались, что живут в Новом времени, как и в том, что Средневековье завершилось (если вообще использовали подобную терминологию). Навязывать сложившимся и имеющим смысл терминам новые значения — не слишком правильный подход. Логичнее было бы отказаться от них и предложить иную терминологию. Однако даже советская историография, имея в своем распоряжении формационный подход и соответствующий понятийный ряд («эпоха феодализма», «эпоха капитализма»), на это не пошла. Правда, во Франции в качестве альтернативы «долгому Средневековью» принято считать началом «новейшей» или «современной» истории Французскую революцию [4], а в мировой практике — окончание Первой мировой войны. Хотя и здесь есть исключение — в англоязычной историографии границей считается окончание Второй мировой войны [5]. Как бы то ни было, период XV/XVI–XVII вв. в качестве «Раннего Нового времени» кажется наиболее обоснованным.

С другой стороны, с учетом истории термина, больше оснований начинать «Новую историю» незападных стран с распространения в них тех черт западной культуры (не в последнюю очередь — секуляризма и гуманизма), которые были заложены Ренессансом. Это, конечно, в определенной степени неизбежно в отношении тех обществ Нового Света и Тропической Африки, где быстрые социально-культурные изменения были принесены европейской колонизацией, прервавшей их естественное развитие. Однако подобные концепции позднего наступления Нового времени прилагаются также к развитым государствам XVI–XVII вв., существовавшим на протяжении всего дальнейшего периода.

В России подобная практика в научных и учебных трудах сложилась еще до революции, когда новой историей страны обычно считали ту, ко-

торая началась с правления Петра I. Тогда это было вполне логично, поскольку фактически соответствовало моменту, когда сложилось существующее политическое устройство. Более того, при отсутствии какой-либо общепринятой схемы всемирно-исторического подхода соотношение новой (т.е. современной) истории России и Новой истории в понимании западной науки оставалось необязательным. Но и после слома всей системы петровского государства, в советский период, рубеж Петровских реформ сохранился. В учебных пособиях окончание «первого» (древнего и средневекового) периода истории России сдвинулось в итоге даже к концу XVIII в. [6], — видимо, по аналогии с «долгим Средневековьем», — или к «окончанию эпохи феодализма» в 1861 г. [7]. Самым курьезным, пожалуй, следствием стало частое даже в академических изданиях (хотя, как правило, не исторического профиля) именование России XVI–XVII вв. «Древней Русью», абсурдное как с социально-, так и культурно-исторической точки зрения. К сожалению, иногда оно встречается и до сих пор. С другой стороны, именование соответствующего периода как «Средневековья» не просто встречается, а практически превалирует в отечественной науке.

Конечно, существует проблема, если так можно выразиться, «источниковедческого» Нового времени — недостаток во многих государствах Старого Света письменных источников XVI–XVII вв. Разнообразные социальные и политические потрясения (включая и вторжения западных колонизаторов), позднее развитие архивного дела приводили к утрате массы исторических документов. Это сказывается на изучении истории Индии, государств Индокитая, Среднего Востока, ряда африканских регионов. Но к наиболее стабильным странам незападного мира — России, Османской империи, Китаю династий Мин и Цин, Японии (с XVII в.) — это не относится вовсе или относится лишь в незначительной степени. При всех связанных с военными действиями, пожарами и иными бедствиями утратах русская история была хорошо обеспечена документальным материалом уже в XV в., и на вполне «европейском» уровне — с XVII в.

Если термин «Новое время» означает просто процесс вестернизации, то он теряет значительную часть своего глобально-исторического значения. «Модернизация» при таком подходе оказывается просто синонимом «вестернизации», а иные ее возможности по умолчанию закры-

ваются. Новое время, таким образом, наступает только вследствие если не колониальной, то культурной экспансии Запада. Совершенно очевидно, что единственный источник представлений о позднем наступлении Нового времени за пределами Запада — европоцентризм. Применительно к России он является прямым игнорированием ее особенностей как государства-цивилизации.

Дополнительно усугубляет дело подмена реальной проблемы «догоняющего развития» большинства европейских и неевропейских стран по отношению к двум-трем технологическим лидерам (Англии, Франции, отчасти и позже Германии) мифом о «догоняющем развитии» всего неЗапада, включая Россию, во всех областях жизни. Между тем, основные социально-политические вехи Нового времени для России и Запада как целого синхронны, хотя конкретное их воплощение может заметно отличаться.

Государства с централизованным бюрократическим аппаратом и, как правило, единым законодательством складываются по всей Европе в XV–XVI вв.: во Франции — во второй половине XV в., в Англии — в последней четверти XV в., в России — во второй половине XV — первой трети XVI в., в Польше — на протяжении XIV — первой трети XVI в. (с последующим вторичным ослаблением центральной власти), в Испании — в последней четверти XV — первой половине XVI в. В Германии и Италии (кроме Южной, подконтрольной Испании) государства такого типа не сложились. Скандинавские королевства, напротив, оформились как вполне «централизованные» уже в XIII–XIV вв. При этом у многих стран имелась своя специфика. Например, во Франции сохранялись сеньориальные права и, соответственно, компактные владения даже ряда крупных феодалов вплоть до революции, которая кодифицировала общегосударственное право. В Испании до начала XVIII в. единство государства, унии трех древних королевств, не было юридически зафиксировано. В Польше уния 1569 г. с Литвой, сохранявшей еще удельное устройство, способствовала рефеодализации. В России же, при отсутствии подобных проблем и вследствие обширных размеров, медленно сказывались экономические последствия централизации. Часто приводимый пример — внутренние таможи, отмененные в 1754 г., намного позже, чем в Англии (к концу XV в.), но раньше, чем во Франции (1789 г.) и в Испании (1808 г.).

То же самое можно сказать и о другой характерной черте раннего Нового времени — абсолютной монархии. Стоит признать, что она отнюдь не универсальна в Европе, и ряд стран (Англия, Швеция, Польша) абсолютизма в точном смысле слова, за исключением попыток его установить, не знали. Там, где абсолютизм сложился, он устанавливался сложно и с перерывами, утвердившись во Франции к концу XV в. и затем вновь в начале XVII в., в Дании — в третьей четверти XVII в., в Испании окончательно — в начале XVIII в., в отдельных германских государствах — в XVIII в. Русское самодержавие имело глубокие отличия, восходя к византийскому идеологическому наследию, однако в основе имело те же эллинистическо-римские и христианские представления о централизованной монархической власти. Первый период его становления восходит ко второй половине XV–XVI вв. Затем, после Смуты и периода «земской монархии», с середины XVII в. формируется абсолютная монархия «западного» типа — процесс, завершённый Петром I. Особенностью России была относительная политическая стабильность на фоне западноевропейских потрясений «века революций» и, следовательно, большая устойчивость абсолютистского порядка. Однако это явление, с известными результатами «преодоленное» в начале XX в., связано было с цивилизационной, в том числе религиозной, спецификой, а не с отставанием.

Это заметно и по векам социальной истории. Прикрепление крестьян к земле с разной степенью ухудшения их социального статуса было характерно не для всех стран Европы Позднего Средневековья и Раннего Нового времени. Но практически во всей Восточной, Центральной и отчасти Северной Европе на протяжении XIV–XVI вв. существовало крепостное право. Отмена его происходила повсеместно на протяжении XVIII–XIX вв., причем в ряде стран (Австрия, Польша) потребовалась повторная отмена через некоторое время после «первичной». Процесс в германских государствах начался в 1780-х гг. (Баден) и завершился в 1832 (Саксония) — 1848 гг. (Австрийская империя). В Российской империи отмена началась в 1812–1819 гг. с Выборгской и Остзейских губерний, а завершилась на основной территории страны в 1861 г., с позднейшими установлениями для Польши и Закавказья. Последней территорией в Европе, где была отменена крепостная зависимость, стала подвластная Дании Исландия (1894 г., спустя более века после эмансипации собственно датских крестьян).

Итак, даже с точки зрения вполне «европейских» критериев социальной и политической истории Нового времени выводить за его скобки Россию XVI–XVII вв. и тем более позднейшего периода оснований нет. Однако богатая традиция отечественной историко-философской мысли побуждает искать и иные определители этой исторической эпохи за пределами европоцентризма. Наступление Нового времени было замечено на Западе. Но не было ли оно замечено и в России? И здесь самое пристальное внимание приковывает одна из традиционно, уже с XVI в., предлагаемых дат начала Новой истории — 1453 г. — падение Византийской империи.

Это событие, имевшее огромное значение для истории зарубежной Европы и, в силу образования Османской империи, для мусульманского мира, стало поворотным и для русского политического самосознания. Складывающееся Русское государство оказалось еще до падения Константинополя сильнейшей, а к концу XV в. — единственной независимой православной державой. «Вторая империя Рюриковичей», Московская Русь, вскоре названная Россией, осознала себя еще и наследницей Империи Ромеев, наследницей Рима. Идея, ясно сформулированная старцем Филофеем уже в начале XVI в., и до этого была вполне прозрачна для русской светской и духовной элиты. За принятие на себя бремени и достоинства православного царства соперничали Москва и Тверь, а уже Иван III титуловался царем, в том числе официально, добиваясь признания императорского титула от Запада. Приняв наследие православных империй и мировых царств де-факто и де-юре, Российское царство, а после, при всей «европеизации», и Российская империя сохраняли его как сердцевину государственной идеи до самого падения русской монархии. Нетрудно заметить, что история Третьего Рима хронологически строго соответствует Новому времени на Западе.

Интересно, что с падением Византии синхронизируется целый ряд ключевых для разных локальных цивилизаций мира исторических событий. Для Западной Европы — это окончание Столетней войны в том же 1453 г. На Дальнем Востоке в 1453 г. происходит захват Монголии ойратами, положивший конец «северноюаньской» Монгольской империи прямых наследников Чингис-хана. Для самой России 1453 г. — дата

окончания междоусобной борьбы в Московском княжеском доме, ставшей поводом и прологом к объединительной политике Ивана Великого. Стоит напомнить и о том, что даже в западной науке хронологические рамки Средневековья нередко определяются по времени существования Второго Рима — Византии.

Эпоха православной имперской государственности, православного царства в России и есть Новое время российской истории. В рамках же классической христианской историософии, исходящей из концепции смены и правопреемства мировых царств, эпоха Третьего Рима считалась бы подлинно «Новым временем» и для всего мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Santini E., Di Pierro C., ed. *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 19.3. Leonardo Bruni Aretino. *Historiarum florentini populi libri XII* Citta di Castello: Lapi; 1914. 516 p.
2. Le Goff J. *La civilisation de l'Occident médiéval*, Paris: Arthaud; 1964. 693 p.
3. Косминский Е.А., Левицкий Я.А., ред. *Английская буржуазная революция XVII в.* Т. 1, 2. М.: Издательство АН СССР; 1954. 492+377 с.
4. Soboul A. *La Civilisation de la Révolution française*. Vol. 1, 2. Paris: Arthaud; 1970–1982. 636+546 p.
5. Brivati B. et al. *The contemporary history handbook*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 488 p.
6. Рыбаков Б.А., ред. *История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* М.: Высшая школа; 1983. 415 с.
7. Епифанов П.П., Мавродин В.В. *История СССР с древнейших времен до 1861 года*. М.: Просвещение; 1983. 576 с.

REFERENCES

1. Santini E., Di Pierro C., ed. *Writers of Italian affairs*. Vol. 19.3. Leonardo Bruni Aretino *Histories of the Florentine people book XII* Citta di Castello: Lapi; 1914. 516 p. (In Italian).
2. Le Goff J. *The civilization of the medieval West*, Paris: Arthaud; 1964. 693 p. (In French).
3. Kosminsky E. A., Levitsky Y. A., eds. *English bourgeois revolution of the XVII century*. Vol. 1, 2. Moscow: Izdatelstvo AN USSR; 1954. 492+377 p. (In Russ.).
4. Soboul A. *The Civilization of the French Revolution*. Vol. 1, 2. Paris: Arthaud; 1970–1982. 636+546 p. (In French).
5. Brivati B. et al. *The contemporary history handbook*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 488 p.
6. Rybakov B. A., ed. *History of the USSR from ancient times to the end of the 18th century*. Moscow: Vysshaya shkola; 1983. 415 p. (In Russ.).
7. Epifanov P. P., Mavrodin V. V. *History of the USSR from ancient times to 1861*. Moscow: Prosveshchenie; 1983. 576 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

Sergey V. Alekseev — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of History, National Research Nuclear University MEPHI; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.10.2023; accepted for publication on 15.11.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-44-51
УДК 32.003(045)

Советская энергетическая политика: уроки для современной России

В.В. Андрианов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные направления энергетической стратегии Советского Союза и ключевые достижения советского народа в процессе создания крупнейшего в мире нефтегазового комплекса (НГК). Выявляются причины утраты ряда позиций отечественного НГК в постсоветский период и приводятся рекомендации по совершенствованию современной энергетической политики Российской Федерации с учетом советского опыта. Автором рассмотрен широкий спектр государственных задач, которые необходимо решать в рамках энергетической политики РФ: обеспечение стабильного прироста разведанных запасов и рационального использования углеводородных ресурсов, стимулирование освоения новых нефтегазоносных регионов, подготовка кадров для отрасли и т.д.

Ключевые слова: энергетическая стратегия; Советский Союз; недропользование; международное энергетическое сотрудничество; технологический суверенитет; подготовка кадров

Для цитирования: Андрианов В.В. Советская энергетическая политика: уроки для современной России. *Гуманитарные науки.* 2024;14(1):44-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-44-51

ORIGINAL PAPER

Soviet Energy Policy: Lessons for Modern Russia

V.V. Andrianov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The study examines the energy strategy and achievements of the Soviet Union in building the world's largest oil and gas complex (OGC). The paper analyzes the causes of decline in the domestic oil and gas industry after the Soviet era and proposes recommendations for enhancing Russia's energy policy, considering experiences. Within the framework of the energy policy of the Russian Federation, the author discusses a diverse set of state tasks. These tasks encompass ensuring stable growth in proven reserves, optimizing hydrocarbon resource usage, fostering progress in new oil and gas regions, and developing industry personnel through training programs.

Keywords: energy strategy; Soviet Union; subsoil use; international energy cooperation; technological sovereignty; personnel training

For citation: Andrianov V.V. Soviet energy policy: Lessons for modern Russia. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University.* 2024;14(1):44-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-44-51

История российской нефтяной промышленности берет свое начало еще в первой половине XVIII в., однако целостный нефтегазовый комплекс родился в нашей стране именно во времена СССР. В 1960–1990-е гг. была создана уникальная по мировым меркам единая система добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья. Она стала основой экономики страны на десятилетия вперед и залогом развития многих зарубежных государств, в первую очередь европейских, получивших бесперебойный доступ к огромным и относительно дешевым энергетическим ресурсам.

На пути развития советского нефтегазового комплекса было множество важнейших вех и свершений, которые невозможно охватить в рамках одной статьи. Поэтому, не обращаясь к полному и доскональному анализу опыта СССР, выделим лишь основные принципиальные моменты и сформулируем уроки для современной российской энергетической политики.

УРОК № 1.

«НЕФТЬ НА КОНЧИКЕ ДОЛОТА»

Так любил говорить руководитель «Главтюменнефтегаза» Виктор Иванович Муравленко, имея в виду, что природные богатства, сколь бы велики они ни были, имеют ценность только тогда, когда они открыты, изучены и поставлены на государственный баланс. Именно такая стратегия, предусматривающая постоянную интенсификацию поиска, разведки и разработки месторождений, позволила отрасли в кратчайшие сроки достичь огромных результатов. Так, первый фонтан нефти в Западной Сибири забил 21 июня 1960 г., а уже через 20 лет, в 1980 г., СССР смог стать мировым лидером по производству «черного золота». Добыча превысила 600 млн тонн в год (из них 350 млн тонн приходилось на Западную Сибирь).

«240 тысяч тонн добыли тюменцы в 1964 г., а через 23 года, в 1987 г., добыча нефти в этом районе составила 415 миллионов тонн! Вообще, это больше, чем добывала в то время Саудовская Аравия — нынешний мировой лидер, не говоря уже о многих других странах. Вот что такое Западная Сибирь!» — отмечал президент Союза нефтегазопромышленников России (СНП) Геннадий Шмаль [1].

До 1992 г. объемы воспроизводства минерально-сырьевой базы по нефти и газу превышали добычу этих полезных ископаемых. Именно за счет инвестиций, осуществленных в советскую эпоху, был

создан задел для продолжения функционирования нефтегазового комплекса постсоветской России.

Насколько хорошо усвоила этот урок постсоветская Россия? К сожалению, в 1990-е и в начале 2000-х гг. наблюдалось так называемое «проедание» сырьевого задела, сформированного в советскую эпоху, что было обусловлено резким сокращением масштабов геологоразведочных работ (ГРП).

Сокращение объема прироста запасов нефти наблюдалось в период с 1991 по 2004 г., и лишь в 2005 г. начался устойчивый рост. Период «проедания» советских запасов газа происходил с 1994 до 2010 г. Только после этого объем их прироста превысил текущий уровень добычи [2].

В итоге к началу третьего десятилетия нынешнего века экспертам Счетной палаты пришлось констатировать: «Разведанных запасов на разрабатываемых месторождениях нефти в России хватит на 35 лет добычи, природного газа — более чем на 50 лет. Однако доля трудноизвлекаемой нефти составляет 65% всех запасов. Без ее учета нефти хватит на 20 лет добычи. Потенциал открытия крупных месторождений в освоенных рудных и нефтегазоносных провинциях фактически исчерпан. При этом освоение ресурсов затрудняют инвестиционные риски и сложности в добыче в удаленных регионах страны»¹.

Означает ли это, что ресурсный потенциал страны окончательно утерян? Отнюдь нет. Огромные возможности связаны как с разработкой традиционных запасов углеводородного сырья, так и с освоением новых типов ресурсов. По оценкам экспертов, наиболее крупным потенциальным источником так называемых нетрадиционных ресурсов нефти является баженовская свита, залегающая в Западной Сибири и близкая по своим геологическим характеристикам к сланцевым формациям США. Общий объем запасов баженовской свиты, по расчетам Управления энергетической информации (EIA) Министерства энергетики США, оценивается в 1,24 трлн баррелей. Из них технически извлекаемыми считаются 74,6 млрд баррелей. Согласно оценке экспертов Тюменского нефтегазового университета, геологические запасы баженовской свиты в Западной Сибири составляют 140 млрд т (немного более 1 трлн баррелей). По мнению специалистов Института нефтегазовой геологии и геофизики

¹ Счетная палата оценила ситуацию с запасами нефти и газа в России. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ecf4acf9a79471f02f74b9b>

имени А.А. Трофимука, на баженовскую свиту приходится от 18 до 60 млрд т извлекаемых ресурсов, или же от 131 до 440 млрд барр. нефти².

Помимо этого, в России имеются такие перспективные геологические формации, как доманиковская (6,6 млрд барр.), куанамская (5,1 млрд барр.) и хадумская (80 млн барр.) свиты.

Необходимо отметить, что освоение российской сланцевой нефти началось еще во времена СССР, т.е. задолго до начала «сланцевой эпопеи» в США [3]. К масштабной разработке баженовской свиты приступили в 1975 г. Однако в 1990-е и в начале 2000-х гг. на фоне общего экономического кризиса в стране интерес к этому направлению развития минерально-сырьевой базы был утрачен. В последнее время российские нефтегазовые компании вновь обратились к изучению и опытно-промышленной эксплуатации перспективных нетрадиционных формаций, в первую очередь бажена.

К началу 2020-х гг. в России стала возможна рентабельная добыча нефти, залегающей в баженовской свите, — соответствующие технологии были созданы в рамках национального проекта «Бажен». Предполагалось, что только на начальном этапе реализации данного проекта, до 2025 г., освоение одного участка свиты принесет казне дополнительно до 60–70 млрд руб. налоговых поступлений. При этом рынок отечественного оборудования, которое может быть произведено в рамках проекта, оценивается в 150 млрд руб. Инвестиции в проект с 2013 г. составили свыше 22 млрд руб., а их общий объем по всем проектам, связанным с разработкой баженовской свиты в Западной Сибири, оценивается более чем в 1,5 трлн руб. до 2040 г.³

Таким образом, ни в коем случае нельзя останавливаться и замедлять темпы освоения ресурсного потенциала страны. К счастью, этот урок в последнее время стали учитывать, и ситуация с воспроизводством минерально-сырьевой базы в отечественном НГК постепенно выправляется. Так, по итогам 2022 г. прирост запасов жидких углеводородов (нефть и газовый конденсат) в России в результате геологоразведочных работ составил 600 млн т, газа — 675 млрд м³. Это ниже результатов 2021 г. (614 млн т и 1,554 трлн м³,

соответственно), но, тем не менее, прирост запасов полностью восполнил добычу 2022 г.⁴

УРОК № 2.

НАДО ИДТИ НА ВОСТОК И НА СЕВЕР

Развертыванию работ по освоению месторождений Западной Сибири дали старт два важных постановления Совета министров СССР:

«О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» (19 мая 1962 г.).

«Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» (4 декабря 1963 г.) [4].

11 декабря 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». В данном документе ставилась цель довести добычу нефти в Западной Сибири до 100–120 млн т в год. Для решения этой задачи были мобилизованы огромные ресурсы: материальные, финансовые, кадровые и интеллектуальные. В результате уже на первом этапе выполнения данной программы были получены значительные положительные результаты. Это позволило обеспечить ускоренное развитие в Западной Сибири нефтяной и газовой промышленности, электроэнергетики, транспорта, строительной индустрии.

Само по себе решение руководства СССР приступить к разработке углеводородных запасов Западной Сибири было крайне смелым и дальновидным. Разумеется, существовало понимание того, какие сложности ждут страну на пути освоения обширнейших необжитых пространств с суровым климатом, полностью лишенных какой бы то ни было инфраструктуры. Однако советские люди не спасовали перед трудностями, и именно благодаря этому был создан уникальный нефтегазовый комплекс.

«По большому счету, если бы тогда, в 60–80-е гг., не были открыты эти запасы нефти, что сегодня делала бы Россия? Где бы она находилась? Сегод-

² Запас карман не тянет. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2016/10/204/

³ Национальный проект «Бажен». URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/916/

⁴ Прирост запасов ЖУВ в России по итогам ГПП в 2022 г. составит 600 млн т, газа — 675 млрд м³. URL: [https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/764578-prirost-zapasov-zhuv-v-rossii-po-itogam-gpp-v-2022-g-sostavit-600-mln-t-gaza-675-mlrd-m3/#:~:text=Прирост%20запасов%20жидких%20углеводородов%20\(нефть,co%20ссылкой%20на%20Минприроды%20РФ](https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/764578-prirost-zapasov-zhuv-v-rossii-po-itogam-gpp-v-2022-g-sostavit-600-mln-t-gaza-675-mlrd-m3/#:~:text=Прирост%20запасов%20жидких%20углеводородов%20(нефть,co%20ссылкой%20на%20Минприроды%20РФ)

ня бы нашей страны просто не было. Экономика ее устояла именно благодаря тому, что была подготовлена и освоена уникальная сырьевая база», — отмечал в этой связи академик РАН Алексей Конторович [1].

Сегодня движение на Восток необходимо продолжать. Как отмечают эксперты Института нефтегазовой геологии Сибирского отделения РАН, только в Восточной Сибири начальные извлекаемые ресурсы составляют 26,7–30,8 трлн м³ газа, 8–10 млрд т нефти, 1,5–2,0 млрд т конденсата, что позволяет создать в данном регионе новый центр добычи углеводородного сырья. Но для этого уже сегодня нужно бурить поисковые и разведочные скважины и открывать новые запасы.

«На востоке России необходимо вкладывать деньги в процесс доразведки месторождения, однако компании очень неохотно проводят такие работы, ведь это большие затраты, которые не приносят сиюминутную прибыль. В периоды кризисов 2008, 2014 годов в первую очередь сократилось финансирование геолого-разведочных работ. Между тем, чтобы добывать нефть в будущем, уже сегодня нужно бурить поисковые и разведочные скважины и открывать новые запасы. Чаще всего процесс геолого-разведочных работ занимает пять-десять лет и больше, это нужно учитывать», — отмечает ведущий научный сотрудник ИНГГ СО РАН, доктор экономических наук Ирина Филимонова⁵.

Помимо Восточной Сибири, необходимо осваивать северные, в том числе арктические районы. И на этом пути уже есть успехи. Так, ПАО «НК «Роснефть» приступило к реализации не имеющего аналогов в мире проекта по добыче углеводородов в районах Крайнего Севера — «Восток Ойл». Подтвержденная ресурсная база проекта по жидким углеводородам превышает 6 млрд т (44 млрд барр.). Проект включает в себя Ванкорский и Восточно-Таймырский кластеры, Западно-Иркинский участок и Пайяхскую группу месторождений. Потенциал поставок нефти на сырьевые рынки к 2032 г. оценивается в 115 млн т. По оценкам компании KPMG, доход от «арктических» инвестиций превысит 30 трлн руб. до 2038 г. Реализация проекта даст импульс для развития смежных отраслей экономики, таких как машиностроение, металлургия, электроэнергетика, дорожное строительство, судостроение и т.д.⁶

⁵ Нефть Восточной Сибири: прогнозы, затем добыча. URL: <https://www.sbras.info/index.php/articles/science/neft-vostochnoi-sibiri-prognozy-zatem-dobycha>

⁶ «Восток Ойл». Перспектива развития мировой нефтяной отрасли. URL: https://fedpress.ru/projects/east_oil

«Очень важно, вырабатывая государственную политику по развитию северных месторождений, по формированию инфраструктуры, учитывать, что это не вопрос сегодняшнего дня. Это вопрос стратегический. Очевидно, что именно северные месторождения станут одним из ресурсов конкурентоспособности России как мирового производителя нефти и газа. Очень много будет зависеть от того, как мы сможем выстроить государственную политику в области освоения северных месторождений, насколько мы сможем обеспечить импортозамещение, развивать собственные технологии и инфраструктурную базу», — отмечает директор ИМЭМО РАН Федор Войтоловский⁷.

Иногда приходится слышать заявления о том, что этот проект слишком масштабен и амбициозен, что надо с осторожностью относиться к таким проектам-гигантам. Если бы руководители и специалисты советской эпохи рассуждали так же, сегодня бы у нас просто не было бы уникального западносибирского нефтегазового комплекса. И урок здесь заключается в том, что именно подобные смелые и масштабные начинания способны стать залогом энергетической безопасности страны на длительную перспективу.

УРОК № 3.

БЕРЕЖНОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕСУРСАМ

Важнейшей государственной задачей является не только стимулирование поиска и добычи полезных ископаемых, но и обеспечение рационального использования природных богатств. Применительно к нефти речь идет о повышении так называемого коэффициента нефтеотдачи (КИН), характеризующего полноту отбора запасов, содержащихся в природных резервуарах. Цель государственной политики — избежать бесхозяйственного использования углеводородного сырья, не допустить потери запасов в недрах и сохранить их максимальный объем для грядущих поколений. Вопреки распространенным мифам о потребительском отношении советского руководства к природным богатствам и о нацеленности на экстенсивный путь развития экономики за счет вовлечения в оборот все больших и больших объемов ресурсов, в СССР серьезное внимание уделялось повышению коэффициента нефтеотдачи.

⁷ На севере Красноярского края дан старт проекту «Восток Ойл». URL: <https://rg.ru/2020/12/30/reg-sibfo/na-severe-krasnoiarского-kraia-dan-start-proektu-vostok-ojl.html>

В 1976 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 700 «О мерах по наиболее полному извлечению нефти из недр». В нем ставилась задача: «обеспечить вовлечение в разработку с применением новых методов повышения нефтеотдачи пластов, геологических запасов нефти к 1980 году в количестве до 3%, к 1985 году — до 18% и к 1990 году — до 32% запасов в целом по стране на указанные периоды времени». Министерству нефтяной промышленности и ряду научных организаций поручалось «разработать на 1976–1980 годы программу создания принципиально новых методов воздействия на нефтяные пласты с целью обеспечения максимального извлечения нефти из недр». Также в постановлении приводились конкретные меры, направленные на производство техники и химических реагентов, необходимых для выполнения поставленных задач⁸.

К сожалению, в постперестроечный период вопросы повышения нефтеотдачи были отодвинуты на второй план. Как следствие, показатель КИН прекратил свой рост и начал стремительно снижаться. Лишь в 2000 г. наметилась стабилизация, а затем обозначился рост. К концу десятилетия средний показатель КИН по России официально был зафиксирован на уровне 38% [5].

Дальнейшее повышение КИН необходимо не только в целях обеспечения рационального недропользования, но выполнения «урока № 1», т.е. увеличения объема запасов, рентабельных для разработки. «Есть технологии, которые позволяют гораздо больше “выжимать” из существующих месторождений. Сейчас у нас коэффициент извлечения нефти 25–30–35%. Мы оставляем в земле 70–75% нефти, которая там была изначально, физика так работает. Есть способ заставить месторождения отдать больше нефти», — отмечает глава департамента стратегий и инноваций компании «Газпром нефть» Сергей Вакуленко⁹.

УРОК № 4.

НУЖНЫ СОБСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Важной особенностью западносибирской эпопеи стало то, что она разворачивалась с опорой на советские технологии и оборудование.

«В суровых природно-климатических условиях Западной Сибири работать традиционными

методами было невозможно. Требовался другой инновационный подход к технике, технологии, организации производства, необходимы были значительные финансовые и материальные затраты. Освоение региона сопровождалось вводом в разработку нефтяных месторождений с использованием передовой технологии, применением индустриальных методов строительства нефтепромысловых объектов, совершенствованием процесса бурения скважин, а также внедрением передовых методов организации производства и труда», — отмечает кандидат исторических наук А.А. Матвейчук [4].

Для решения этой народнохозяйственной задачи в кратчайшие сроки был создан мощнейший отраслевой научный комплекс, включивший в себя широкую сеть научных институтов, проектных бюро и иных организаций и учреждений. Фактически Советский Союз продемонстрировал уникальный опыт успешного создания и ускоренного развития нового научного направления, связанного с изучением и эксплуатацией нефтегазового потенциала недр Западной Сибири.

«Научное обоснование, открытие и разработка технологий освоения сибирских месторождений — величайшее достижение. Делалось это своими, отечественными мозгами и руками, не на привозных технологиях и не на привозных сервисах. У такой системы добычи, которая была создана в Западной Сибири, нет аналогов. Никто в мире до нас не строил подобных транспортных систем нефти и газа. Никто и никогда в мире не осваивал месторождений типа Уренгойского. Люди, которые осваивали эти месторождения, были первыми, они создавали эти технологии, они находили научные и инженерные решения. Мы должны склонить перед ними головы», — отмечает академик А. Конторович [1].

К сожалению, в данном случае советский урок был плохо выучен. На рубеже XX и XXI вв. наша страна фактически заморозила развитие своих нефтегазовых технологий и результат не замедлил сказаться. Так, к 2014 г. доля импорта в поставках критически важного нефтегазового оборудования достигла 80%, а по отдельным позициям российских аналогов и вовсе не существовало.

Особенно чувствительна для нефтегазовой отрасли оказалась высокая зависимость от импорта насосно-компрессорного и сейсморазве-

⁸ О мерах по наиболее полному извлечению нефти из недр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765709537>

⁹ Эксперт рассказал, на сколько лет хватит известных запасов нефти в России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7459923>

дочного оборудования, технологий и техники для морского бурения, систем автоматизации и программного обеспечения.

В лишь в марте 2015 г., после ввода первых антироссийских санкций, был утвержден план мероприятий по импортозамещению в нефтегазовом машиностроении. В нем, а частности, учитывались потребности отрасли в отечественных технологиях для освоения арктических территорий. По итогам реализации плана по импортозамещению, доля отечественных катализаторов нефтепереработки достигла 66% (31,8% в 2014 г.), катализаторов нефтехимии — 72,7% (34,2% в 2014 г.), крупнотоннажных полимеров — 93,5% (83,2% в 2014 г.) в общем объеме их потребления. Всего было реализовано более 60 проектов по производству российского оборудования для НГК. Имеются успехи и в области разработки отечественного программного обеспечения (ПО).

После начала специальной военной операции на Украине и резкого усиления санкционного давления на Россию актуальность задачи импортозамещения в нефтегазовом комплексе значительно повысилась. «После расширения санкций в 2022 году нам важно обеспечить топливно-энергетический комплекс российским оборудованием и технологиями с точки зрения энергобезопасности. Сейчас создана рабочая группа на уровне Минэнерго и Минпромторга с участием крупнейших российских нефтегазовых компаний, которая провела большую работу по анализу спроса на оборудование, поставка которого из-за рубежа стала недоступна. Пока в России импортозамещено 60% оборудования в ТЭК, но президент обозначил задачу выйти на 80% к 2025 г. Чтобы выполнить эту задачу, необходима единая нормативная база и актуализация российских стандартов на одной площадке», — заявил заместитель председателя Правительства РФ Александр Новак осенью 2022 г. в рамках Российской энергетической недели¹⁰.

Таким образом, сегодня наша страна постепенно возвращает себе технологический суверенитет в НГК, но остается лишь сожалеть, что мы не восприняли советский опыт и не начали это делать раньше.

¹⁰ Власти и компании ТЭК выработали совместные подходы к импортозамещению на Российской энергетической неделе. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/10/14/vlasti-i-kompanii-tek-virabotali-sovmestnie-podhodi-k-importozamescheniyu-na-rossiiskoi-energeticheskoi-nedele

УРОК № 5. МАГИСТРАЛЬНЫЕ ТРУБОПРОВОДЫ — КЛЮЧ К РЫНКУ

Именно во времена СССР началось создание мощнейшей транспортной инфраструктуры для доставки энергоресурсов как внутренним потребителям, так и на международные рынки. В 1964 г. завершилось строительство нефтепровода «Дружба», по которому нефть Волго-Уральского нефтегазового района начала поступать в страны — члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Впоследствии появилась необходимость нарастить масштабы поставок нефти в Восточную Европу, и поэтому было принято решение о сооружении трубопроводной системы «Дружба-2». Это позволило увеличить экспорт нефти из СССР более чем в два раза.

Аналогичным образом развивалась и экспортная инфраструктура газовой промышленности. В 1983 г. был введен в эксплуатацию магистральный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород. Данный проект был реализован, несмотря на беспрецедентное давление со стороны США, пытавшихся не допустить налаживания поставок углеводородного сырья из СССР в Европу. Можно констатировать, что строительство этой магистрали стало не только крупным технологическим и экономическим достижением СССР, но и триумфом энергетической политики страны. Советскому руководству удалось установить деловые контакты с представителями европейского истеблишмента и доказать преимущества нового трубопроводного проекта, обосновать его долгосрочный позитивный эффект для экономик европейских стран. Это позволило осуществить проект вопреки американским санкциям.

«Обратим внимание на этот момент: европейские политики, партнеры США по НАТО, решительно выступили против санкций, не проявив никакой трансатлантической солидарности. В июле-августе 1982 года правительства ФРГ, Франции, Италии, Великобритании заявили о незаконности американских санкций и поддержали национальные компании в намерении продолжить поставки оборудования в СССР», — отмечается в книге А. Гривача и К. Симонова «Великая газовая игра» [6].

Советский опыт подсказывал, что давление из-за океана никуда не денется даже после того, как великая социалистическая держава исчезнет с политической карты мира. Однако в 1990-е гг. тогдашнее политическое руководство страны уповало преимущественно на расширение поставок

энергоресурсов на Запад и упустило из виду задачу дальнейшего расширения и географической диверсификации транспортной инфраструктуры.

К счастью, в 2000-е гг. такая необходимость была, наконец, осознана, и Россия приступила к сооружению целого ряда важнейших магистралей. Так, 28 декабря 2009 г. была запущена первая очередь нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) от Тайшета до Сковородино длиной 2694 км и мощностью 30 млн тонн в год. 25 декабря 2012 г. сдана вторая очередь «ВСТО-2» по маршруту Сковородино — Козьмино.

В 2012 г. был реализован проект «Северный поток». Трасса газопровода проходит по дну Балтийского моря и позволяет напрямую поставлять газ Западной Сибири в Германию. В декабре 2019 г. введен в эксплуатацию магистральный газопровод «Сила Сибири». Его проектная мощность составляет 38 млрд м³ газа в год. На стадии разработки находится проект газопровода «Сила Сибири — 2» для транспортировки газа из Западной Сибири в Китай через территорию Монголии. В декабре 2019 г. введен в эксплуатацию газопровод «Турецкий поток», состоящий из двух ниток суммарной мощностью 31,5 млрд м³ в год.

Уроки Советского Союза напоминают нам о том, что реализация подобных масштабных проектов не может сводиться лишь к последовательному выполнению ряда технических задач. Они должны сопровождаться интенсивным диалогом с политическим истеблишментом и деловой элитой тех стран, которые станут конечными потребителями российских энергоресурсов. Иными словами, развитие трубопроводной инфраструктуры должно быть органично вписано в общую повестку развития двухсторонних и многосторонних контактов и, более того, — служить основой и драйвером как для расширения экономического партнерства, так и для укрепления уже существующих и формирования новых внешнеполитических альянсов.

Речь идет в первую очередь о создании мощного российско-китайского энергетического союза. В 2022 г. по трубопроводу «Сила Сибири» в КНР было прокачено свыше 15 млрд м³ российского газа. Проектная мощность трубопровода позволяет в перспективе нарастить данный объем до 38 млрд м³ в год. А создание новых маршрутов даст возможность уже в обозримом будущем экспортировать в Китай 100 млрд м³ российского газа. «При этом возможности российской ресурсной базы природ-

ного газа существенно превышают эти объемы. Речь идет как о запасах газа Западной Сибири, перенаправляемых с европейских направлений, так и об обширной ресурсной базе на Востоке России. Только у «Роснефти» запасы газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которые могут быть потенциально поставлены в Китай по трубопроводам, превышают 2 трлн куб. метров», — отмечает главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть» Игорь Сечин¹¹. Большие перспективы связаны также с созданием нового газового хаба в Турции.

Развивая и совершенствуя свою инфраструктуру, Россия сможет не только сохранить текущие объемы экспорта энергоресурсов, но и нарастить их, тем самым укрепив свои позиции в глобальной энергетике и на международной политической арене.

УРОК № 6. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Советского нефтегазового чуда не случилось бы без самоотверженного труда сотен тысяч, миллионов людей — геологов, строителей, буровиков, операторов добычи и специалистов других профессий.

В СССР была сформирована уникальная система подготовки отраслевых кадров — от рядовых работников до руководителей самого высокого уровня. В стране действовали пять нефтяных институтов: в Москве, Баку, Грозном, Уфе и Ивано-Франковске. Кроме того, специалистов с высшим образованием для нефтяной промышленности готовили в Ленинградском горном институте [7].

Важно отметить, что во главе отрасли находились подлинными профессионалы, не боявшиеся ставить перед собой и своими коллективами масштабные амбициозные задачи и умеющие решать их. В рамках одной публикации невозможно перечислить наиболее выдающихся руководителей, специалистов и работников нефтяной и газовой промышленности СССР, внесших огромный вклад в ее становление и развитие.

Советский опыт наглядно продемонстрировал, как важен человеческий фактор во всех звеньях производства. Работники нефтегазового комплекса своими трудовыми подвигами доказали, что залог таких прорывных свершений, как освоение Западной Сибири, — сочетание высокого профес-

¹¹ Игорь Сечин выступил с ключевым докладом на открытии IV Российско-китайского энергетического бизнес-форума. URL: <https://www.rosneft.ru/press/today/item/212759/>

сионализма, личной смелости и самоотверженной преданности своему делу.

Необходимо отдать дань глубочайшего уважения этим людям и постоянно учиться у них не

только трудовым навыкам и ответственному отношению к своей работе, но и государственному стратегическому мышлению и настоящему патриотизму!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блохин В.А. Это было со страной — значит, было и с нами... К 50-летию с начала промышленной добычи нефти в Западной Сибири. *Бурение и нефть*. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2014-07-08/1>
2. Филимонова И.В. Воспроизводство минерально-сырьевой базы нефтегазового комплекса России. *ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ*. 2017;(1):197–200.
3. Хартуков Е.К. «Сланцевая нефть» в России: сегодня и завтра. *Сфера. Нефть и газ*. 2020(3–4):104–111.
4. Матвейчук А.А. На нефтяных рубашках XX века. *Нефтегазовая вертикаль*. 2021;(13–14):104–113.
5. Муслимов Р.Х. КИН — его прошлое, настоящее и будущее на месторождениях России. *Бурение и нефть*. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2011-02/9>
6. Гривач А., Симонов К. Великая газовая игра. М.: Издательская группа Точка»; 2019. 304 с.
7. Вахитов Р. и др. Высшее нефтяное образование в России: прошлое и современность. *Жамият ва инновациялар — Общество и инновации — Society and innovations*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-neftyanoe-obrazovanie-v-rossii-proshloe-i-sovremennost/viewer>

REFERENCES

1. Blokhin V.A. It happened to the country, which means it happened to us too... On the occasion of the 50th anniversary of the start of commercial oil production in Western Siberia. *Burenie i neft' = Drilling and oil*. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2014-07-08/1> (In Russ.).
2. Filimonova I.V. Reproduction of the mineral resource base of the oil and gas complex of Russia. *INTEREKSPLO GEO-SIBIR' = INTEREXPO GEO-SIBERIA*. 2017;(1):197–200. (In Russ.).
3. Khartukov E.K. Shale Oil in Russia: Today and Tomorrow. *Sfera. Neft' i gaz = Sphere. Oil and gas*. 2020(3–4):104–111. (In Russ.).
4. Matveychuk A.A. On oil shirts of the 20th century. *Neftgazovaya vertikal' = Oil and gas vertical*. 2021;(13–14):104–113. (In Russ.).
5. Muslimov R. Kh. Oil recovery factor — its past, present and future in the fields of Russia. *Burenie i neft' = Drilling and oil*. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2011-02/9> (In Russ.).
6. Grivach A., Simonov K. Great gas game. Moscow: Tochka Publishing Group; 2019. 304 p. (In Russ.).
7. Vakhitov R. et al. Higher oil education in Russia: past and present. *Obshchestvo i innovacii = Society and innovations*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-neftyanoe-obrazovanie-v-rossii-proshloe-i-sovremennost/viewer> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Валерий Валентинович Андрианов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Valeriy V. Andrianov — Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6323-4635>
 vvandrianov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.10.2023; accepted for publication on 15.11.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Создание и продвижение бренда в условиях современных культурных войн

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, России

АННОТАЦИЯ

В современном мире сложилась напряженная геополитическая ситуация, обусловленная продвижением НАТО к границам Российской Федерации, угрозой нарушения ее суверенитета; стремлением коллективного Запада к разрушению российской государственности и подрыву общественной консолидации, правопорядка, национальных и социокультурных ценностей, к реставрации неокOLONIALИЗМА и глобальному диктату в отношении суверенных государств. Таким образом, объектом исследования статьи является агрессия коллективного Запада против культурных ценностей России, создающая угрозу ее национальному историческому коду. Предмет исследования – культурные войны между брендами и странами, обусловившие необходимость принятия антикризисных мер. Цель работы – анализ и предоставление возможных стратегий и моделей поведения брендов в период кризисных ситуаций, вызванных культурными войнами. Автор рассматривает современный феномен культурных войн; роль культурного бренда в существующих условиях; возможности использования коммерческих брендов в качестве инструмента мягкой силы; влияние брендов на формирование и изменение культурных, национальных и традиционных ценностей; феномены культурного шока и культуры отмены брендов, а также методы противодействия кризисным ситуациям.

Ключевые слова: бренд; культурные войны; культурный шок; культурная отмена бренда; антикризисные меры; национальные ценности; глобальный мир; суверенитет; импортозамещение

Для цитирования: Галас М.Л. Создание и продвижение бренда в условиях современных культурных войн. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-52-58

A Brand's Initiation and Promotion in Relation to Modern Culture Wars

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Nowadays, there is a tense geopolitical situation because of the advance of NATO to Russian borders, the threat of violation of its sovereignty. The collective West aims to dismantle Russian statehood and undermine social cohesion, law and order, national values, and socio-cultural values. They fixate on restoring neocolonialism and imposing global dominance on sovereign states. The paper focuses on the aggression of the collective West towards Russia's cultural values, posing a threat to its national historical code. The subject of the study is the actions of cultural wars between brands and countries, which caused adopting anti-crisis measures. The purpose of the study is to analyze and provide possible strategies and models of brand behavior during crisis situations caused by culture wars. The research deals with the following issues: the modern phenomenon of culture wars; the role of the cultural brand in relation to culture wars; the possibility of using commercial brands as a tool of soft power; the influence of brands on the formation and changes of cultural, national and traditional values; the phenomena of culture shock and brand cancellation culture, as well as methods of countering crisis situations.

Keywords: brand; culture wars; culture shock; brand's cancel culture; anti-crisis measures; national values; global peace; sovereignty; import substitution

For citation: Galas M.L. A brand's initiation and promotion in relation to modern culture wars. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-52-58

ВВЕДЕНИЕ

Тема статьи требует комплексного рассмотрения — в политическом, экономическом, культурном и маркетинговом аспектах. Феномен культурной войны направлен на морально-нравственное воздействие на человеческую цивилизацию, разрушение которой ведет к утрате нравственных ценностей социума и разрушает суверенность государства [1, с. 65]. Столкновение цивилизаций с разными культурными ценностями, а также с кардинально отличающимися религиями, способно стать причиной мирового конфликта [2].

Создание и продвижение национального бренда важно в целях формирования имиджа страны на мировой арене и достижения высоких рейтинговых позиций. Международный рейтинг национального бренда показывает уровень благополучия национальной экономики, ее инновационности и конкурентоспособности, привлекательности для инвестиций. Успешность национального бренда содействует развитию бизнеса, расширению целевой аудитории, лояльности потребителей. На это, в свою очередь, оказывают влияние современные маркетинговые технологии, коммуникации в глобальном мире, PR-активность [3, с. 110].

С распространением цифровых технологий образовалась культура отмены, например, в формате медиакампаний. Так, хэштег #IsOverParty используется, когда знаменитостей осуждают за проблемное поведение; #MeToo — движение, распространившееся в социальных сетях в октябре 2017 г., когда пользователи выражали осуждение сексуального насилия и домогательств; последователи #BLM (жизни черных имеют значение) выступают против расизма и пр. Аккаунт рэпера Канье Уэста в Twitter был заблокирован за антисемитский твит, а писательницу, автора серии книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг обвиняли в трансфобии.

Культура отмены — это вид стигматизации (осуждение и бойкотирование, травля, отказ от поддержки, публичное осуждение), осуществляемой представителями социума, политическими и профессиональными сообществами, государственными деятелями и структурами власти тех или иных стран в отношении индивидов, сообществ, недружественных государств. После начала СВО, спровоцированной агрессивными действиями коллективного Запада, дискриминационным

действиям, санкционированию и иным проявлениям стигматизации подверглись российские политики, общественные деятели, представители культуры, спортсмены, ученые, произведения русского искусства и пр. Натоцентричный мир проводит акции по отмене любых достижений России. Председатель Национального собрания Венгрии Л. Кевер назвал политических лидеров ЕС, проводящих политику отмены культуры, духовными убийцами. По его мнению, идет «бескровная война» в отношении граждан европейских стран, «атакуется память людей»¹. Подвергаемые отмене лишены возможности выразить собственную позицию, а их объяснения трактуются как признание вины. Нивелируются культурно-исторические, политические, экономические достижения дискриминируемых. Культура отмены — инструмент манипуляции и политической борьбы, фрейминга общественного мнения, разжигания межгосударственной, межнациональной и межличностной вражды. Наконец, она попирает основополагающие принципы защиты прав и свобод человека [4–6].

Культурные войны можно рассматривать и с точки зрения социально-психологического феномена культурного шока, исследуя реакцию индивида, сообщества, политика или государственного деятеля на столкновение с инокультурной средой [7, с. 166]. Бренды в таком случае вынуждены приспосабливаться к новым условиям, реагировать на иное поведение потребителей, усваивать новые культурные ценности — материальные и нематериальные предметы и произведения искусства, обладающие художественной и имущественной ценностью, имеющие универсальную значимость и оказывающие эстетическое, научное, историческое, нравственное и ментальное воздействие на индивида [8, с. 56].

Таким образом, культурная война может рассматриваться как проявление агрессии, направленной на слом и/или фундаментальную замену духовных ценностей, культурных образцов и норм, определяющих внутренние установки личности или целого народа, создающей угрозу национальному историческому коду, национальной идентичности, культурному суверенитету.

Культурная война может трактоваться также как конфликт культурных ценностей внутри стран

¹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/08/2022/62f934e59a794785808ff94e>

(традиционных и инновационных, либеральных и консервативных, патриотических и интернациональных, капиталистических и социалистических и пр.); между регионами, интеграционными объединениями государств и пр.

В ходе ведения культурной войны агрессор имеет возможность пользоваться разнообразными по своей природе и сущности приемами. Во-первых, лидер страны, подвергаемой культурной агрессии, становится объектом жесткой критики и дискредитации, поскольку является защитником, гарантом и главным транслятором национальных ценностей. Во-вторых, в произведениях культуры пропагандируются и агрессивно рекламируются ложные, недружественные, конфликтогенные идеологические клише, разрушающие нравственные основы общества. Критике и оскорблению подвергаются национальные традиции, обычаи, праздники и верования. В-третьих, применяются средства массовой коммуникации, социальные сети, как сильные инструменты, оказывающие влияние на сознание общества, индивида.

Агрессор направляет свои недружественные действия на интеллигенцию и интеллектуалов-профессионалов, имеющих высокий социальный статус и способных принимать решения, влияющие на жизнь и мировоззрение общества, транслировать аудитории собственное или навязанное культурным агрессором мнение, а также политических и общественных лидеров, воздействующих на сознание сограждан, общественных групп. Агенты и эмиссары культурной агрессии манипулируют мнением и сознанием людей, провоцируя их на разрушительные, конфликтогенные и преступные деяния; навязывают выгодные им патерны.

Помимо России, культурной агрессии коллективного Запада подвергаются страны Южной Африки, а также Америка, Индия, Бразилия. Наблюдаются внутригосударственные культурные войны, например, в США — между христианами и мусульманами, христианскими конфессиями, верующими и атеистами. В Китае был конфликт между сторонниками традиционных конфуцианских и буддийских ценностей и прагматиками-атеистами. Нет культурного единства и в мусульманском мире, разделенном на религиозные школы, порой противоречащие друг другу по фундаментальным положениям и бытовым вопросам [11, с. 7].

Культура отмены — это форма социального, политического, экономического персонального и/или корпоративного ostracism (отвержения),

приводящего к дискриминации по расовым, политическим, религиозным, социокультурным, гендерным, этническим, культурным, страновым, ментальным и иным критериям. Ее основа — исторические формальные и неформальные правила, характерные для своего времени, территории, народа, экономической и социальной систем, культуры, эпохи, когнитивных процессов и пр.

В англо-саксонской практике культура отмены (кенселинг) — это обстановка в обществе, при которой группа людей требует или самостоятельно добивается прекращения поддержки медийной личности или лидера мнений в ответ на социально неприемлемые действия или высказывания. Она подразумевает отказ от приобретения брендов, отписку в соцсетях, цифровой бойкот и приводит к поляризации общества, которая носит непропорциональный и несправедливый характер. Средой для культуры отмены выступают социальные медиа; деструктивность обусловлена дистанционированностью и анонимностью [10, с. 4283].

БРЕНДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОДА В КУЛЬТУРНЫХ ВОЙНАХ

Бренд имеет ментальную и психологическую составляющие, включает ассоциации и ценностные приоритеты потребителя, возникающие в связи с продуктом на основе личного опыта и одобрения общественности [11, с. 173].

Компании посредством брендов закладывают в продукты дополнительный культурный и ментальный смысл и национальный код. Одной из важных функций бренда является снижение факторов риска в нестабильных экономических и политических ситуациях. Сильный бренд значительно увеличивает стоимость активов компании, максимально снижает хаотичность маркетинговых сообщений для своей аудитории, а также приводит их к единому стилю подачи, выполняя социокультурную миссию.

Национальный бренд — это совокупность ассоциаций, сформированных в результате деятельности национального брендинга [12, с. 614]. Решения, принимаемые государственными деятелями, политическими и общественными лидерами вносят существенный вклад в создание и продвижение национального бренда, но они могут иметь негативную международную репутацию, создаваемую методами культуры отмены.

Бренд страны — главный атрибут «мягкой силы», содействующий государственной власти

в обеспечении национальных интересов. Он формируется во многом благодаря СМИ, деятельность которых контролирует государство. Например, один из самых крупнейших медиахолдингов «ВГТРК» является государственным.

Посредством глобальных аудиторий, репутации и базы данных, составленных в ходе масштабной экономической деятельности, коммерческие бренды имеют возможность манипулировать общественным сознанием, продвигать определенное мировоззрение, а также социальные и культурные ценности.

В 2022 г. страны Запада начали применять культуру отмены по отношению к России. Результатом этого стал уход иностранных брендов с российского рынка, а также приостановка поставки продукции во всех областях экономики — от электроники и машиностроения до сферы развлечений. С одной стороны, пострадали рекламодатели и блогеры. С другой, уход иностранных брендов дал толчок к развитию российских компаний и производств за счет снижения конкуренции и освобождения места на рынке. Тем не менее российским брендам надлежало предпринять действия для стабилизации своего положения, определить, какие сферы деятельности компании затронул культурный шок, проанализировать и установить максимальные сроки адаптации к новой реальности.

На фоне происходящего активно проходит процесс импортозамещения. Например, ЗАО «Рено Россия» оформило передачу прав на предприятие г. Москве, что привело к возрождению национального бренда «Москвич». Аналитическое агентство «Автостат» информировало, что на конец 2022 г. лидерами российского рынка были автомобили отечественного производства — 42%. Hoff заменил «ИКЕА» и стал в 2022 г. лауреатом премии «Марка № 1 в России» в категории «Гипермаркет мебели и товаров для дома». LPP [Российская «дочка» польского ретейлера LPP SA (бренды Reserved, Cropp, House, Mohito и Sinsay)] сменила владельца, им стала компания Far East Services — FZCO, зарегистрированная в ОАЭ. Развиваемые этой компанией бренды Love Republic, Zarina, Befree, Sela открыли свои магазины в различных регионах России.

Привычные модели поведения целевой аудитории трансформируются. Базовые ценности могут утратить актуальность и вступить в противоречие с новыми, в том числе инокультурными. С изменением внешних и внутренних

условий создаются свежие маркетинговые стратегии. Например, всемирно известная компания McDonald's создавала меню, которые соответствовали предпочтениям российских потребителей. Культурный шок также может проявляться в неправильном позиционировании бренда на рынке. Один из примеров — компания PepsiCo, которая пыталась внедрить бренд газированных напитков Mountain Dew в России, но все попытки оказались неудачными. Таким образом, факторы, приводящие к культуре отмены бренда, могут быть различными.

Основными типами стратегий адаптации бренда к культурному шоку являются: культурная колонизация, геттоизация, ассимиляция и диффузия. Выбор конкретной стратегии будет зависеть от готовности бренда изменить свою идентичность. Если компания имеет возможность принять новые культурные нормы, для нее подойдут ассимиляция или диффузия. Ассимиляция — сознательный отказ от привычной для компании системы ценностей бренда и адаптация ее к новым нормам и моделям поведения. Такая стратегия неэффективна для крупных брендов с собственной сформировавшейся системой ценностей. Им подойдет стратегия диффузии, основанная на применении техник совмещения культуры бренда с новыми условиями.

Случается, что бренд не готов принять новые культурные нормы. Это может быть вызвано различными факторами: например, сильной идентичностью бренда, отсутствием условий для кардинального изменения. В таком случае применяются культурная колонизация или геттоизация.

При реализации стратегии колонизации бренды выступают в роли агрессора, который стремится изменить культурные коды новой среды и адаптировать их под свои особенности. При входе на рынок какой-либо страны компания демонстрирует радикальное неприятие ее традиционных ценностей, пытаясь их вытеснить.

Такую политику могут позволить себе только крупные бренды, например McDonald's, который во времена освоения российского рынка продвигал американскую культуру фастфуда, тогда еще совсем непривычную для россиян.

Геттоизация предполагает выделение компанией небольшого сегмента нового рынка, наиболее близкого к предыдущим условиям ее существования, и развитие деятельности

в нем. Например, ориентация на эмигрантов, чьи культурные нормы и ценности максимально схожи с предыдущей средой деятельности компании. Еще один вариант — фокусирование на сегменте потребителей, которые недовольны культурными переменами, происходящими в стране. Таким образом, бренд становится заложником сегмента рынка, в котором предпочел остаться.

При принятии стратегических решений компаниям следует учитывать не только экономические и системные риски, но и связанные с социальными и культурными факторами.

ВЫВОДЫ

Для современной России актуальна не только адаптация российских национальных и коммерческих брендов к новым экономическим и правовым условиям на рынке, но и выстраивание миссии, работа с целевой аудиторией в соответствии с национальными ценностями и культурным кодом страны.

Бренды способны поощрять активное участие потребителей при формировании собственной ценности и миссии. Эффективно использование веб-сайтов (Rutube, VK, Telegram Web, SoundCloud, YouTube и др.), где просьюмеры могут загружать информацию, связанную с историей и культурой страны, а также писать статьи.

Важной площадкой выражения мнений стали блоги. Такой феномен называется демассификацией СМИ. Но подобная легкодоступная и широко транслируемая форма ставит вопросы защиты информации, безопасности, предупреждения культурной агрессии, авторства блога, достоверности фактов и мнений.

Традиционные российские ценности — патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, семья, созидательный труд, гуманизм, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России — имеют правовое обоснование, и их сохранение и укрепление являются важным направлением государственной

политики². Терроризм, экстремизм, культурная агрессия недружественных стран и транснациональных корпораций угрожают этим ценностям.

Традиционные ценности стран Запада отражены в Конституции Европейского союза³: человеческое достоинство, права человека, демократия, правовое государство, терпимость, уважение обязательств и международного права, солидарность, соблюдение законов, неподкупность правосудия, равенство и толерантность. Но они не действуют в отношении тех стран, которые считаются экономическими, политическими, стратегическими, культурными противниками Запада, как, например, Россия. Нарушаются обязательства и нормы международного права, которые подменяются санкциями.

В наше время появилась тенденция поддерживать так называемые новые, «прогрессивные» ценности, которые русскому народу кажутся безнравственными: агностицизм, приоритет нетрадиционных верований (даже садистской направленности), феминизация мужчин и маскулинизация женщин, поддержка ЛГБТ-сообщества, толерантность к педофилии, инцесту и прочим тяжким преступлениям.

Для современной России одной из дружественных и перспективных для сотрудничества стран является Китай. Преамбула Конституции Китая гласит, что это одно из государств мира с самой древней историей, где создана великолепная культура, имеются славные революционные традиции [13, с. 74].

Геополитические и стратегические интересы натоцентричного мира нивелируют культурный и исторический суверенитет других стран. Россия готова к равноправному диалогу, — он важен для продвижения отечественных брендов, оказавшихся в непростых условиях культурной войны.

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

³ Конституция Европейского союза. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuzainstitutii-evropejskogo-soyuzaperevod-proekta>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полулях Д.С. Концепция культурной войны и ее потенциал для анализа политико-мировоззренческих конфликтов. *Журнал политических исследований*. 2023;7(1):65–75.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М.: АСТ; 2022. 328 с.
3. Романишина Т.С. Вопросы конструирования национального бренда. *Вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2020;3(71):110–117.

4. Салиева Л.К., Арутюнова-Ястребкова Э.А., Цеппи А. Отмена русской/российской культуры: культу на отмены или антибрендинг России? *Российская школа связей с общественностью*. 2023;(30):44–72.
5. Лисица К.Э. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;(6):107–110.
6. Наумова К.А. Влияние «культуры отмены» на стратегии поведения компаний в 2022 году. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 28–30 апреля 2022 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС; 2022.
7. Рюмкина И.П., Толстогузова Е.В. Культурный шок и способы его преодоления. Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах. Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. Биробиджан: Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема; 2023.
8. Кабышева Э.В. Брендинг в концепциях общества потребления и общества просьюмеров. *Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение*. 2020;(37):56–64.
9. Ремизов В.А. Социокультурные войны и пандемия. *Социально-гуманитарные знания*. 2021;(3):173–177.
10. Шуйская Ю.В., Дроздова Е.А. Способы имплицитного выражения эмоции недовольства и речевого акта обвинения в англоязычном рекламном дискурсе в контексте противостояния брендов. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;16(12):4283–4288.
11. Илтис А.Л. Биоэтика и культурные войны. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020;38(4):7–43.
12. Кусраева О.А. Национальный брендинг: возможности для бизнеса в России. *Российский журнал менеджмента*. 2021;(4):614–631. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2021.411>
13. Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2020;3(840):71–81.

REFERENCES

1. Polulyakh D.S. The concept of culture war and its potential for the analysis of political and ideological conflicts. *Zhurnal politicheskikh issledovanij = Journal of Political Studies*. 2023;7(1):65–75.
2. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Transformation of World Order*. Moscow: AST; 2022. 328 p.
3. Romanishina T.S. Issues of constructing a national brand. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Rostov State Economic University*. 2020;3(71):110–117.
4. Salieva L.K., Arutyunova-Yastrebkova E.A., Tseppi A. Cancellation of Russian culture: cancel cult or anti-branding of Russia? *Russian School of Public Relations*. 2023;(30):44–72.
5. Lisitsa K.E. “Cancel culture” as a form of stigmatization. *Rossijskaya shkola svyazej s obshchestvennost'yu = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(6):107–110.
6. Naumova K.A. The impact of “cancel culture” on corporate strategies in 2022. Collection of proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with foreign participation, St. Petersburg, April 28–30, 2022. St. Petersburg: POLYTECH-PRESS; 2022.
7. Ryumkina I.P., Tolstoguzova E.V. Culture shock and ways to overcome it. Picture of the world in systemic-structural and anthropocentric aspects. Collection of materials from the XI All-Russian Scientific and Practical Conference. Birobidzhan: Amur State University named after Sholom Aleichem; 2023.
8. Kabysheva E.V. Branding in the concepts of consumer society and prosumer society. *Vestnik Tomskogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of Tomsk University. Cultural studies and art history*. 2020;(37):56–64.
9. Remizov V.A. Sociocultural wars and pandemic. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2021;(3):173–177.
10. Shuyskaya Yu.V., Drozdova E.A. Ways of implicitly expressing the emotion of dissatisfaction and the speech act of accusation in English advertising discourse in the context of brand confrontation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2023;16(12):4283–4288.
11. Iltis A.L. Bioethics and culture wars. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad*. 2020;38(4):7–43.
12. Kusraeva O.A. National branding: business opportunities in Russia. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2021;(4):614–631. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2021.411>
13. Kozhukhova K.E. Chinese traditional values as the basis of Xi Jinping's foreign policy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2020;3(840):71–81.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina L. Galas — Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Mass Communications of Mass Communication and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

mlgalas@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.10.2023; принята к публикации 19.11.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 29.10.2023; accepted for publication on 19.11.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-59-65
УДК 304-44+82-311.9(045)

Нарративы убеждения и предвидения в переосмыслении дискурса: опыт советской фантастической литературы и рекламы 1950-х годов

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В 1950-е гг. в СССР социокультурные основания функционирования общественных практик и институтов были противоположны таковым в последующие периоды истории СССР и современной России. Кроме того, они противоположны ныне доминирующим тенденциям мирового развития, описанным в работе Зигмунта Баумана «Ретротопия». В культуре того времени слабо выражена массовая ностальгия как поиск «эмоциональной общности с коллективной памятью». Основным определяющим признаком 1950-х гг. — рациональность. С этой точки зрения автором рассматриваются нарративы, направленные на коррекцию дискурса «советского», дискредитированного во время Второй мировой войны и политических изменений в советском обществе в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Выделяются два типа нарратива — нарратив убеждения и нарратив предвидения, которые транслировались коммерческой рекламой и научно-фантастической литературой. Нарратив предвидения, характерный для культуры 1950-х гг., остался для нее специфическим и дальнейшего развития не получил.

Ключевые слова: нарратив; дискурс; ретротопия; история СССР 1950-х гг.; советская фантастика; история советской рекламы

Для цитирования: Трошин А.А. Нарративы убеждения и предвидения в переосмыслении дискурса: опыт советской фантастической литературы и рекламы 1950-х годов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-59-65

ORIGINAL PAPER

Belief and Prediction Narratives in Rethinking Discourse: The Experience of Soviet Science Fiction and Ad in the 1950s

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the USSR of 1950s, the sociocultural foundations for the functioning of social practices and institutions were the opposite to those in subsequent periods of the USSR history and modern Russia. In addition, they are opposite to the currently dominant trends in world's development, depicted in "Retrotopia" of Zygmunt Bauman. In the culture of that time, people poorly expressed mass nostalgia as they searched for an emotional community with collective memory. Rationality was the main defining feature of the 1950s. From this point of view, the author examines narratives aimed at correcting the "Soviet" discourse, discredited during the Second World War and political changes in Soviet society in the late 1940s — early 1950s. There are two types of narrative: the belief and prediction, which were broadcast through commercial advertising and science fiction literature. The prediction narrative remained a specific attribute of the 1950s culture and did not receive further promotion.

Keywords: narrative; discourse; retrotopia; USSR history of the 1950s; Soviet science fiction; history of Soviet ad

For citation: Troshin A.A. Belief and prediction narratives in rethinking discourse: The experience of Soviet science fiction and ad in the 1950s. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-59-65

Пятидесятые годы — период в истории европейской культуры, в том числе и ее советского извода, основной характеристикой которого представляется эпитет «рациональный». И тому есть два объяснения. Первое: Вторая мировая война освежила в сознании элит понятия о «причине» и «следствии» (для проигравших — о «последствии»), да и навыки планирования военных операций и логистики еще какое-то время переносились на организацию экономики, науки и культуры. Второе: распространение новой техники, в первую очередь — новых медиа. Это воспринималось как появление другой техногенной реальности, актуальными формами которой становились освоение космоса, развитие транспорта и систем коммуникации (особенно телевидения), новая волна индустриализации... Что не меняло мировоззренческие устои обществ, просто придавало им совершенную форму, известную как «общество потребления», а в советском варианте — «изобилия».

Пятидесятые — время без ностальгии. По крайней мере, в СССР период 1950-х гг. полностью противоположен той модели, которую Зигмунт Бауман в своей последней книге определил как «Ретротопия». То есть для социума начала второй половины XX в. характерен минимум поисков «эмоциональной общности с коллективной памятью» [1, с. 16] в любых формах последней — «сроднение» с Великой Отечественной в обыденной культуре СССР начнется в 1960-е гг. Пока же это просто прошедшая проклятая война. Довоенное время вспоминать было больно, а дореволюционное — боязно. В общем, характеристика 1950-х гг. прямо по пунктам — антитеза к ныне доминирующему обществу «Ретротопии» (в определении З. Баумана). Основные признаки следующие:

- самоописанию эпохи нет разрывов и противоречий;
- уверенность в том, что предпринятое завершится;
- последствия следуют за причинами;
- все, прошедшее проверку, лишь наращивает свою полезность и т.д.

Представляющая для нас сейчас интерес фантастическая литература — наиболее последовательное выражение этих тезисов, воплощение идеальной модели. Возьмем пункт о том, что «все предпринятое завершится». Главное «предпринимаемое» в СССР того времени — построение коммунизма, чтобы это ни означало в реальности.

Фантастика показывает нам, что это неизбежно произойдет через несколько десятилетий (замороженные в вечной мерзлоте подростки еще застанут своих постаревших сверстников) [2], а уж тем более — через несколько веков и тысячелетий [3].

Конечно, такую характеристику советских 1950-х гг. можно списать на диктат идеологии. Те же «последствия следуют за причинами» — чем не мифическое восприятие законов социальной реальности, навязанное обществу поверхностным пониманием догм марксизма?

Но дело в том, что СССР в это время переживал очередной кризис советской идентичности. Эпифеномен советской культуры, при всей своей претензии на первый глобальный стиль человечества, был не способен ни полностью вытеснить прагматику традиционной русской культуры, ни актуализировать ее до универсальности, как это сделает в 1960-е гг. со своим ресурсом западная масс-культура. Багаж качественного дореволюционного «старого» оставался дееспособным и в 1950-е гг., и из него вполне можно было черпать наполнение для развития школьных программ и культурных институций (литература, театр, музыка, живопись, кулинария, мода, кинематограф и т.д.). А вот «советское» как источник смыслообразования, вследствие кризиса периода Войны и некоторой неопределенности политического режима с 1953 г., истощилось и в существовавших формах исчерпало себя.

Да, что-то можно было найти в истории и актуализировать. Например, переосмыслить визуальную составляющую советского дискурса, обратившись к практикам довоенного времени. Таковым был отказ от соцреализма в рекламном плакате и возвращение к стилю арт-деко в 1930-х гг. Кстати, прикладная графика (не только книжная или журнальная иллюстрация, но и рекламный плакат) в 1950-х гг. относится к жанру фантастики, поскольку от художников требовалось изображение не реального, а идеального высококачественного продукта, у которого были, соответственно, не потенциальные клиенты или покупатели, а зрители, восхищенно созерцающие идеальную красоту. Рекламщики интересовало не столько размещение рекламы в пространстве, сколько — пространства внутри рекламы. Войти в это внутреннее пространство посторонним было, казалось бы, невозможно, поэтому плакат не призывал покупателя к активному действию, направленному на немедленное приобретение рекламируемого.

Тем не менее эстетизированная иллюзия реальности как художественный принцип, благодаря которому реклама 1950-х и становилась «советской», успешно работал на практике, следуя уже известной формуле: «все в эпохе, прошедшее проверку, лишь наращивает свою полезность».

Так, непревзойденным художественным и технологическим шедевром рекламы в сфере медицинской профилактики являются знаменитые плакаты витаминов А и С со «светящимся» белым цветом работы А.П. Андреади. Художник участвовал в разработке рекламного и PR-сопровождения ряда послевоенных кампаний по борьбе с распространившимися детскими заболеваниями: дистрофией, рахитом, дизентерией, коклюшем и скарлатиной. «Светящиеся» плакаты сделаны для борьбы с дистрофией, а вот натюрморт для рекламы витамина D оформлен по-другому, так как он предназначен для кампании по борьбе с рахитом.

Фантастичность плакатов Андреади есть предложение детям действовать в предлагаемых обстоятельствах, не связанных с существующими социальными сценариями одобряемого поведения. И чем иллюзорнее был виртуальный мир плакатов, тем легче они соглашались с ним. Еще более удивительный пример этому мы найдем в рекламе мороженого, сделать которую доверили художнику С.Г. Сахарову. На плакате «Покупайте мороженое» 1951 г. он изобразил пингвина-официанта, а на плакате «Мороженое» 1954 г. — циркового морского котика. Не связанный с холодом персонаж настолько «зашел» аудитории, что когда к повторному открытию в 1954 г. ВСХВ (позже ВДНХ/ВВЦ) решили восстановить павильон «Мороженое», то созданный по проекту В. Носкова и Д. Шломовича искусственный айсберг украшала фигура котика с сахаровского плаката. Данный персонаж на десятилетия стал универсальным символом этого лакомства.

Плакаты Андреади и Сахарова стилистически имеют «внесоветский» характер. Советский арт-деко, бывший, безусловно, частью этого мирового художественного стиля, внутри страны в 1930-е гг. власти терпели как рекламу для создания образа СССР за границей (Сахаров, кстати, в довоенное время был художником Торгсина). Таким образом, наряду с определяемыми государством советскими прагматическими системами, в 1950-е гг. стали складываться в относительно устойчивые формы прагматики, обязанные своим происхождением такому культурному ресурсу, как

кодировка внешнего, т.е. «созданию бесчисленных миров из ничего при помощи символов» [4]. Это не следует путать с эскапизмом, с желанием убежать из реальности. Это именно создание множественных вариантов реальности, как подтверждение выбора лучшего «из всех возможных миров» в ближайшем будущем.

В случае рекламной графики «ренессанс» стиля арт-деко прошел в СССР в форме возврата пусть специфического, но сегмента ранее существовавшей советской художественной практики 1930-х. Был вариант калькирования с современного западного аналога, поскольку интерес к данному стилю в послевоенное время воскрес и там, но апелляции к собственному ресурсу оказалось достаточно, чтобы вернуться в этой области в общемировую тенденцию. А вот заимствовать в 1950-е зарубежные технические и социальные новшества через возврат к собственной истории, а не напрямую, было сложнее. Но и тут была проблема — дискурс конкуренции мешал воспринимать заимствованное как свое. Так что необходимые инновации могли оставаться разовыми проектами, как футуристический павильон Р.Б. Фуллера на американской выставке в Сокольниках. Раз прошлое и настоящее не годилось, посредником коммуникации стало будущее.

Вот так важным опытным пространством «создания новых миров» в СССР стала фантастика. На ее примере мы и рассмотрим, как советская идеология «приручала» технические инновации. В этом процессе задача власти — не хранить верность неизменности идеологии, а обеспечить реальную, либо приемлемую преемственность управленческим элитам. И скромная детская литература выполняла, среди прочих, и эту задачу.

В фантастической литературе 1950-х гг. можно выделить даже корпус текстов, осуществляющих несвойственную советской литературе этого жанра функцию прямого предвидения. Вернее, анализируя отношение языков культуры и знаково-символических кодов к использующим их социальным группам, мы можем говорить о двух моделях литературы, существовавших параллельно в рамках формально одной языковой и культурной традиции.

Первая основывалась на традиционных схемах убеждения, замыкавших инновации в круг сложившейся социокультурной практики. Все, вроде бы, в соответствии с определением жанра, данным Цветаном Тодоровым: «В основе фантастического лежат главным образом колебания

читателя <...> относительно природы необычного события. Колебания заканчиваются тем, что событие или относят к реальной действительности, или объявляют плодом воображения, результатом иллюзии <...> Вместе с тем фантастическое требует определенного прочтения, иначе возникает опасность аллегорического или поэтического его истолкования» [5]. Но вот только идеология, «определявшая прочтение», в середине 1950-х пребывала в некоторой растерянности.

Тем не менее сформированный канон советской литературы пытался совладать с обновляющейся реальностью. Его задача — убедить читателя (и что особенно важно — ребенка) в том, что никакие технологические модернизации в любой перспективе развития не способны пошатнуть незыблемые основания реальности общественной жизни.

Простейший прием — демонстрация количественного нарастания реальности. В жанре фантастики он реализовывался двумя путями: либо к действительно имеющимся добавлялись новые «факты», что представлялось в виде бесконечной вереницы юных персонажей-изобретателей и перечисления их изобретений (излюбленная тема В.И. Немцова), либо описывался один, но грандиозный мегапроект, гиперболизирующей реально существовавшие. Пальма первенства в последнем случае принадлежит А.П. Казанцеву. Так, в его романе «Полярная мечта» говорится о строительстве мола, отделившего СССР от Арктики и чудесно изменившего климат в стране. Для «строительства» автором щедро применялся самый широкий спектр технологий, включая серию термоядерных взрывов [6].

Более сложный прием — превращение читателя в очевидца. Банальная схема литературы 1930-х гг. (например, романа Г.Б. Адамова «Победители недр», 1937 г.) уже высмеивается в самих произведениях: «Я бы, понимаешь, этих научно-фантастических авторов привлекал согласно Уголовному кодексу. Портят юность, понимаешь. Что ни повесть или роман, у них там обязательно “заяц”. На Марс ли понимаешь, под воду или там, как говорится, в недра Земли — везде у этих авторов — “заяц”. Да еще к тому же и пионер» [7].

Вместо героя, с которым юный читатель должен себя ассоциировать, литература 1950-х гг. предлагает более сложную вариацию персонажей. Это, скорее, «группа твоих друзей». Объединяет их в цельное мировосприятие отрицательный

персонаж, как правило, бюрократ, который еще и мелкий жулик, а иногда — предатель или шпион. Такой персонаж настолько важен, что может быть сквозным, как Толь Толич Медоваров в романах В. Немцова «Альтаир», «Последний полустанок» [8] и др.

Присутствующая в искусстве и литературе того времени ходячая фигура бюрократа — пример той «прозрачности зла», о которой по отношению к масс-культуре писал Жан Бодрийяр [9]. Ясность мотивации делает отрицательного персонажа источником осмысленных действий героев (насколько сложнее придется героям фантастики 1960–1980-х гг., которым вместо бюрократов будет противостоять неведомое и неизвестное!).

Для положительного героя, особенно юного, в таком случае смысл раскрывается через приключение, в котором он по ходу несколько ускоренной в сравнении с обычным ритмом жизни социализации и инкультурации раскрывает для себя мотивацию зла. Поэтому дозволенной и поощряемой формой детской фантастики остается приключенческая литература, в идеале — роман-путешествие (классический образец — все тот же «Альтаир» В. Немцова [8]).

Путешествие помогает автору убедить читателя в том, что ему, как очевидцу, раскрываются механизмы причин и следствий. Причем причиной является не немотивированный акт изобретения или открытия, а способность врага это изобретение погубить. Преодолевая вражеский замысел, изобретение переживает второе рождение как социально-ориентированное, осмысленное действие. Именно обретение социальности есть отправная точка поиска подлинного знания.

Еще одним способом убеждения является простота суждений — не для ясности или доходчивости, а для облегчения их визуализации автором. Правильные суждения должны быть представлены в феноменах естественного или искусственного происхождения и выступать вещным, результативным воплощением правды. И в этом случае — контроль над хаотичной реальностью.

Изобретение или открытие некоего явления — вещь, возможно, не столь значительная. Но не в советской фантастике, где самое ничтожное нововведение решает многие проблемы. В контексте службы общему делу оно есть средство господства советского человека над будущим миром, а это основная идея советской фантастики 1950-х. Правда, мир, над которым в литературе

господствует советский человек, — не подлинный, а изрядно упрощенная научно-популярная копия. Поэтому литературные люди, контролирующие это «господство над миром», должны быть максимально дистанцированы от реальности.

Гротесковое, против своей воли, описание этого дает М. Ляшенко в романе «Человек-луч», изданном в популярной серии «Библиотека приключений и фантастики». Советская реальность там буквально дwoится, несмотря на единство пространства и времени. С одной стороны — отделенный от мира заснеженным лесом некий Академгородок, построенный из пластмасс, который «казалось, вылеплен из морского воздуха». Из пластмасс же «уже много лет изготавливают детали внутренних органов человека» и пересаживают их людям в рамках работ по обратимости процессов старения. А еще там успешно решены две проблемы: «преодоление силы тяготения и передачи материи на расстояние посредством ультраквантовых волн». И в хоккее там играют роботы-андроиды [10].

Рядом с этим замечательным очагом науки в романе расположен город Майск со своим Химкомбинатом. И вот такая проблема возникает зимой у четвероклассников: у их хоккейной команды нет шайбы (это важно для сюжетной интриги). «То есть шайба еще не так давно была, довольно хорошая шайба из старой автомобильной шины. Правда, у нее были особенности: в то время как нижняя часть шайбы была совершенно гладкой, верхнюю бороздили твердые, несгибаемые шинные рубцы. Но ребята приспособились к этим особенностям и знали, когда какой стороной лучше кидать шайбу. Немногие команды имели такую шайбу». Проблема с шайбами не везде была решена до конца советского периода истории России, а вот со всеми чудесами, так красочно описанными в отечественной фантастике рассматриваемого нами типа, дела пошли еще хуже — ничего не сбылось. Кстати, если обратиться к «Ретротопии», то З. Бауман, как кажется, объясняет, в чем смысл раздвоения реальности в романе Ляшенко — это раздвоение между критическим мышлением и эмоциональной общностью [1, с. 16], или — в авторских терминах — между обществами утопии и ретротопии.

Детская литература не может рассматриваться вне педагогических практик своего времени или вне сложившейся культуры мира детства. С такой позиции правильно говорить не просто о риторической системе, а о культуре убеждения, т.е. такой

ситуации, когда все доступные для прочтения культурные тексты строились и согласовывались так, чтобы утвердить человека в исключении принципиально иных возможностей развития общественной ситуации. По социальной логике, такая культура функционирует как система коротких социальных сетей, где узлы кровного родства или связь между возрастными стратами неустойчивы или оборваны, как и предполагалось в советском обществе. Но определявшая это общество идеология оперирует через искусство суперсоциальными формулами и, как утверждалось, была способна формировать глобальные социальные сети (предполагалось — общемировые и на века).

Теперь рассмотрим произведения, отражающие нарратив предвидения. В фантастике этого типа сюжет обычно строится на гипотетических событиях, сама возможность которых ставит под вопрос существование реальной действительности в форме любых сетей. Эта модель и представляла собой собственно научно-фантастическую литературу, о которой можно высказаться, используя парадокс того же Цветана Тодорова: «Чтобы письмо стало возможным, оно должно исходить из смерти того, о чем оно сообщает, но эта смерть делает невозможным само письмо, ибо тогда не о чем уже писать. Литература возможна лишь в той мере, в какой она делает себя невозможной. Или о том, о чем говорят, находится здесь, перед нами, но тогда для литературы не остается места, или же дают место литературе, но тогда уже не о чем говорить» [5].

Структура текста предполагала уже в системе аргументации апеллирование к коротким социальным сетям, например к небольшой группе единомышленников. Этот нарратив исходил из понимания мира через выстраивание в отношении к реальности некой параллельной системы значимых событий, реферирующих происходящее. Значимость определялась не через появление избыточных смыслов, как в убеждении (вся это «дурная бесконечность» изобретательства), а через декодирование символизированной реальности и использование ограниченного языка (чтобы быть понятным), например некоего набора научных или социальных терминов, актуализированных у современников, но вряд ли принадлежащих будущим технологиям. Отсюда ее способность предвидения, но и неспособность вербализировать это предвидение в четкое предсказание или прогноз. Примером факта предви-

дения является ситуация, описываемая в романе В. Савченко «Черные звезды». Автор строит сюжет на допущении возможности аварии и ядерного взрыва на предприятии на Украине, в городе на берегу Днепра, с катастрофическими последствиями [7]. При всей условности предвидения очевидно, что в 1960-е такое произведение еще могло быть написано, но уже вряд ли опубликовано; в 1970-е и непосредственно перед чернойбыльской аварией его и писать бы не стали, а в конце 1950-х — и написали, и оно увидело свет. Хотя сюжет не являлся однозначной интерпретацией грядущего события как промышленной аварии, он вынужденно строился по правилам сторителлинга приключенческой литературы. И эта зависимость вносила в предвиденье события дополнительные переменные о его формах и вероятности.

Предвидение полета человека в космос явилось причиной редакторского заказа в сентябре 1960 г. на песню «14 минут до старта», ставшую в 1961 г. культурным символом пилотируемой космонавтики. Интересен прием, применяемый автором текста, Владимиром Войновичем, для рассказа о еще никогда не происходившем в реальности, идеально инновационном событии. Он полностью игнорирует содержание и способы дискурса «нового советского», связанного с нарративом убеждения. Эта система уходит для него в «складку», исчезает из культурного кода. Образ космонавта формируется как визуальное продолжение кинообраза героического летчика эпохи Великой Отечественной: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом...». Пафос

песни — засвидетельствовать радикальное инновационное событие (полет человека в космос), делающее возможным представить будущее в форме всеобъемлющего прогностического дизайна реальности. Тот же принцип применяли упомянутые художники-плакатысты, только у них «в складку» в период 1930-х — 1950-х гг. ушел как раз период Великой Отечественной войны.

У Войновича это поэтический образ, самой известной частью которого выступают строки: «на пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», — довольно рискованный, но «радикальные инновации при всей их рискованности являются одним из главных источников долгосрочных конкурентных преимуществ» [11]. И следует признать, что космос как сфера предвидения в советском дискурсе оказался плодотворным нарративом. Более того, он был единственной сферой визуализируемого будущего, где сохранялся модернизационный паритет сосуществования с Западом.

В 1960-е гг., в связи с появлением конвенциональной советской идеологии, уже содержащей количественно прогрессирующую часть ретроtopии, научная фантастика в части развития дискурса «советского» уступила место беллетризированной научно-популярной литературе, перед которой теперь не стояла задача создания новых миров. Она развивала безальтернативно существующий единственный мир, вряд ли «лучший из всех возможных». Фантастика же стала эволюционировать в сторону социальной сатиры и антиутопии, а культура лишилась инструмента, позволявшего в настоящем готовиться к катастрофам будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. Ретроtopия. Пер. с англ. М.: ВЦИОМ; 2019.
2. Мелентьев В.Г. 33 марта. М.: ЭКСМО; 2017.
3. Мартынов Г.С. Гость из бездны: Научно-фантастический роман. Л.: Лениздат; 1962.
4. Гудмен Н. Способы создания миров. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис; 2001.
5. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. Пер. с фр. М.: Дом интеллектуальной книги; РФО; 1997.
6. Казанцев А.П. Полярная мечта (Мол «Северный»). М.: Молодая гвардия; 1958.
7. Савченко В.И. Черные звезды. М.: Детгиз; 1960.
8. Немцов В.И. Избранное. М.: Советский писатель; 1958.
9. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Пер. с фр. 3-е изд. М.: Добросвет; Издательство «КДУ»; 2009.
10. Ляшенко М.Ю. Человек-луч. М.: Детгиз; 1962.
11. Верганти Р. Инновации, направляемые дизайном; как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2018.

REFERENCES

1. Bauman Z. Retrotopia. Transl. from Eng. Moscow: VTSIOM; 2019. (In Russ.).
2. Melentyev V. G. March 33. Moscow: EKSMO; 2017. (In Russ.).
3. Martynov G. S. Guest from the Abyss: A Science Fiction Novel. Leningrad: Lenizdat; 1962. (In Russ.).
4. Goodman N. Methods of creating worlds. Per. from Eng. Moscow: Idea-Press, Logos, Praxis; 2001. (In Russ.).
5. Todorov Ts. Introduction to fantastic literature. Per. from Fr. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, RFO; 1997. (In Russ.).
6. Kazantsev A. P. Polar Dream (Severny Pier). Moscow: Molodaya gvardiya; 1958. (In Russ.).
7. Savchenko V. I. Black stars. Moscow: Detgiz; 1960. (In Russ.).
8. Nemtsov V. I. Favorites. Moscow: Sovetskij pisatel'; 1958. (In Russ.).
9. Baudrillard J. Transparency of evil. Per. from fr. 3rd ed. Moscow: Dobrosvet, Izdatel'stvo «KDU»; 2009. (In Russ.).
10. Lyashenko M. Yu. Ray Man. Moscow: Detgiz; 1962. (In Russ.).
11. Verganti R. Innovation guided by design; how to change the rules of competition through radical semantic innovation. Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'skiy lom «Delo» RANHIGS; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Phil.), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

AATroshin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.10.2023; принята к публикации 15.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 30.10.2023; accepted for publication on 15.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75
УДК 331.5.024.5(045)

Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна

Г.Л. Подвойский, Е.А. Черных

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования определяется тем фактом, что за последние три года российский рынок труда прошел через две волны трансформаций. Первая вызвана эпидемией COVID-19 и продолжалась до конца 2021 г. Вторая, обусловленная введением санкций против России, началась с февраля 2022 г. и продолжается по сей день. Предметом исследования являются параметры функционирования российского рынка труда и основные новые тренды его развития. Цель работы: определить ведущие проблемные зоны рынка труда и направления его трансформации, проанализировать различные меры по его развитию, реформированию государственной службы занятости, совершенствованию трудового законодательства. Источники информации: российские и зарубежные научные публикации, специализированные исследования, а также официальные открытые данные органов государственной власти. Научная новизна исследования заключается в многоаспектном подходе к анализу двух волн трансформации российского рынка труда, тенденций и возможных перспектив его развития.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; безработица; трансформация рынка труда; удаленная (дистанционная) работа; заработная плата; неформальная занятость; цифровизация рынка труда; трудовое законодательство; государственная служба занятости

Для цитирования: Подвойский Г.Л., Черных Е.А. Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):66-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75

ORIGINAL PAPER

Transformations of the Russian Labor Market: First and Second Wave

G.L. Podvoiskiy, E.A. Chernykh

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The research significance is determined because over the past three years the Russian labor market has gone through two waves of transformations. The COVID-19 epidemic caused the first wave of transformations, which continued until the end of 2021. The second one, caused by introducing sanctions against Russia, began in February 2022 and continued to this day. The subject of the study is the functioning parameters of the Russian labor market and the major new trends in its development. The paper aims to identify problem areas in the labor market and analyze measures for its development. It also examines the reform of the public employment service and improvement of labor legislation. Information sources: Russian and foreign scientific publications, specialized studies, as well as official open data from the state bodies. The scientific novelty of the study lies in the multidimensional approach to the analysis of the Russian labor market transformation in two waves, trends and for its outlooks growth.

Keywords: COVID-19; unemployment; transformation of the labor market; remote (distant) work; salary; informal employment; digitalization of the labor market; labor legislation; public employment service

For citation: Podvoiskiy G.L., Chernykh E.A. Transformations of the Russian labor market: First and second waves. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):66-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75

ВВЕДЕНИЕ

Шоки, которым российская экономика подверглась в последние годы, были разными по силе и своей экономической направленности. Общим стало то, что их вызвали не циклические колебания в совокупном спросе (как, например, в 2008–2009 гг.), а внезапные негативные изменения в совокупном предложении, состоящие в сильном ухудшении условий деятельности на внешних рынках и разрыве сложившихся хозяйственных связей, а также резкие изменения в структуре спроса [1]. Таким образом, в статье выделяются два блока анализа: COVID-19 (первая волна трансформаций) и новая экономическая реальность (вторая волна трансформаций).

COVID-19:

ПЕРВАЯ ВОЛНА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Основным фактором, затронувшим рынок труда в период пандемии стал перевод большого количества работников на удаленку, т.е. уход от традиционной занятости.

Анализ российских и зарубежных источников показывает, что последствия масштабного перевода сотрудников на дистанционную работу варьируются для разных социально-демографических групп работников, отраслей экономики и многих стран. Считается, что молодым сотрудникам, людям с более низким уровнем образования, самозанятым было труднее работать удаленно; кроме того, они оказались сильнее подвержены рискам во время пандемии [2]. Работникам, спешно переведенным на удаленную работу, пришлось справляться с бóльшим количеством изменений в привычном рабочем графике [3, 4]. Одновременно произошла перестройка всех процессов управления в частных и государственных компаниях и организациях.

Плюсами дистанционной занятости считаются экономия транспортных и временных издержек, снижение количества бесполезных совещаний и отвлекающих факторов в офисе, лучший баланс работы/досуга; минусами — технические сложности с оборудованием домашнего офиса, плохие коммуникации, ослабление контроля, а также риски, связанные с возможными утечками конфиденциальной информации.

В долгосрочном периоде влияние пандемии на российский рынок труда, вероятно, будет более значимым. Перевод сотрудников на удаленку дал возможность работодателям привлекать же-

лающих по всей стране, ломая таким образом географические барьеры. Это позволяет людям из регионов выйти на работу в известные компании в крупных городах, а самозанятым и фрилансерам — сотрудничать с компаниями и клиентами по всему миру (платформенная занятость). Таким образом, удаленная занятость, несомненно, повысила пространственную мобильность на российском рынке труда¹.

Ряд российских компаний перешли к комбинированной (гибридной) или полностью дистанционной модели работы². Исследователи отмечают, что мы являемся свидетелями перехода «activity-based office, когда офисное пространство планируется не вокруг посадочных мест, а вокруг тех функциональных задач, которые решаются в той или иной рабочей зоне... физическое присутствие в офисе для успешной работы требуется не всегда» [5].

Пока не произошло масштабной замены стандартной занятости удаленной и, скорее всего, в ближайшее время не произойдет, потому что, несмотря на техническую возможность данного перехода, экономические стимулы для работодателей недостаточно сильны. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ), перевод сотрудников на дистанционную работу чаще всего сопровождался, с одной стороны, ростом рабочей нагрузки, а с другой — снижением производительности труда [1].

Если сотрудники работают удаленно из других регионов, т.е. возможность платить им меньшую зарплату, потому что стоимость жизни в регионах ниже, чем в Москве. Но если учитывать факторы дефицита кадров и высокой конкуренции, то можно предположить, что в ближайшем будущем зарплата, наоборот, будут расти.

В период пандемии государство использовало различные способы поддержки занятости. Для российского рынка труда важными аспектами стало переформатирование государственной службы занятости, повышение пособия по безработице, переобучение и трудоустройство безработных, внесение изменений в Трудовой кодекс РФ, развитие новых регуляторных механизмов.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134738>

² URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/410525-sovershenno-novaya-realnost-ft-ocenila-vliyanie-pandemii-na-rynok-truda-v>

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»³.

Анализ результатов исследований в разных странах свидетельствует, что эксперимент с удаленной работой прошел лучше, чем ожидалось [6].

Пандемия коронавируса ускорила появление и применение актуальных разработок в сфере искусственного интеллекта, роботизации и информационно-коммуникационных технологий.

Считается, что в России угроза технологической безработицы меньше из-за стагнации экономики и снижения инвестиций в последнее время. Однако структура рынка труда быстро меняется: некоторые профессии исчезают, другие появляются. Цифровизация прогрессирует быстрыми темпами в таких областях, как облачные технологии, обработка больших данных (Big data), интернет-торговля, шифрование, разработка дронов и роботов. Работодатели все чаще применяют цифровизацию для оптимизации издержек, что позволяет им отдавать на аутсорсинг бизнес-процессы, переводить сотрудников на удаленную работу и привлекать фрилансеров, индивидуальных предпринимателей или самозанятых [7]. В среднесрочной перспективе изменения на рынке труда могут затронуть работников рутинного умственного труда (офисных работников, менеджеров среднего звена, юристов, диспетчеров), а также водителей, охранников и владельцев офисных центров⁴. С ростом автоматизации и цифровизации увеличивается спрос на креативных специалистов с развитыми «мягкими навыками» (такими как адаптивность, умение работать в команде, позитивность, креативность) и лидерскими качествами [7].

На текущий момент в России наблюдается увеличение популярности гибридной занятости, сочетающей постоянную и временную работу, различные графики работы и формы трудовых отношений. Опрос Manpower показал, что четверть организаций перешли к гибридной занятости, а 15,3% вакансий на портале «Работа

России» предлагают нестандартный график. Доля временно или частично занятых работников в общем числе занятых в России в 2023 г. составила от 14 до 26%. Исследования компаний «Яков и партнеры» и hh.ru показывают, что 40% респондентов предполагают увеличение числа внештатных сотрудников к 2030 г.⁵

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВТОРАЯ ВОЛНА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Общая ситуация на рынке труда

Под давлением санкций российский промышленный сектор начал переориентироваться на азиатские рынки, перестраивать цепочки поставок и проводить импортозамещение. В Минтруде считают, что для поддержания ключевых отраслей в промышленно-производственных секторах и сельском хозяйстве в течение пяти лет стране потребуется более 1 млн квалифицированных специалистов⁶.

На сегодняшний день на российском рынке труда эксперты отмечают несколько тенденций, которые связаны с различными факторами демографического и экономического характера. За последние пять лет наблюдается сокращение количества рабочей силы на рынке труда на 1,2 млн чел⁷. Согласно расчетам аналитиков аудиторской компании FinExpertiza общее количество работников в возрасте до 35 лет на российском рынке труда сократилось на 1,3 млн достигнув минимума с начала 1990-х гг.⁸ Эта тенденция сохранится в силу наличия «демографической ямы», потому что на рынок труда выйдет малочисленное поколение молодежи, что усложнит работодателям естественную возрастную ротацию кадров⁹.

Из-за повышения доли занятых старших возрастов средний возраст российского работника за год вырос до 42 лет. Дополнительным фактором стал выезд из страны релокантов, среди которых большинство относятся к трудоспособному молодому возрасту. По разным оценкам, в 2022 г. за рубеж уехали от 500 до 800 тыс. чел., еще несколько сотен тысяч ушли на военную службу. Отметим, что, по

³ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46184>

⁴ URL: <https://www.finam.ru/publications/item/glavnye-posledstviya-pandemii-dlya-rynka-truda-bezrobotica-i-spros-na-novye-kompetencii-20201115-13000/>

⁵ URL: <https://manpower.ru/media/blog/trends-4q-2023.html>

⁶ URL: https://www.ng.ru/economics/2023-04-25/1_8715_youth.html Газета Экономика 25.04.2023.

⁷ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

⁸ URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/chisl-mol-rab-min/>

⁹ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

статистике, военнослужащие и мобилизованные включаются в число занятых, хотя они выпадают из производственного процесса. Часть уехавших за границу вернулись или остаются связаны с российским рынком труда, но точной статистики нет.

Данные Росстата показывают, что возрастная структура населения РФ меняется, российский рынок труда будет развиваться под влиянием сокращения численности молодых работников из-за демографических процессов и структурных изменений в экономике вследствие глобальных трансформаций.

Эксперты считают, что при сохранении низкого уровня общей безработицы (по МОТ) рынок труда будет подстраиваться в силу изменения заработной платы и отработанного времени, что может негативно сказаться на доходах населения и рисках бедности¹⁰.

Основные показатели продолжительности рабочего времени: среднее количество отработанных за год часов на одного работника (рассчитывается по административным данным для сектора крупных и средних предприятий) и среднее количество отработанных в течение недели часов на основной работе (рассчитывается по данным обследования рабочей силы Росстата). Первый показатель демонстрирует падения в периоды экономических кризисов, например в 2020 г. он снизился на 1,7 п.п. [1]. По итогам 2022 г., продолжительность рабочего времени осталась практически без изменений. По данным Росстата, на фоне низкой безработицы и дефицита кадров в I квартале 2023 г. продолжительность рабочей недели составила рекордные с 2010 г. 38,5 часа¹¹. Эксперты считают, что увеличение рабочего времени связано с острым дефицитом персонала, переходом отдельных предприятий на работу в несколько смен и повышением экономической вовлеченности женщин.

Судя по статистическим данным и экспертным заключениям, экономика России до сих пор выдерживает санкционное давление, поэтому население пока не ощутило его на себе в полной мере. Основной экономический удар, вызванный санкционным давлением, примут на себя те, у кого средний уровень доходов, а положение малоимущих не ухудшится¹².

¹⁰ URL: <https://iq.hse.ru/news/821709241.html>

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/07/2023/649ea4cc9a7947b29e9db05ahttps://www.rbc.ru/economics/03/07/2023/649ea4cc9a7947b29e9db05a>

¹² URL: <https://iq.hse.ru/news/821709241.html>

Во всех сценариях, просчитанных специалистами НИУ ВШЭ, присутствует проблема неравенства: будет происходить усиление концентрации богатства у самой «верхушки распределения», а средние (или бывшие средние) слои, при определенной стабильности глубины бедности, будут сближаться с малоимущими, что способно усилить социальную напряженность.

Президент Российской Федерации, выступая 21 сентября 2023 г. на расширенном заседании Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации», вновь напомнил «о нашей системной задаче: в горизонте текущего десятилетия перейти к экономике высоких заработных плат»¹³. Ее выполнение позволит решить многие проблемы, обострившиеся на рынке труда.

Отметим, что в прошлые кризисы на рынке труда снижался спрос и росла безработица, а в настоящее время мы наблюдаем падение предложения труда из-за нехватки работников требуемой квалификации¹⁴.

В стране наблюдается рекордный с 1998 г. дефицит квалифицированных кадров: на обрабатывающих производствах, в сфере водоснабжения, хранения и транспортировки¹⁵. Очень нужны специалисты рабочих профессий (слесари, токари, фрезеровщики, сборщики, рабочие-универсалы, технологи, наладчики и др.). Предприятиям требуются инженеры и ремонтники — для продления сроков эксплуатации старого оборудования. Заметим, что на рынке труда обострилась отраслевая и региональная конкуренция за работников. Дефицит кадров отмечается в сфере общественного питания (не хватает барменов, официантов, уборщиков и поваров), а также среди медицинских, фармакологических и соцработников, водителей большегрузов и IT-специалистов¹⁶. Рост числа вакансий показывают отчеты таких известных платформ для поиска работы, как Headhunter, Superjob и «Авито Работа».

По мнению аналитиков департамента исследований и прогнозирования Банка России, увеличение конкуренции за рабочую силу в условиях негативной динамики предложения труда, обусловленной

¹³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>

¹⁴ URL: <https://moslenta.ru/urbanistika/rabotu-poteryayut-milliony-kakoi-udar-naneset-pandemiya-830407.htm>

¹⁵ URL: https://www.ng.ru/economics/2023-04-25/1_8715_youth.html

¹⁶ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

политическими вызовами и долгосрочными демографическими тенденциями, способствует снижению уровня безработицы до исторически низких значений и ускоренному росту заработной платы¹⁷. Важным явлением на рынке труда в 2022–2023 гг. стало увеличение всех форм неполной занятости (работников с неполной рабочей неделей, находящихся в простое, отпуске за свой счет и т.д.)¹⁸. Также отмечается ускорение темпов движения кадров¹⁹.

Количество работников крупных и средних организаций, бравших отпуск без сохранения заработной платы, в III квартале 2023 г. составило 3,44 млн чел., что на 4% выше, чем за аналогичный период год назад и является рекордным как минимум за десять лет²⁰. Данный тренд связан с разнонаправленными причинами: с одной стороны, это может свидетельствовать об эскалации скрытой безработицы (когда работодателю в кризис выгоднее вынудить работников уйти в отпуск без содержания); с другой — быть обратной стороной интенсификации труда, увеличения объема сверхурочной работы, которую сотрудники пытаются компенсировать отгулами, чтобы восстановиться после ненормированного рабочего дня и переработок.

Считается, что производительность труда в российской экономике значительно ниже, чем в Европе, а повышение ее возможно путем внедрения и использования современных технологий и технологических процессов²¹.

Эксперты НИУ ВШЭ считают, что «момент, отличающий процессы на рынке труда и в социальной сфере на фоне текущих событий от кризисов последних десятилетий, — медленное ухудшение показателей занятости и доходов. С высокой вероятностью и восстановление, даже в самых благоприятных из рассмотренных сценариев, займет более длительный период времени»²².

Варианты решения проблемы дефицита кадров

Какие резервы существуют в народном хозяйстве? Это 4,4 млн чел., или около 6% всех заня-

тых в экономике: в первую очередь безработные (2,4 млн, потенциальная рабочая сила (около 0,8 млн, не полностью занятые (не менее 0,5 млн и др. [8]. Точных оценок касательно неформальной занятости (которая также является трудовым резервом) не существует, но в 2022 г. указывались цифры 13,4 млн²³.

Трудовые резервы, неиспользуемые в общественном производстве и других видах деятельности, довольно ограничены, зависят от темпов и объемов внутренней миграции и довольно инерционных демографических процессов. На них оказывает влияние «структура этих ресурсов в разрезе характеристик экономической активности... предопределяемая параметрами занятости и безработицы (в особенности) и размещением по регионам страны» [9].

Еще одним резервом для роста занятости специалисты называют использование труда тех лиц, которым уголовное наказание в виде нахождения в колониях может быть заменено на принудительный труд (около 150 тыс. чел.). Существует высокий резерв занятости среди инвалидов (порядка 2,5 млн чел.), но для этого предприятиям нужно инвестировать в переобучение рабочих мест, разрабатывать модели более рациональных режимов рабочего времени, в том числе дистанционных²⁴.

В условиях дефицита кадров рынок труда становится менее дискриминационным: растет найм людей старше 45 лет, а также женщин — на те специальности, которые ранее считались мужскими. Работодатели начинают оценивать опыт и набор компетенций сотрудников, которые не определяются возрастом или полом. При этом остро стоит проблема переобучения работников предпенсионного и пенсионного возраста, — пока его масштабы в России остаются очень низкими.

В свете старения населения компании столкнутся с вызовами сохранения молодых сотрудников (которые зачастую предпочитают свободный график, удаленную работу и высокие зарплаты), адаптации процессов под потребности старшего поколения и обеспечения комфортных условий для женщин, вернувшихся из декретного отпуска.

¹⁷ URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43918/bulletin_23-03.pdf

¹⁸ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

¹⁹ Эксперты объяснили минимум безработицы в России при сокращении экономики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/03/2023/6400712f9a79474d18f79446> (дата обращения: 15.05.2023).

²⁰ URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2023/657af5309a7947c9bda6a812?from=copy>

²¹ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

²² URL: <https://iq.hse.ru/news/821709241.html>

²³ URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/28/968358-neformalnaya-zanyatost-dostigla-minimuma-za-11-let>

²⁴ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

По мнению главы Минтруда А. Котякова, «механизм целевого обучения является эффективным инструментом содействия молодежной занятости, так как работает на привлечение молодежи в приоритетные для государства отрасли и содействует ее успешному трудоустройству»²⁵. Проблему нехватки кадров предлагали решать также с помощью более активного привлечения на рынок труда несовершеннолетних, потому что работодатели сейчас снижают требования к претендентам по возрасту и опыту, активно берут на работу студентов на стажировки до момента окончания образования.

В частности, 1 июня 2023 г. Государственная Дума РФ приняла закон, упрощающий трудоустройство несовершеннолетних с 14 лет: исключена необходимость согласия органов опеки и попечительства при заключении трудового договора с лицом, получившим общее образование и достигшим 14 лет, — теперь достаточно согласия одного из родителей или попечителя²⁶.

Работники со средним профессиональным образованием составляют самую большую часть занятых — 32 млн чел. (45% рынка труда). К началу 2022/2023 учебного года в России действовали 4627 организаций, обучающих по программам среднего профессионального образования (СПО): 3201 профессиональная образовательная организация и 360 вузов, а также 1066 филиалов колледжей, техникумов и организаций высшего образования²⁷.

Большая часть выпускников программ подготовки специалистов среднего звена (кроме медиков и учителей) испытывают сложности с поиском работы, соответствующей уровню их квалификации [10].

Для развития профессиональных кадров со средним специальным образованием в России стартовал проект «Профессионалитет», который стал одной из 42 инициатив социально-экономического развития до 2030 г., инициированных президентом Российской Федерации. В программе «Профессионалитет» в 2023 г. приняли участие 619 образовательных организаций и 380 предприятий реального сектора экономики в 55 регионах страны. В 2022 г. в 43 регионах России открылся

71 образовательно-производственный кластер. К 2026 г. кластеров «Профессионалитета» будет более 860²⁸.

Число выпускников по рабочим специальностям за 2020–2022 гг. сократилось в 4,7 раза, до 161 200 чел. [10]. В 2022–2023 гг. из 3,56 млн студентов только 570 тыс. обучались по рабочим профессиям, остальные — по программам подготовки персонала среднего звена. Большинство рабочих обучаются по строительным, машиностроительным, транспортным и сельскохозяйственным специальностям; при этом выпускается недостаточно специалистов по массовым профессиям высокотехнологичных отраслей (электроника, радиотехника, авиастроение, ракетная и космическая техника). Основные направления подготовки служащих: юриспруденция, управление, информационные технологии, программирование, сестринское дело. Учебу в вузах продолжают 32% обучавшихся по специальностям служащих и 13% получивших рабочие профессии.

Работают или совмещают работу с учебой около 40% выпускников колледжей и техникумов. Широко распространена неформальная занятость и другие невидимые практики [10].

42,8% всей молодежи 18–29 лет охвачены программами подготовки специалистов среднего звена (охват высшим образованием — 35%). Однако заканчивает обучение и получает диплом об окончании программы подготовки квалифицированных рабочих лишь каждый человек моложе 29 лет. Заработная плата выпускников колледжей и техникумов на 30% выше, чем у выпускников 11-х классов, вышедших на рынок труда, и на 55% выше, чем у выпускников 9-х классов; при этом она на 60% ниже, чем у выпускников с высшим образованием²⁹.

Руководство Минтруда России работает над тем, как удовлетворить запросы работодателей на прикладные навыки у молодых специалистов. В частности, планируется повысить гибкость национальной системы квалификации, поскольку действующая система требований профстандартов в образовательных программах не позволяет быстро учитывать изменения на рынке труда. Предлагается пересмотреть подход к формированию профессиональных стандартов на основе двух компонентов: базовая часть — основные компетенции, вариативная — в соответствии с анализом запросов

²⁵ URL: https://www.ng.ru/economics/2023-04-25/1_8715_youth.html.

²⁶ URL: <https://ria.ru/20230601/rabota-1875505628.html>

²⁷ URL: <https://daily.hse.ru/post/950>

²⁸ URL: <https://www.mk.ru/nationalprojects/edu/2023/04/17/professionalitet-kak-v-rossii-pomogayut-studentam-i-rabotodatelyam-obresti-drug-druga.html>

²⁹ URL: <https://conf.hse.ru/2023/news/827596903.html>

работодателей. Это позволит гибко реагировать на изменяющиеся требования к работникам, а также усилить интеграцию профессиональных и образовательных стандартов³⁰.

Мигранты на рынке труда: особенности регулирования

Очевидно, что низкая мобильность труда затрудняет структурную перестройку экономики, поэтому требуется активное развитие отраслевой и региональной мобильности.

Тезис о том, можно ли решить проблему дефицита кадров за счет увеличения миграции, остается дискуссионным. Например, профессор Финансового университета Александр Сафонов обосновывает неэффективность данной меры тем, что есть «лаг по времени с точки зрения профессиональной подготовки: период подготовки квалифицированного рабочего — не менее двух лет, а инженера — шесть-семь лет»³¹.

Исследователи считают, что в миграционной политике нужно изначально определить, для каких целей и в каком количестве стране нужны мигранты. Эти приоритеты должны быть прописаны на законодательном уровне, а далее надо искать способы адаптации и интеграции трудовых мигрантов среди граждан страны. В 2022 г. российское гражданство получили 738 тыс. чел. — это максимальное количество с 1996 г. При этом, по данным за 2022 г., во всех регионах страны, кроме Северо-Западного, уровень преступности в среде мигрантов вырос на 10% (в том числе особо тяжкие преступления), а количество депортированных, по сравнению с 2021-м г., увеличилось в 2,5 раза³². За последние 2–3 года наблюдается увеличение нетерпимости мигрантов по отношению к местному населению.

Эксперты считают, что необходимо внести изменения в Закон о гражданстве РФ и установить период для его получения только для близких родственников иностранного гражданина, уже имеющего гражданство. Также требуется упрощенная процедура лишения гражданства, если суд признал документы мигранта недействительными, а брак — фиктивным.

Стоит отметить, что политика «открытых дверей» в Европе и США в 2015–2016 гг. привела

к серьезным социальным последствиям и миграционному кризису. Для нашей страны предпочтительнее селективный подход к организации миграции, когда государство четко определяет цели, регионы, специальности и количество необходимых мигрантов, и на основе этого устанавливает правила въезда и получения гражданства. Однако такие исследования и расчеты систематически не проводятся.

Другой стороной миграционной политики выступает решение демографических проблем. По некоторым оценкам, при сохранении текущего уровня рождаемости, чтобы поддерживать население на уровне 146 млн чел., необходимо привлечь около 400 тыс. мигрантов в год в течение 80 лет. Для достижения этого основной акцент должен быть сделан на иностранных студентах и адаптации в обществе семей с детьми³³.

Реформа службы занятости

Последствия пандемии коронавируса и изменение структуры рынка труда дали исполнительной власти стимул к масштабной реформе государственной службы занятости (ГСЗ). В 90-е гг. управление государственным службами занятости было передано регионам, что привело к нарушению централизованной системы управления. В начале 2000-х гг. фонд занятости был ликвидирован, и выплаты по безработице стали осуществляться за счет бюджета. Параллельно изменился социальный статус сотрудников служб занятости, что привело к массовому уходу высококвалифицированных специалистов [7].

В 2021 г. Минтруд России начал процесс трансформации центров занятости, который успешно продолжается в настоящее время.

Первый этап прошел в рамках нацпроекта «Производительность труда». Дальнейшая реформа стала частью нацпроекта «Демография» и направлена на развитие рынка труда и экономики страны. Она позволит улучшить работу центров занятости, повысить доступность услуг и эффективность их предоставления, а также поддержать различные категории граждан в поиске работы и профессиональной ориентации. Центры занятости, по сути, стали государственными кадровыми агентствами, способными оказывать реальную помощь соискателям и работодателям [7].

³⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319>

³¹ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/592141>

³² URL: <https://expert.ru/expert/2023/20/zachem-rossii-migranty/>

³³ URL: <https://expert.ru/expert/2023/20/zachem-rossii-migranty/>

В рамках реформы планируется создание единой информационной платформы для всех центров занятости, что позволит предоставлять услуги удаленно и предлагать вакансии по всей стране. Это улучшит доступность и эффективность работы центров занятости. Основные группы, для которых разрабатываются решения, включают инвалидов, молодых мам, подростков, выпускников, молодых специалистов, представителей старшего поколения, желающих переехать в другой регион, а также бывших заключенных. Для сотрудников службы занятости созданы методические рекомендации и единый реестр, включающий как отдельные услуги, так и комплексные пакеты, учитывающие различные жизненные и бизнес-ситуации³⁴. До конца 2024 г. будет переобучено 22 тыс. работников службы занятости.

Часть работы предприятий по подбору персонала будет возложена на государственные кадровые агентства. Персональные специалисты будут закреплены за основными работодателями региона. Внешним и внутренним аудитом деятельности государственных кадровых агентств занимаются Минтруд России и Роструд.

Глава Минтруда А. Котяков сообщил, что благодаря работе обновленной службы занятости численность вовлеченных на рынок труда людей возросла в 2023 г. на 1,7 млн чел. Переквалификацию осуществили более 700 тыс. чел., 80% из которых нашли работу. С начала 2024 г. возможность переобучения по 150 приоритетным направлениям есть у всех, ищущих работу. Уже обновлено более 550 центров занятости, а еще 300 модернизируют в текущем году³⁵.

ВЫВОДЫ

Пандемия и спровоцированный ею кризис потребовали серьезной структурной перестройки российской экономики, связанной с масштабным межотраслевым перетоком рабочей силы, а затем санкционная политика привела к не менее масштабной трансформации.

Вполне вероятно, что сдвиги на рынке труда (изменения структуры и модели занятости, обострение дефицита квалифицированных кадров и пр.) будут продолжаться с той или иной степенью интенсивности.

³⁴ URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/ekspert-v-tsentr-zanyatosti-dolzheny-prikhodit-zarealnoy-pomoshchyu-a-ne-ot-bezyskhodnosti>

³⁵ URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/200>

Проведенный авторами статьи анализ процессов трансформации и более активной роли государства на российском рынке труда позволяет говорить о том, что начался переход к модели, более соответствующей новой экономической реальности.

Характерными чертами этой модели выступают следующие аспекты:

- Увеличение числа работников, занятых неполный рабочий день или с непостоянным графиком, что негативно влияет на эффективность использования рабочей силы.
- Значительное уменьшение безработицы.
- Разнонаправленная динамика количества рабочих часов в первую и вторую волну трансформации.
- Увеличение количества вакансий на рынке труда до рекордных значений вместо прогнозируемого снижения.

Все вышеперечисленное связано с переводом экономики в мобилизационный режим и необходимостью масштабной реорганизации рабочей силы, что не могло быть сделано одномоментно и привело к серьезным структурным дисбалансам. Это повлекло за собой возникновение большого числа вакансий, которые сложно заполнить, — как в секторах, нуждающихся в дополнительной рабочей силе, так и в тех, где сотрудников сокращали и при этом искали замену на рынке [1].

Эксперты считают, что российский рынок труда находится в стадии изменения основных характеристик своего функционирования: сдвиг происходит от ограниченного спроса на рабочую силу к ограниченному предложению. Увеличение конкуренции за работников при отрицательной динамике предложения труда в значительной степени объясняет снижение уровня безработицы и ускоренный рост заработной платы.

На фоне этих структурных сдвигов на рынке труда необходимо ускорить адаптацию российского рынка труда к разного рода кризисным явлениям:

1. Повысить роль государственного регулирования, которое должно обеспечить оптимальный баланс интересов государства, работодателей и работников.
2. Продолжить масштабное переформатирование государственной службы занятости (новые технологии поиска работы, современная система коммуникаций с потенциальными соискателями, переобучение по востребованным

специальностям, обучение персонала служб занятости и др.).

3. В разумных пределах повысить гибкость национальной системы квалификации, что позволит быстрее реагировать на изменения на рынке труда. Усилить интеграцию профессиональных и образовательных стандартов.

4. Модернизировать правовую базу сферы труда и улучшить практику ее правоприменения, а также отменить особенно устаревшие правила и бюрократические процедуры, за-

менив их более простыми и понятными для восприятия людьми разного уровня образования.

Уточнить приоритеты миграционной политики, в частности использовать селективный подход на основе нужных экономике специальностей в требуемых количествах в каждом регионе страны.

Предлагаемые адаптационные меры на рынке труда будут способствовать успеху структурной перестройки всей российской экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 78 с.
2. Rudnicka A., Newbold J. W., Cook D., Cecchinato M. E., Gould S., Cox A. L. Eworklife: developing effective strategies for remote working during the COVID-19 pandemic. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10106475/>
3. Тонких Н. В., Черных Е. А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удалённой работе: мнения российских женщин. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022;18(4):477–490. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.4.5>
4. Локтюхина Н. В., Черных Е. А. Качество трудовой жизни удаленных работников: методологические подходы и первые оценки по ЕС и России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2021;17(1):42–56. <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.4>
5. Уфимцева Е. В., Волчкова И. В., Шадейко Н. Р., Геворгян О. И. Удаленная работа: современные реалии трудовой сферы. *Экономика труда*. 2021;8(1):23–38. <https://doi.org/10.18334/et.8.1.111351>
6. Demetriades S., Cabrita J., Eiffe F. F. The future of telework and hybrid work, Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023.
7. Подвойский Г. Л. Российский рынок труда в условиях Covid-19: анализ, оценка, перспективы. *Экономические науки*. 2021;(201):67–84. <https://doi.org/10.14451/1.201.67>
8. Колесникова О. А., Маслова Е. В., Околелых И. В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления. *Социально-трудовые исследования*. 2023;53(4):179–189. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189>
9. Токсанбаева М. С., Попова Р. И. Трудовые ресурсы как характеристика трудового потенциала и их структура. *Народонаселение*. 2022;25(4):151–162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.13>
10. Анисимова К. В., Владимирская А. А., Дудырев Ф. Ф. и др. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 148 с.

REFERENCES

1. Kapelyushnikov R. I. Russian labor market: statistical portrait against the backdrop of crises. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki; 2023. 78 p. (In Russ.).
2. Rudnicka A., Newbold J. W., Cook D., Cecchinato M. E., Gould S., Cox A. L. Eworklife: developing effective strategies for remote working during the COVID-19 pandemic. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10106475/>
3. Tonkikh N. V., Chernykh E. A. Quality of work, family and personal life during remote work: opinions of Russian women. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of Russian regions*. 2022;18(4):477–490. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.4.5>
4. Loktyukhina N. V., Chernykh E. A. Quality of working life of remote workers: methodological approaches and first estimates for the EU and Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of Russian regions*. 2021;17(1):42–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.4>

5. Ufimtseva E. V., Volchkova I. V., Shadeiko N. R., Gevorgyan O. I. Remote work: modern realities of the labor sphere. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2021;8(1):23–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.8.1.111351>
6. Demetriades S., Cabrita J., Eiffe F. F. The future of telework and hybrid work, Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023.
7. Podvoisky G. L. Russian labor market under Covid-19 conditions: analysis, assessment, prospects. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2021;(201):67–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.14451/1.201.67>
8. Kolesnikova O. A., Maslova E. V., Okolelykh I. V. Personnel shortage in the current Russian labor market: Manifestations, causes, trends, measures to overcome it. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya = Social and labor research*. 2023;53(4):179–189. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189>
9. Toksanbaeva M. S., Popova R. I. Labor resources as a characteristic of labor potential and their structure. *Narodonaselenie = Population*. 2022;25(4):151–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.13>
10. Anisimova K. V., Vladimirskaia A. A., Dudyrev F. F. and others. Graduates of secondary vocational education in the Russian labor market: report to the XXIV Yasinsk (April) international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 2023. Moscow: Izdatel'skij dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki; 2023. 148 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Глеб Львович Подвойский — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политики занятости и трудовых отношений Федерального государственного бюджетного учреждения науки, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

Gleb L. Podvoiskiy — Cand. Sci. (Econ.), Leader Researcher, Center for Employment Policy and Labor Relations of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>

e.a.yurovskaya@gmail.com

Екатерина Алексеевна Черных — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия

Ekaterina A. Chernykh — Cand. Sci. (Econ.), Leader Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Science (RAS), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

chernykh.ekaterina108@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81
УДК 130.2(045)

Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования

С.А. Просеков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются методологические подходы к философскому анализу китайского национального характера и особенностей китайского мышления. Показывается, в чем заключается различие понятий «национальный менталитет» и «национальный характер», которые частично совпадают, а частично различаются.

Автор предполагает, что национальный характер и его основные черты составляют существенную сторону (уровень) национального китайского менталитета. В работе исследуется методологическая проблема: можно ли определять китайское мышление как преимущественно образное, в отличие от преимущественно логического – у европейцев. Высказывается и обосновывается гипотеза об аудиальном характере возникновения и формирования китайского менталитета. Объясняются причины рождения «децентрированного субъекта» с клиповым сознанием. Отмечается, что китайцы давно выработали практики в реакции на звук без всякого разделения на материальное и идеальное, потому что никакой проблемы субъекта и объекта для них никогда не существовало.

Ключевые слова: Китай; национальный характер; менталитет; мышление китайцев

Для цитирования: Просеков С.А. Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):76-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81

ORIGINAL PAPER

Chinese National Character and Peculiarities of Chinese thinking: Towards a Methodology of Philosophical Research

S.A. Prosekov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The study reveals methodological approaches to the philosophical analysis of the Chinese national character and the peculiarities of the Chinese thinking. The author shows the difference between the concepts of national mentality and national character, which partly coincide and partly differs. The author suggests that national character and its salient features make up an essential aspect (level) of the national Chinese mentality. The research examines a methodological problem of whether it is possible to define Chinese thinking as predominantly figurative, in contrast to the predominantly logical one of Europeans. The author hypothesizes and supports the idea that the emergence and formation of the Chinese mentality is auditory. The explanation clarifies the reasons for the birth of an “imbalanced individual” with clip consciousness. The Chinese have a longstanding tradition of developing practices in response to sound, without distinguishing between the material and the ideal, as they have never faced the problem of subject and object.

Keywords: China; national character; mentality; Chinese thinking

For citation: Prosekov S.A. Chinese national character and peculiarities of Chinese thinking: Towards a methodology of philosophical research. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):76-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81

В научной литературе применительно к нации и/или национальности понятия «ментальность» и «национальный характер» иногда употребляются как синонимы¹.

Некоторые авторы считают термин «национальный характер» ненаучным (П.Н. Миллюков, Л.Н. Гумилев), однако другими исследователями он активно применяется.

Обзор литературы по теме «национальный характер и менталитет» показывает, что на первых порах Китай и все китайское воспринимались европейцами просто как экзотика, курьез, «вечно чужое». Затем в Европе стали подчеркивать противоположность китайского всему европейскому, его «отсталость». Это происходило на фоне сложившегося представления об истории как единой мировой причинно-следственной цепи великих событий, правлений и войн, достижений философии, литературы и науки. При этом Китаю навязывалась периодизация истории и цивилизации Европы и вообще европоцентристские критерии, которые многие и ныне, часто по умолчанию, считают истинными критериями развития для всего мира. Однако уже появилось и обрело мощный импульс к развитию совершенно иное отношение к Поднебесной — стремление воспринимать ее как таковую, а не просто отставшую от Европы в своей «дружости». Причиной такого поворота послужил неожиданный «прыжок азиатского тигра», в результате которого Китай оказался на мировой арене второй державой по темпам развития. Тут произошел слом сложившихся стереотипных представлений о коллективизме китайцев (при том, что модернизация прежде всегда связывалась с индивидуализмом в культуре). Вообще кажется совсем не случайным наличие в мировом китаеведении двух прямо противоположных мнений: об отсутствии индивидуальности у китайцев и об их крайнем индивидуализме [1, с. 34]. Можно предположить, что европейские оппозиции коллективизм/индивидуализм просто не работают для характеристики китайского менталитета: существуют и приводятся аргументы для доказательства и той и другой позиции — примеры мощных коллективных действий китайцев, а также их запредельного эгоцентризма и соперничества. Что это значит? Скорее всего, забота о Я, трактуемом расширительно и включающем не только самого человека, но и его семью, является реальной ориентацией традиционных китайцев,

однако принцип строгого подчинения социальным иерархиям заставляет их в нужное время выступать как сплоченная сила. Это и не индивидуализм, и не коллективизм, а нечто, не описываемое указанными бинарными оппозициями.

Рухнули также стереотипы об отсутствии в китайской цивилизации понятия личности, о пассивности, заторможенности, медлительности китайцев и их цивилизации. Сегодня, как говорят недоумевающие читатели и слушатели одному из ведущих современных синологов В.В. Малявину, складывается образ Китая, которого «нет ни в Китае, ни в Европе». Именно этот образ оказывается принципом, обладающим высокой познавательной-практической ценностью. Европейскую ментальность невозможно объяснить посредством истории великих идей непосредственно из литературы (следует учитывать повседневность и уместной «безмолвного большинства»), а китайскую — тем более, поскольку она не логоцентрична, как европейская культура Нового времени, не создавала универсальных понятий, но складывалась из ситуативных практических образцов, для овладения которыми необходимо включение в практику культуры. Там нет ни субъекта, ни объекта, бинарных оппозиций наибольшей степени общности, привычных для европейца эпохи Модерна, но есть холистичность тела и души, мысли и действия. При этом (что естественно) китайская культура содержит множество понятий, непередаваемых на европейские языки: их надо долго описывать, но всегда остается непередаваемый, собственно китайский остаток. По близкой аналогии — так же непередаваема эстетическая информация, закодированная в произведении искусства, на язык логоса: сколько ни пересказывай содержание произведения, всегда остается нечто непередаваемое, что и составляет самую суть художественного. Так, исследователь указывает, что перспектива в изображении, близкая к прямой (ренессансной), издавна существовала в Китае, хотя чаще всего специалисты говорят о перспективе «многофокусной» как характеристике китайской иконографии. К тому же типов перспективы в Китае существенно больше, чем в Европе, но для их обозначения «...в европейских языках нет соответствующих терминов. <...> у китайцев своеобразный метод структурирования пространства представляет собой способ восприятия времени и пространства как единого целого» [2, с. 18]. Это частный случай, но очень показательный. Следует понимать, что китайская культура (как постоянно подчеркивает

¹ URL: <http://national-mentalities.ru/>

в своих исследованиях В.В. Малявин) развивается прагматически, без разделения на идеи и их носителей. Признанный специалист по этнической психологии китайцев, знающий китайский язык, писал о «недостаточно четкой терминологии в китайском языке для обозначения понятий, относимых к этнической психологии» [3]. Можно предположить, что дело не в «нечеткой терминологии», а в терминологии *другой*, для которой нет адекватных понятий в европейских языках.

Тут же в новом свете встает проблема степени общераспространенности того, что сегодня называют китайской ментальностью или китайским характером, и очагов ее культурного производства: общего и частного, высокого и повседневного (что, впрочем, составляет проблему любой национальной ментальности).

Сложной методологической проблемой (также общей для всякой теории и истории ментальностей, не только китайской) является решение вопроса: существует ли реально общий — в данном случае китайский — менталитет/характер, или только отдельные этнические и стратовые менталитеты/характеры (тибетский, ханьский, деревенский и городской, чиновничий и пр.)? Выход некоторыми авторами предлагается следующий: включать в понятие китайского менталитета только общие для всех этнических групп и страт населения Китая черты. Решение видится неудовлетворительным по ряду причин — в частности, потому, что и нация, и этнос, и профессиональные группы представляют собой (если использовать термин Б. Андерсона) «воображаемые сообщества» [4], т.е. такие, члены которых никогда не встречаются все вместе в реальной жизни. Поэтому и стратовые, и этнические, и прочие ментальности можно делить до бесконечности — до тех пор, пока инструментальное понятие не перестанет работать вовсе, что исследователю совсем не нужно.

Н.А. Моисеева и В.И. Сорокикина полагают, что понятия «менталитет» и «характер» не являются синонимами: «Отличие менталитета от национального характера в том, что последний, являясь составной частью ментальности, включает общие психофизиологические черты жизнедеятельности (определяемые принятой нацией системой ценностей). Понятие “менталитет” по содержанию гораздо шире, чем понятие “национальный характер”» [5, с. 4]. Эти авторы считают, что «термин “национальный характер” совпадает с понятием “базовая личность” (основная структура личности). <...> категория “базовая личность” предполагает

наличие в каждой культуре доминирующего типа личности, определяя ее как основную личностную структуру, формируемую данной культурой. <...> Базовая личность — это склонности, представления, способы связи с другими людьми» [5, с. 12]. «“Базисная личность” — это понятие, подчеркивающее значимость структурного образца и предоставляющее попытку отбросить проблему “девиантных” и “периферийных” черт, в результате чего остается структурное ядро, предположительно общее для всех членов группы. Модальная личность строится на статистическом анализе “девиантных” и “периферийных” черт. <...> Использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общности имеют одну и ту же личностную структуру, более того, модальная личность соответствует сравнительно прочно сохраняющимся чертам личности, чаще всего встречающимся у взрослых членов данного общества. Именно общества, а не культуры, так как исследователи модальной личности интересовались, прежде всего, современными индустриальными обществами» [5, с. 13]. Стоит отдельно отметить любопытное для нашей темы соображение данных авторов, а именно: «“Расколотовость” общества не дает возможности последовательного проведения реформ. Они становятся рецидивирующими. Если конфуцианское умение найти “золотую середину” помогло в проведении китайских реформ, наша постсоветская история подтвердила философскую интуицию Н.А. Бердяева о переходе из крайности в крайность как особенности русского национального характера» [5, с. 21].

Представляется, что объемы понятий «национальный менталитет» и «национальный характер» — пересекающиеся. Иными словами, они частично совпадают, а частично различаются. Но, имея это в виду, национальный характер китайцев можно считать вторым, более внешним уровнем (слоем) национального менталитета. Так, типичные для того или иного национального/этнического менталитета отношения к труду, досугу, власти, сексу и пр. обычно входят и в состав национального/этнического характера, но наиболее глубокий слой такого менталитета (представления о времени, пространстве и т.д.) к характеру отнести невозможно.

Еще одна методологическая проблема темы видится как кардинальная: определение китайского мышления как преимущественно образного, в отличие от преимущественно логического у европейцев. Это положение давно стало общим местом в публи-

кациях по теме китайского менталитета, а меж тем оно вовсе не очевидно. Эта «образность» мышления китайцев связывается с визуальным аспектом иероглифической письменности, которая в своей основе пиктографична, она схематически воспроизводит изображения вещей и существ окружающего мира. Однако визуальное подражание природе как таковое всегда считалось в Китае вульгарным, признаком нецивилизованности. Поэтому, к примеру, и пейзажи никогда не писались с натуры, но всегда высоко ценилось то, что переработано сознанием и бессознательным в медитациях, размышлениях и на практике таким образом, что становятся неразличимыми исходная (природная) вещь и сознание, они срачиваются в единое целое. Потому же, как это ни странно, так ценится всякая искусная подделка: дерева — под кирпич, вкуса куриной похлебки — под свиную и пр., — что всегда приводило в большое недоумение европейцев, в культуре которых всякая подделка — ложь и обман.

Но есть еще более существенное соображение, а именно: возраст китайского менталитета — по крайней мере пять тысячелетий, и он каким-то образом формировался и передавался от поколения к поколению, а меж тем на протяжении этого времени подавляющее большинство населения Поднебесной оставалось неграмотным (до середины XX в. — примерно 90%), не будучи и аудиторией прекрасной китайской живописи, которая тысячелетиями существовала во дворцах императоров (хотя чувство ритма и пластики развивается и в народной музыке, и в ремесленных вещах, и в домо- и храмо-строительстве). Значит, это была по преимуществу не визуально-письменная, а аудиальная культура, культура «уха», а не «глаза», в которой речь и слух доминировали. И тогда вариантов интерпретации остается два: или китайским менталитетом, связанным с иероглифической письменностью, считают менталитет исторического образованного меньшинства — но тогда его так и следовало бы называть, указав на то радикальное обстоятельство, что игнорируется бесписьменное, но не безмолвное большинство; или, если признать китайскую культуру вплоть до середины XX в. по преимуществу аудиальной, ее и следует характеризовать соответствующим образом, исследуя в то же время современный китайский менталитет не как дописьменный, а в связи с распространением массовой грамотности как постписьменный. И тут, в дополнение к исследованиям китайской письменной и визуальной культуры, надо обращаться к ис-

следованиям устной речи, ее структуры, изменения семиотики и звучания как социального феномена (т.е. к прагматике звука), а также, возможно, к механизмам трансляции ритуалов, включая их слуховую образность, традициям использования запахов и т.д. Конфуцианские, даосские и буддийские ценности распространялись в среде неграмотного населения изустно, обретая вид пословиц, афоризмов, обрядов, праздников, ярмарочных представлений, иных фольклорных форм [6, с. 12]. Однако прагматика звука, *sound culture studies* (некоторые авторы употребляют название *sound studies*, «исследования звука» как синоним для предметного поля или научного направления «исследования аудиальной культуры», *auditory cultural studies*, или *sound culture studies*, как в данном случае автор настоящей статьи, другие эти направления различают [7]) — практически малоразвитое направление, особенно в русско-язычном поле, при большом количестве публикаций за последнее десятилетие на английском языке. В отличие от *visual studies* (изучении визуальной культуры), материалы по аудиальным культурам чаще всего фрагментарны и встречаются отрывочно в очень разных научных дисциплинах.

Хотя современная культура Европы определяется как аудиовизуальная, М. Маклюэн отмечал, что в XX столетии происходит переакцентировка культуры с визуального на аудиальное (слышимое). В нижеследующей цитате под «устной и племенной культурой уха» автор разумел и китайскую культуру: «Из всех великих гибридных союзов, питающих бурное высвобождение энергии и изменения, нет фактически ничего, что могло бы соперничать со встречей письменной и устной культур. Дар фонетической письменности, давшей человеку глаз вместо уха, в социальном и политическом плане является, вероятно, самым радикальным взрывом, какой только может случиться в социальной структуре. Этот взрыв глаза, часто повторяемый в “отсталых регионах”, мы называем вестернизацией. Сегодня, когда началась гибридизация книжностью культур китайцев, индийцев и африканцев, нас ждет такой выброс человеческой энергии и агрессивного насилия, который заставит померкнуть всю прежнюю историю технологии фонетического алфавита.

Но это только восточная сторона истории, <...> ибо в настоящее время электрическое сжатие несет письменному Западу устную и племенную культуру уха. Теперь визуальному, специалистскому и фрагментированному человеку Западу не просто приходится жить в теснейшем повседневном соседстве

со всеми древними устными культурами мира, но и его собственная электрическая технология начинает обратный перевод визуального, или глазного, человека в племенную и устную конфигурацию с ее цельносплетенной паутиной родства и взаимозависимости» [8, с. 28].

Представляется, что превращения европейского визуального человека в аудиального, как предсказывал Маклюэн в 1964 г., не произошло, но подвергшаяся радикальным метаморфозам культура востребовала новые аудиовизуальные способности, которые в европейском предшествовавшем опыте отсутствовали, в результате чего в Европе народился «децентрированный субъект» с клиповым сознанием. И пока европейцы спорят о соотношении материального (телесного) и идеального (психического, сознательного, культурного, социального) в реакциях на звук, китайцы давно выработали эти практики без всякого разделения на телесное и нетелесное, ибо никакой проблемы субъекта и объекта для них нет и никогда не было.

Б. Кейн подчеркивает, что при попытках онтологизировать звук, т.е. посчитать первичной телесную, докультурную реакцию, выясняется, что «телесные возможности формируются одновременно с инкультурацией» [9]. И в самом деле, поскольку, к примеру, на Земле нет абсолютной тишины, сами чувства тишины и шума создаются не природой, а определяются как таковые культурами, причем по-разному: то, что в одной культуре считают тишиной, в другой будет восприниматься как шум, и наоборот. По этим соображениям, выясняя генезис и характер китайской ментальности, следовало бы больше апеллировать к аудиальным кодам этой культуры, а они разнообразны. Так, известно, что в китайском языке тон выполняет такую же смысловозначительную функцию, как и звук — произнесенный разными тонами голоса слог образует совершенно разные слова. Очень важное обстоятельство — сакрализация воздуха и его движения (ветра) в китайской мифологии, что во многом определило здесь звукомusicальную практику. В связи с этим один из авторов предлагает типологическую схему звуковых имиджей разных цивилизаций, связанных с взаи-

модействием людей и природы. Для Юго-Восточной Азии (а значит, и для Китая) таким звуковым кодом/имиджем являются «звук как “шум” (тропического леса, моря и т.п.) и “гул”» [10] (с точки зрения автора типологии, для Дальнего Востока — это звук как звон и писк, для Южной Азии — как крик и дребезжание, для Центральной Азии — как вой, кряхтение и скрип и т.п.). Надо думать, что эти первокоды становятся основой специфического для каждой крупной цивилизации звукоязыка, в Китае — подвергаясь сложнейшей переработке и метаморфозам; скорее всего, идея мимесиса и в звуке тут вряд ли присутствовала. Тот же автор, говоря о специфической для китайцев игре на цине, указывает: «В практике музицирования на цине нашла непосредственное отражение гармония даосско-буддийского мистического единения творческого духа со Вселенной — так называемое “просветление”, для которого была характерна яркая эмоциональность, то “эйфористическое чувство духовно-телесного единства, не нарушаемое дискуссией”, когда человек “восстанавливал свежесть, остроту и целостность восприятия, то есть все естественные свойства, утраченные им в процессе культуризации посредством декларируемых конфуцианством правил «ли»”...» [10]. Музицировать предлагалось на лоне природы, часто — под сливовыми деревьями — символом бессмертия, и сосной — символом жизненной стойкости. И из этого опять видно, что в Поднебесной почитается не сам по себе природный звук, а именно тот, что символизирует «музыку сфер», Небеса, связь человека с Небом, т.е., строго говоря, именно культурно-символические действия людей, природа, преобразованная до синергического слияния природного и человеческого.

Таким образом, китайский национальный характер с методологической точки зрения целесообразно рассматривать как уровень китайского менталитета. Кроме того, в настоящей статье приведены аргументы в пользу преимущественно аудиального характера китайской ментальности, сформировавшегося в процессе ее развития, и контраргументы в отношении распространенной идеи о доминировании образного, а не логического в мышлении китайцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М.: ИСАА МГУ; 1994.
2. Чжан Ц. Сино-европейский стиль в придворной живописи Цин эпохи расцвета: статус мастера, художественные особенности. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М.: Московский художественно-промышленный институт им. С.Г. Строганова; 2017.

3. Спешнев Н.А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев характер. URL: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/speshnev_n_a_diskussiya_ob_etnopsihologii_kitajcev/
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле; 2001.
5. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер. URL: http://national-mentalities.ru/files/moiseeva_sorokovikova.pdf
6. Васильев Л.С. История религий Востока. URL: <https://mse.msu.ru/history/05/book/text-05-01.pdf>
7. Кейн Б. Саунд-стадиз в обход аудиальной культуры: критика онтологического поворота. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20\(translate\).pdf](https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20(translate).pdf)
8. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
9. Cane Brian. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20551940.2015.1079063>
10. Васильченко Е.В. История и теория музыки: звук/музыка в системе культуры. URL: <http://geum.ru/next/art-76255.leaf-3.php>

REFERENCES

1. Tertitsky K.M. Chinese: traditional values in the modern world. Moscow: ISAA MSU; 1994. (In Russ.).
2. Zhang Q. Sino-European style in court painting of the Qing heyday: the status of the master, artistic features. Cand. arts. sci. diss. Synopsis. Moscow: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts (Stroganov Academy); 2017. (In Russ.).
3. Speshnev N.A. Discussion about the ethnopsychology of the Chinese character. URL: http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/speshnev_n_a_diskussiya_ob_etnopsihologii_kitajcev/ (In Russ.).
4. Anderson B. Imagined communities. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo Pole; 2001. (In Russ.).
5. Moiseeva N.A., Sorokovikova V.I. Mentality and national character. URL: http://national-mentalities.ru/files/moiseeva_sorokovikova.pdf (In Russ.).
6. Vasiliev L.S. History of the religions of the East. URL: <https://mse.msu.ru/history/05/book/text-05-01.pdf> (In Russ.).
7. Kane B. Sound stage bypassing auditory culture: criticism of the ontological turn. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20\(translate\).pdf](https://www.hse.ru/data/2018/11/08/1141254691/20-38_Kane%20(translate).pdf) (In Russ.).
8. McLuhan M. Understanding media. External extensions of a person. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (In Russ.).
9. Cane Brian. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20551940.2015.1079063> (In Russ.).
10. Vasilchenko E.V. History and theory of music: sound/music in the cultural system. URL: <http://geum.ru/next/art-76255.leaf-3.php> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Анатольевич Просеков — кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего Редакцией научных журналов, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Prosekov — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Deputy Head of Scientific Journals Editorial Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6049-2479>

SAProsekov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.11.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-82-86
УДК 159.9.072(045)

О роли эмоционального интеллекта в работе преподавателей вуза

О.И. Максимова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема сформированности эмоционального интеллекта у педагогов и важности той роли, который этот конструкт играет в их профессиональной деятельности. Отмечается необходимость использования эмоционального интеллекта в практических целях в высших учебных заведениях для предотвращения синдрома профессионального выгорания преподавателей. Приводятся результаты опроса сотрудников департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, проведенного по методике REIS (Роттердамская Шкала эмоционального интеллекта). Делается вывод о том, что полученные данные можно использовать с целью разработки и координации действий по созданию специализированного курса для предотвращения профессионального выгорания у преподавателей посредством развития основных составляющих эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; профессиональное выгорание; уровень сформированности; внутренние ресурсы; адаптационный потенциал; Роттердамская Шкала эмоционального интеллекта; методика оценки

Для цитирования: Максимова О.И. О роли эмоционального интеллекта в работе преподавателей вуза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):82-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-82-86

ORIGINAL PAPER

Emotional Intelligence in the Labor of University Lecturers

O.I. Maksimova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper examines the problem of the emotional intelligence configuration among lecturers and the importance of the role that this construct plays in their professional activities. The author notes the need to practice emotional intelligence in higher educational institutions to prevent teacher burnout syndrome. The study presented survey results of employees of the Department of English Language and Professional Communication of the Financial University conducted with based on the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS) methodology. The author concluded the data obtained can develop and coordinate actions to create a specialized course. This course aims to prevent professional burnout among lecturers by focusing on the major components development of emotional intelligence.

Keywords: emotional intellect; professional burnout; configuration level; internal resources; adaptive potential; Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS); assessment methodology

For citation: Maksimova O.I. Emotional intelligence in the labor of university lecturers. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):82-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-82-86

Эмоциональный интеллект чрезвычайно важен для педагогов, поскольку он играет ключевую роль в профессиональной культуре преподавателей. Развитие эмоционального интеллекта «может способствовать преодолению бессознательных установок и лучшей коммуникации участников педагогического взаимодействия. Анализируя собственные эмоции и эмоциональное состояние учащихся, преподаватель способен избежать индуцированного эмоционального состояния. Он становится субъектом собственного эмоционального состояния, способен актуализировать у себя уважение к учащимся как субъектам учебного процесса и состояние заинтересованности в учебном предмете. Как следствие, он может привести аудиторию к эмоциональному состоянию, способствующему большей успешности учебного процесса» [1, с. 49].

Кроме того, принимать во внимание уровень эмоционального интеллекта преподавателей и использовать его в практических целях в высших учебных заведениях необходимо и для предотвращения синдрома профессионального выгорания и улучшения работоспособности педагогов путем включения внутренних ресурсов личности с целью повышения стрессоустойчивости.

Как известно, социальные, политические и экономические изменения, увеличение информационных потоков, часто многократно усиленные негативной подачей средств массовой информации и социальных сетей, оказывают отрицательное воздействие на психологическое здоровье общества. Уязвимыми становятся люди разных полов, возрастов, социального положения, во всех сферах трудовой и учебной деятельности.

Наиболее ощутимо это воздействие сказывается на представителях помогающих, коммуникативных профессий, чаще других испытывающих чувство внутренней эмоциональной опустошенности, связанное с постоянными социальными контактами и интенсивными межличностными отношениями. Именно к таким относится профессия преподавателя. По степени эмоциональной напряженности нагрузка учителя в среднем больше, чем у менеджеров и банкиров, генеральных директоров и президентов ассоциаций, т.е. других профессионалов, непосредственно работающих с людьми [2, с. 322].

Более того, в ходе проведения реформ образования педагоги высших учебных заведений сталкиваются с различными, не всегда хорошо

продуманными нововведениями, с меняющимися требованиями, с чрезмерным контролем со стороны администрации, неоправданными проверками. Увеличивающаяся учебная, учебно-методическая и научно-методическая нагрузка, рост количества студентов, приходящихся на одного преподавателя, невысокий уровень оплаты труда, отсутствие чувства удовлетворения от работы оказывают пагубное влияние на состояние педагогов, приводят к интеллектуальным перегрузкам и истощению их физических и психологических ресурсов. В итоге развивается синдром профессионального выгорания, который является неблагоприятной реакцией человека на стресс, полученный на работе, включающей психофизиологические и поведенческие компоненты [3, с. 184]. Это неизбежно приводит к негативным последствиям, таким как снижение качественных и количественных показателей профессиональной деятельности, развитие негативных установок по отношению к работе; появлению чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности; снижению физической и психической устойчивости организма; возникновению подавленности, апатии, ощущения постоянной усталости и раздражения.

«Синдром выгорания представляет собой сложное структурно-динамическое образование, которое формируется в процессе педагогической деятельности и является негативным эффектом профессионализации» [4]. Он встречается достаточно часто. Это подтверждается, в том числе, результатами эксперимента, в котором приняли участие около ста преподавателей высших учебных заведений, работники университета повышения квалификации, стажировавшиеся преподаватели, воспитатели детских садов Санкт-Петербурга, Мурманска и Мурманской области. У 87% опрошенных респондентов было выявлено профессиональное выгорание в разной степени [5, с. 74].

Исследователи отмечают, что эмоциональный компонент является весьма важным аспектом как при возникновении, так и при подавлении синдрома выгорания. Самая значимая эмоциональная составляющая, влияющая на профессиональное выгорание, — эмоциональный интеллект: преподаватели, обладающие высоким адаптивным потенциалом, нервно-психической устойчивостью и хорошей регуляцией своего поведения, менее подвержены негативному влиянию стрессов и выгоранию; они демонстрируют более адаптивное поведение в профессиональ-

Утверждения, учитывающие четыре составляющих эмоционального интеллекта / Statements concerning the four components of emotional intelligence

1		Идентификация собственных эмоций
	1	Я всегда знаю, какие эмоции испытываю
	2	Я могу идентифицировать свои собственные эмоции
	3	Я знаю о своих собственных эмоциях
	4	Я понимаю, почему испытываю данные эмоции
	5	Я понимаю, какие эмоции испытываю
	6	В основном я в состоянии точно объяснить, как я себя чувствую
	7	Я могу судить правильно, если события затрагивают меня эмоционально
2		Понимание эмоций других людей
	8	Я знаю об эмоциях людей, окружающих меня
	9	Я знаю, какие эмоции испытывают другие
	10	Когда я смотрю на других людей, я вижу, что они чувствуют
	11	Я могу сочувствовать людям, окружающим меня
	12	Я понимаю, почему другие люди испытывают те или иные чувства
	13	Я могу различать эмоции других людей
	14	Я могу судить, если события затрагивают других эмоционально
3		Управление собственными эмоциями
	15	Я контролирую свои собственные эмоции
	16	Я могу легко подавить свои эмоции
	17	Я не позволяю своим эмоциям выйти наружу
	18	Я показываю свои эмоции, только когда это требуется
	19	Даже если я сердит, я могу оставаться спокойным
	20	Если я хочу, я могу не демонстрировать никаких эмоций
	21	Я управляю своими эмоциями при необходимости
4		Использование эмоций для достижения поставленной цели
	22	Я могу заставить кого-то чувствовать по-другому
	23	Я могу изменить эмоциональное состояние другого человека
	24	Я могу повысить или снизить накал эмоций
	25	Я оказываю сильное влияние на то, как другие себя чувствуют
	26	Я знаю, что сделать, чтобы улучшить настроение других
	27	Я знаю, как влиять на людей эмоционально
	28	Я в состоянии успокоить других

Источник / Source: [7, с. 419].

ной среде, чем преподаватели с относительно низкими адаптационными способностями. Эта закономерность прослеживается независимо от возраста и стажа работы педагогов [5, с. 73].

С целью оценки уровня эмоционального интеллекта автором был проведен опрос преподавателей департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финан-

сового университета на основании методики REIS (Роттердамская Шкала эмоционального интеллекта), разработанной голландскими учеными в 2017 г. [6]. Участникам были предложены 28 утверждений (табл. 1), разделенных на четыре блока, учитывающих четыре составляющих эмоционального интеллекта: идентификация собственных эмоций, понимание эмоций других

Таблица 2 / Table 2

**Результаты опроса по методике «Роттердамская шкала эмоционального интеллекта (REIS)» /
Survey results by the REIS**

№	Идентификация эмоций	№	Познание эмоций	№	Управление эмоциями	№	Использование эмоций для достижения цели
1	1,40	8	2,29	15	2,26	22	2,66
2	1,31	9	2,31	16	2,83	23	2,40
3	1,31	10	2,14	17	2,49	24	2,23
4	1,43	11	1,31	18	2,77	25	3,03
5	1,37	12	1,89	19	2,71	26	1,83
6	1,40	13	1,89	20	2,71	27	2,57
7	2,23	14	1,74	21	1,97	28	1,80
Среднее значение	1,49		1,93		2,53		2,36

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

людей, управление и использование эмоций для достижения поставленной цели. Степень согласия с утверждением определялась по шкале Лайкерта от 1 до 5 (абсолютно согласен — полностью не согласен).

В исследовании приняли участие 35 человек, из них 1 мужчина (2,9%) и 34 женщины (97,1%) с высшим образованием. Стаж работы: от 1 года до 10 лет — 22,9%; 11–20 лет — 20%; 21–30 лет — 34,3%; 31–40 лет — 22,9%. Результаты опроса представлены в табл. 2.

В результате проведенного исследования выяснилось, что самый высокий показатель среднего значения имеет управление эмоциями, самый низкий — идентификация эмоций. В первом

блоке максимальное значение у утверждения «Я могу судить правильно, если события затрагивают меня эмоционально». Во втором — «Я знаю, какие эмоции испытывают другие». В третьем — «Я могу легко подавить свои эмоции». В четвертом — «Я оказываю сильное влияние на то, как другие себя чувствуют».

Таким образом, полученные результаты отражают уровень сформированности эмоциональной компетенции сотрудников; их можно использовать с целью разработки и координации действий по созданию специализированного курса для предотвращения профессионального выгорания у преподавателей посредством развития основных составляющих эмоционального интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шумилкина М.С. Эмоциональный интеллект в профессиональной коммуникативной культуре педагогов. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2015;(43):44-50.
2. Копылова О.Ю., Молокостова А.М. Профессиональное выгорание преподавателей высшей школы и самореализация. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018;3(24):322-326.
3. Фролов А.Г. К проблеме профессионального выгорания преподавателя высшей школы. *Наука, техника и образование*. 2015;10(16):183-185.
4. Мальцева И.О. Гендерные различия в профессиональной мобильности и сегрегация на рынке труда: опыт российской экономики. М.: EERC; 2005. 55 с.
5. Валиева Ф.И., Потапова М.В. Взаимозависимость компонентов эмоциональной составляющей профессионального выгорания преподавателей. *Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2009;(2-1):72-78.

6. Pekaar K.A., Bakker A.B., D. van der Linden & Born M. Ph. Self- and other-focused emotional intelligence: Development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS). *Personality and Individual Differences*. 2018;(120):222-233.
7. Царева Н.А., Ерохин А.К. Эмоциональная компетенция сотрудника и ее оценка: Роттердамская шкала эмоционального интеллекта (REIS). *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018;2(23):417- 420.

REFERENCES

1. Shumilkina M.S. Emotional intelligence in the professional communicative culture of teachers. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application*. 2015;(43):44-50. (In Russ.).
2. Kopylova O.Y., Molokostova A.M. Professional burnout of teachers of higher schools and fulfillment. *Azimuth nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018;3(24):322-326. (In Russ.).
3. Frolov A.G. On the problem of professional burnout of a higher school teacher. *Nauka, tekhnika i obrazovanie = Science, technology, and education*. 2015;10(16):183-185. (In Russ.).
4. Maltseva I.O. Gender differences in professional mobility and segregation in the labor market: the experience of the Russian economy. Moscow: EERC; 2005. 55 p. (In Russ.).
5. Valieva F.I., Potapova M.V. Interdependence of the components of the emotional component of professional burnout of teachers. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2009;(2-1):72-78. (In Russ.).
6. Pekaar K.A., Bakker A.B., D. van der Linden & Born M. Ph. Self- and other-focused emotional intelligence: Development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS). *Personality and Individual Differences*. 2018;(120):222-233.
7. Tsareva N.A., Erokhin A.K. Emotional competency of the employee and its assessment: Rotterdam scale of emotional intelligence (REIS). *Azimuth nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018;2(23). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

oimaksimova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 10.12.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.04.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-87-96
УДК 32.019.52(045)

Сетевая инфраструктура ценностного дискурса в российском интернет-пространстве: сетевые агенты и цифровое поведение молодежи

Н.А. Тюков^а, В.Л. Шаповалов^б, Е.Р. Никулин^с

^а ИНИОН РАН, Финансовый университет, Москва, Россия;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^б Экспертный институт социальных исследований, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия;

^с АНО ЦОППиК, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления коммуникативных особенностей взаимодействия сетевых агентов, транслирующих конструктивные/деструктивные интерпретации ценностных ориентаций, с молодежной аудиторией для повышения эффективности стратегии воспитания молодых пользователей в контексте традиционных ценностей. **Теоретическим объектом** исследования выступает сетевая инфраструктура интернет-пространства в контексте социально значимой повестки. **Предмет исследования** – коммуникативная специфика информационного поля, посвященного трансляции интерпретаций ценностных ориентаций на аудиторию молодых россиян. **Эмпирический объект** исследования включает в себя пул авторов релевантного цифрового потока в период с 1 июня по 1 ноября 2023 г. весом 118 тыс. единиц анализа (385 сообществ «ВКонтакте», дифференцированных на несколько сегментов) и 3011 анкет респондентов. **Цель** исследования – определение коммуникативных особенностей сетевых агентов, продуцирующих контент, посвященный ценностной повестке, и молодых российских пользователей

Ключевые слова: сетевой агент; ценность; ценностная ориентация; аудитория; вовлеченность; сетевая инфраструктура; информационное поле

Для цитирования: Тюков Н.А., Шаповалов В.Л., Никулин Е.Р. Сетевая инфраструктура ценностного дискурса в российском интернет-пространстве: сетевые агенты и цифровое поведение молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):87-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-87-96

ORIGINAL PAPER

The Network Infrastructure of Valued Discourse in the Russian Internet: Network Agents and Youth's Digital Behavior

N.A. Tyukov^a, V.L. Shapovalov^b, E.R. Nikulin^c

^a INION RAS, Financial University, Moscow, Russia;

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia;

^b Institute of Social Research, MGIMO University, Moscow, Russia;

^c ANO CPPIK, Moscow, Russia

ABSTRACT

The study focuses on the relevance of identifying the communicative features of network agents' interaction with a youth audience. This aims to enhance the effectiveness of the strategy for educating young users in traditional values by examining the broadcasting of constructive/destructive interpretations of value orientations. **The theoretical object** of the research is the network infrastructure of the Internet space on a socially significant agenda. **The study's issue** is the communicative specificity of the information field dedicated to the transmission of interpretations of value orientations to an audience of young Russians. The paper examines a group of authors from a specific digital stream **in the period from June 1 to November 1, 2023**. The analysis involves 118 thousand units

(385 VK communities) and 3011 respondents' questionnaires. **The purpose** of the study is to determine the communicative characteristics of network agents producing content dedicated to the value agenda and young Russian users.

Keywords: network agent; value; valued orientation; audience; involvement; network infrastructure; information field

For citation: Tyukov N.A., Shapovalov V.L., Nikulin E.R. The network infrastructure of valued discourse in the Russian Internet: Network agents and youth's digital behavior. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):87-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-87-96

ВВЕДЕНИЕ

Теоретическая база исследования состоит из двух сегментов. Первый — это работы М. Капельса [1], Г. Рейнгольда [2], Дж. Томпсон [3], П. Бергера и Т. Лукмана [4], Е. В. Бродовской [5], посвященные сетевой инфраструктуре социально значимых явлений и процессов. Второй сегмент включает в себя исследования Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской [6–8], Р. В. Пырмы [7], А. В. Снякова [7], А. А. Азарова [7, 8], А. Б. Ананченко [9], Е. Р. Никулина [9], А. С. Хардиковой [9], которые изучали сетевую инфраструктуру цифрового поля в рамках ценностной повестки (сетевые агенты и молодые россияне).

Методика формирования эмпирической базы исследования состоит из массового опроса и социально-медийного анализа.

Массовый опрос (3011 респондентов) включает в себя два блока. Первый — портретирование респондентов по полу (мужской, женский), возрасту (моложе 18 и 18–24 лет), месту рождения и продолжительного проживания [мегаполис, город-миллионник, областной центр (крупный город), районный центр, (малый город, село)]. Второй блок состоит из вопросов, позволяющих определить наиболее авторитетные для респондентов каналы получения информации для молодых россиян, наиболее популярные сетевые площадки для молодой аудитории и наиболее приемлемые сценарии цифрового поведения.

Социально-медийный анализ также состоит из двух блоков. Первый связан с изучением релевантного цифрового потока и его ключевых авторов в ВК (50 самых активных неперсонифицированных сетевых агентов, 50 — самых крупных по аудитории и 50 — с самым высоким показателем вовлеченности) и предпочтений персонифицированных авторов (моложе 18 и 18–24 лет мужского и женского полов) касательно сетевых площадок.

Второй блок посвящен изучению ВК-сообществ, дифференцированных на несколько сегментов [политизированные сетевые агенты: провластные, оппозиционные системного характера и оппозиционные несистемного характера; аполитичные сетевые агенты, трансли-

рующие конструктивные интерпретации ценностей, и сетевые агенты учебных заведений (школы и гимназии, колледжи и университеты)]. Интерес в рамках исследования представляет соотношение возрастов аудитории обозначенных сегментов и их показатели вовлеченности. Выбор социальной сети в обоих блоках социально-медийного анализа обусловлен инструментальными возможностями исследования, а также популярностью сети среди молодых пользователей.

Методы обработки эмпирических данных: осевой, кросс-табуляционный и дискурс-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Спектр наиболее активных сетевых агентов, транслирующих интерпретационные модели ценностей, имеет негативный характер: только 4 сообщества из 50 конструктивно освещают ценностные ориентации, формируя лишь 10,5% релевантного контента в этом сегменте. Несмотря на это аудитория данных сообществ в 1,8 раза больше, чем у сетевых агентов, вовлеченность — в 3,5 раза, а количество реакций на единицу анализа — в 30 раз.

В сегменте релевантных сетевых агентов с самыми высокими аудиторными показателями ситуация иная: поле сообществ позитивное, аудитория в 4,7 раза больше, чем у оппонировавших сетевых агентов, вес релевантного цифрового потока больше в 4 раза, а вовлеченность — в 3,8 раза при схожем количестве реакций на единицу анализа.

Самые сбалансированные из выделенных сегментов характеризуются высоким показателем вовлеченности: оставаясь преимущественно позитивным, пул сетевых агентов включает в себя 35 сообществ, транслирующих конструктивные интерпретации традиционных ценностей, и 15 — оппонировавших им. Аудиторные показатели схожи, но активность разная: позитивные сетевые агенты сформировали в анализируемый период 178 сообщений, а негативные — 35. Показатель вовлеченности в релевантный цифросток у сообществ, конструктивно интерпретирующих ценности, в 2,6 раза больше, чем у их оппонентов,

Таблица 1 / Table 1

Сетевые показатели сообществ / Community Network Metrics

Параметр / Пул сетевых агентов	Максимальная активность		Максимальная аудитория		Максимальная вовлеченность	
	Позитив	Негатив	Позитив	Негатив	Позитив	Негатив
Направленность						
Количество сообществ	4	46	41	9	35	15
Аудитория сообществ	841 862	471 374	37 млн	7,8 млн	2,7 млн	2,5 млн
Вес релевантного контента	252	2157	137	34	178	35
Вовлеченность (количество реакций)	9844	2778	29 465	7745	46 414	18 078
Количество реакций на единицу анализа	39	1,3	215	228	261	517

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

однако количество реакций на единицу анализа вдвое ниже (табл. 1).

У сетевых агентов, негативизирующих ценности в российском медийном пространстве, активность аудитории значительно ниже, а аудитория — старше.

У сетевых агентов, транслирующих позитивные интерпретации ценностей, активность аудитории выше, а аудитория — моложе.

Высокими показателями активности аудитории характеризуются сетевые агенты с высоким уровнем ее вовлеченности в контент у обеих оппонировавших сторон. Однако, в отличие от предыдущих случаев, сравнение пулов сетевых

агентов указывает на то, что аудитория сообществ, негативно интерпретирующих ценности, значительно моложе.

Среди негативизаторов традиционных ценностей следует выделить две ключевые стратегии: 1) высмеивание и 2) интеграция в повестку традиционных ценностей нетрадиционных отношений. Отметим, что последняя стратегия характеризуется высоким уровнем задублированности контента (т.е. один пост неоднократно транслируется по всей «сетке»). Кроме того, крупные сетевые агенты (например, «Лентач») являются коммуникативной площадкой для пользователей разных возвратов, в том числе россиян моложе

Таблица 2 / Table 2

Аудиторные показатели сообществ / Community audience indicators

Параметр / Пул сетевых агентов	Максимальная активность, %		Максимальная аудитория, %		Максимальная вовлеченность, %	
	Позитив	Негатив	Позитив	Негатив	Позитив	Негатив
Направленность						
Активная аудитория	84	53	61	67	76	74
Муж. моложе 18 лет	5	1	1	1	1	7
Жен. моложе 18 лет	2	1	2	1	2	3
Муж. 18–24 лет	18	1	6	5	4	10
Жен. 18–24 лет	5	1	7	5	4	10
Муж. 25–34 лет	22	5	13	18	14	25
Жен. 25–34 лет	6	2	17	22	12	14
Муж. старше 35 лет	32	45	23	23	29	17
Жен. старше 35 лет	10	44	31	25	34	14

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

25 лет (4,2% от общего числа релевантных комментариев в исследуемой период в сообществе).

Стратегии сетевых агентов, конструктивно интерпретирующих традиционные ценности, заключается либо в акцентировании внимания аудитории на противостоянии РФ и Запада в ценностном поле, либо в апелляции к авторитетному мнению. Отметим, что комментаторская активность пользователей в сообществах, демонстрирующих максимальные показатели, высока, однако контент, продуцируемый пользователями моложе 25 лет, составляет 2,2% (табл. 2).

Аудитория политически ориентированных сетевых агентов, нацеленных на молодых пользователей, состоит из разных возрастных категорий, без превалирования какой-либо группы. Молодая аудитория у оппозиционных сообществ несистемного характера составляет 47%; у системной оппозиции — 40%, а у провластных — 35%.

Сетки аполитичных молодежных движений характеризуются разным соотношением возрастных категорий. Пользователи моложе 25 лет превалируют только в «Юнармии» (64%), в «Движении первых» составляют менее половины (44%) и значительно уступают иным возрастным группам в Российском обществе «Знание» (20%). В двух последних — значительная доля женщин старше 35 лет, которые, вероятно, являются представителями педагогического состава организаций.

Доминирующая доля молодых пользователей (моложе 24 лет) наблюдается в учебных заведениях: школы и гимназии — 40%, коллежи — 51%, университеты — 41%. Отмечается также корреляция: чем выше ступень образования, тем ниже доля старших возрастных групп (табл. 3).

Самая большая аудитория у аполитичных сообществ, транслирующих конструктивные интерпретации ценностей (65% от всей аудитории сетевых агентов). Аудитории образовательных и политизированных сетевых агентов, контент которых связан с ценностной повесткой, составляют 19 и 16% соответственно.

Внутри политизированного сегмента наибольшая аудитория — у провластных агентов, но оппонировавшие им сообщества несистемного характера демонстрируют самую высокую долю активности. Самой аудиторной группой в сегменте аполитичных сетевых агентов, транслирующих конструктивные интерпретации ценностей, является «Движение первых», а самый низкий показатель у «Юнармии», где также наименее активная аудитория. Самые активные пользователи у сообществ, связанных с обществом «Знание», доля которых составляет 35% от всего сегмента.

В образовательном сегменте отмечается две корреляции: чем выше ступень образования, тем ниже доля активной аудитории, и чем ниже ступень образования, тем старше аудитория.

Таблица 3 / Table 3

Аудиторные показатели сообществ / Community audience indicators

Параметр / Пул сетевых агентов	Провластные / Оппозиционные (сист.) / Оппозиционные (несист.)			«Движение первых» / «Юнармия» / Общество «Знание»			Школа (гимназии) / Колледж / Университет		
Активная аудитория	68%	69%	82%	91%	81%	93%	89%	85%	78%
Муж. моложе 18 лет	3%	6%	10%	9%	10%	3%	8%	3%	1%
Жен. моложе 18 лет	5%	2%	3%	16%	17%	7%	14%	12%	3%
Муж. 18–24 лет	14%	18%	25%	7%	23%	4%	8%	11%	15%
Жен. 18–24 лет	13%	14%	9%	12%	14%	6%	10%	25%	22%
Муж. 25–34 лет	21%	19%	23%	3%	4%	5%	4%	7%	15%
Жен. 25–34 лет	17%	16%	11%	7%	5%	8%	12%	11%	21%
Муж. старше 35 лет	17%	11%	16%	4%	8%	17%	11%	7%	7%
Жен. старше 35 лет	10%	14%	3%	42%	19%	50%	33%	24%	16%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Сетевые показатели сообществ / Community network indicators

Параметр / Пул сетевых агентов	Провластные / Оппозиционные (сист.) / Оппозиционные (несист.)			«Движение первых» / «Юнармия» / Общество «Знание»			Школа (гимназии) / Колледж (суз) / Университет (вуз)		
Доля аудитории (общая)	7%	3%	6%	35%	7%	23%	1%	2%	16%
Активная аудитория	68%	69%	82%	91%	81%	93%	89%	85%	78%
Доля аудитории (сегмент)	42%	21%	37%	53%	12%	35%	5%	13%	82%
Вовлеченность в день	1,01%	1,85%	2,21%	1,06%	1,22%	1,58%	3,58%	1,78%	1,3%
Вовлеченность поста	0,92%	1,63%	1,18%	0,33%	1,24%	1,39%	1,88%	1,33%	0,62%
Вовлеченность просмотров	3,24%	5,35%	3,83%	1,81%	2,8%	4,77%	1,63%	1,46%	1,28%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Каналы получения информации молодыми россиянами / Channels for obtaining information by young Russians

Откуда вы обычно получаете информацию, новости?	До 18	18–24	Муж.	Жен.	Полис	Город	Село
Семья	2%	2%	4%	2%	3%	2%	3%
Друзья	2%	1%	6%	1%	1%	1%	2%
Сеть	10%	11%	18%	10%	10%	11%	11%
Семья, друзья	3%	3%	4%	3%	3%	4%	3%
Семья, сеть	6%	6%	6%	6%	5%	6%	6%
Друзья, сеть	9%	8%	7%	9%	10%	9%	6%
ТВ, сеть	2%	2%	4%	2%	1%	2%	4%
Семья, друзья, сеть	27%	32%	23%	31%	29%	30%	31%
Семья, ТВ, сеть	3%	4%	1%	4%	2%	3%	5%
Друзья, одноклассники, сеть	2%	1%	3%	2%	3%	2%	1%
Друзья, ТВ, сеть	1%	1%	1%	1%	2%	2%	1%
Семья, друзья, одноклассники, сеть	8%	6%	8%	7%	10%	7%	5%
Семья, друзья, ТВ, сеть	5%	8%	3%	7%	6%	7%	8%
Семья, друзья, одноклассники, ТВ, сеть	13%	9%	10%	10%	11%	9%	11%
Иные комбинации	7%	6%	2%	5%	4%	5%	3%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Провластные политизированные сетевые агенты транслируют релевантный контент в виде освещения событий. Схожей спецификой контента характеризуется оппозирующие им системные сообщества, однако они транслируют релевантный контент, интегрированный в актуальные проблемы (например, подростковая агрессивность) или в устоявшиеся в сознании общества концепты (например, повестка, связанная с З. Космодемьянской). Оппозиционный сегмент — как системный, так и несистемный — характеризуется наличием постов, которые концептуально транслируют ценностную повестку [например, серия мультфильмов о ценностях комсомольской организации или ценностные дифференциации цивилизаций (анализ, а не декларация)].

Превалирующим контентом, который транслируется аполитичными сетевыми агентами, конструктивно интерпретирующими традиционные ценности, является освещение событий. Они активно взаимодействуют с аудиторией, приглашая к участию в опросах, конкурсах и иных мероприятиях. Контент сетки общества «Знание» освещает историческую, религиозную и цивилизационную основу ценностей.

В информационном пространстве образовательного сегмента находят отражение события учебного учреждения, связанные с ценностной

повесткой или образовательным процессом (табл. 4).

Наиболее значимым источником информации для всех сегментов респондентов является сеть: ее используют от 13 до 15%, а самая популярная комбинация (от 23% и более) — «семья, друзья, сеть». Следовательно, сетевое пространство — один из ключевых источников информации для молодых россиян в возрасте до 24 лет вне зависимости от их пола, места рождения и продолжительного проживания и возраста (табл. 5).

Несмотря на это, молодые люди готовы обсуждать ценности преимущественно с семьей и друзьями. Ценностный диалог в сети является актуальным лишь для 1–2% респондентов в выделенных нами сегментах.

Более того, примерно половина опрошенных в качестве актуальной отмечает стратегию игнорирования обсуждения ценностей в сети и только около 10% готовы вступить в дискуссию (табл. 6).

Ключевыми площадками коммуникации молодых российских пользователей выступают «Телеграмм», «ВКонтакте», «Инстаграм» и «Тик-Ток». «Телеграмм» и/или «ВКонтакте» актуальны примерно для трети опрошенных во всех выделенных сегментах (табл. 7).

В рамках ценностного диалога молодежь наиболее активна в сообществах «ВКонтакте»

Таблица 6 / Table 6

Цифровое поведение молодых россиян / Digital behavior of young Russians

	До 18	18–24	Муж.	Жен.	Полис	Город	Село
Вы увидели в сети противоречивый пост о ценностях							
Вступите в дискуссию	10%	7%	12%	8%	7%	7%	8%
Выскажите мнение	43%	41%	37%	42%	38%	42%	44%
Проигнорируете	47%	52%	51%	50%	55%	51%	48%
С кем при необходимости обсудите ценности							
Семья	55%	62%	52%	60%	55%	59%	65%
Друзья	33%	27%	30%	29%	36%	29%	24%
Одноклассники	2%	1%	2%	1%	1%	1%	1%
Собеседник с соцсети	2%	2%	1%	2%	1%	1%	2%
Ни с кем	8%	8%	15%	8%	7%	10%	8%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 7 / Table 7

Сетевые площадки молодых россиян / Network platforms of young Russians

Какими сетевыми платформами при общении вы чаще всего пользуетесь?	до 18	18–24	Муж.	Жен.	Полис	Город	Село
«ВКонтакте»	2%	3%	5%	2%	2%	3%	3%
«Телеграм»	11%	11%	10%	11%	15%	10%	9%
«ВКонтакте», «Телеграм»	17%	26%	29%	23%	25%	22%	24%
«Телеграм», «Инстаграм»	2%	4%	2%	4%	5%	4%	2%
«Телеграм», «Тик-Ток»	10%	4%	3%	6%	8%	5%	5%
«ВКонтакте», «Телеграм», «Инстаграм»	8%	16%	11%	13%	11%	14%	14%
«ВКонтакте», «Телеграм», «Тик-Ток»	27%	14%	19%	18%	14%	19%	19%
«Телеграм», «Инстаграм», «Тик-Ток»	3%	3%	2%	2%	4%	2%	4%
«ВКонтакте», «Телеграм», «Инстаграм», «Тик-Ток»	13%	13%	7%	13%	11%	14%	12%
Иные комбинации	7%	6%	12%	8%	5%	7%	8%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и «Одноклассники». Мужская часть продуцирует контент «ВКонтакте», а женская характеризуется более широким охватом сетевых платформ (табл. 8).

Сообщества с высокой долей аудитории моложе 25 лет характеризуются следующим тематическим соотношением: 40% имеют сугубо развлекательный (юмористический) характер, а почти 10% связаны с повесткой половых (романтических) отношений.

Крупные сообщества с превалированием молодой аудитории (до 25 лет) являются коммуникационной площадкой для пользователей всех возрастов (в среднем около 8% релевантных комментариев продуцируется пользователями моложе

25 лет). Коммуникация в большинстве случаев представляет собой не концептуальное выражение интерпретаций ценностных ориентаций, а отношение автора к традиционным ценностям.

Поскольку среди сообществ с преимущественно молодежной аудиторией превалирует юмористическая повестка, то их контент носит сугубо развлекательный характер. Примечательно, что юмор связан с романтическими или половыми отношениями. Кроме того, высмеивается продвижение государственными структурами традиционных ценностей.

Также молодежи интересны сообщества, посвященные цитатам, которые зачастую конструктивно интерпретируют ценности (табл. 9).

Таблица 8 / Table 8

Платформы сетевой активности молодых пользователей / Platforms of young users' network activity

Параметр / Авторы контента	«ВКонтакте»	«Телеграм»	«Одноклассники»	Иные сети
Неперсонифицированные агенты	70%	13%	8%	9%
Муж. моложе 18 лет	91%	-	5%	4%
Жен. моложе 18 лет	88%	-	8%	4%
Муж. 18–24 лет	96%	-	2%	2%
Жен. 18–24 лет	82%	-	10%	8%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Тематическое соотношение сообществ с молодежной аудиторией / Thematic ratio of communities with youth audiences

Тематика сообщества	Количество сообществ	Тематическое распределение
Развлечение (юмор)	46	40,3
Знакомства	11	9,6
Видеоигры	10	8,8
Музыка	7	6,1
Литература	6	5,3
Новости	6	5,3
Цитаты	6	5,3
Спорт	6	5,3
Быт	5	4,4
Творчество (фотография)	4	3,5
Кино	3	2,6
Образование	2	1,7
Общение	1	0,9
Гороскопы	1	0,9

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ВЫВОДЫ

На основании полученных и проанализированных данных можно сделать следующие выводы:

- сетевая инфраструктура в аудиторном аспекте не характеризуется наличием ярко выраженных коммуникативных разрывов, поскольку доля аудитории моложе 24 лет в сообществах, транслирующих конструктивные интерпретации ценностных ориентаций, значительна;
- отмечается дефицит концептуального исполнения контента сообществ, транслирую-

щих конструктивные интерпретации ценностных ориентаций на молодых пользователей;

- контент и повестка сообществ, транслирующих конструктивные интерпретации ценностных ориентаций на молодых пользователей, тематически не соответствуют потребностям молодежи: доля комментариев, продуцируемая пользователями моложе 25 лет, в рамках релевантного контента в сообществах позитивного характера — около 2%, оппонировавших им — около 4%, а тематически близких молодым пользователям — около 8%.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ в ИНИОН РАН, тема: «Восприятие традиционных ценностей российской молодежью: проблемы коммуникационных разрывов», № 123091200061-5.

ACKNOWLEDGMENTS

The was prepared within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at INION RAS on the subject “Perception of traditional values by Russian youth: Problems of communication gaps”, No. 123091200061-5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. М.: ГРАНД: Фаир пресс; 2006.
3. Thompson J.B. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
5. Бродовская Е.В. Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-menedzhment-v-deyatelnosti-rossiyskih-politicheskikh-partiy-problemnoe-pole-upravleniya-informatsionnymi-potokami-v>
6. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Социально-политические и ценностные профили российской молодежи — пользователей социальных сетей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-i-tsennostnye-profil-rossiyskoy-molodezhi-polzovateley-sotsialnyh-setey>
7. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А. Взаимосвязь ценностного и компетентного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.). *Ценности и смыслы*. 2019;2(60):76–104.
8. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-formirovaniya-ustanovok-protestnogo-povedeniya-v-seti-internet-opyt-primeneniya-kibermetricheskogo-analiza-na-primere-1>
9. Ананченко А.Б., Никулин Е.Р., Хардикова А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/47371>

REFERENCES

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Reinhold G. Smart crowd: a new social revolution. Translated from Eng. by A. Garkavogo. Moscow: GRAND: Fair Press; 2006. (In Russ.).
3. Thompson J.B. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
4. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
5. Brodovskaya E.V. Digital management in the activities of Russian political parties: the problematic field of information flow management in social media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-menedzhment-v-deyatelnosti-rossiyskih-politicheskikh-partiy-problemnoe-pole-upravleniya-informatsionnymi-potokami-v> (In Russ.).
6. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu. Socio-political and value profiles of Russian youth — users of social networks. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-i-tsennostnye-profil-rossiyskoy-molodezhi-polzovateley-sotsialnyh-setey> (In Russ.).
7. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Sinyakov A.V., Azarov A.A. Interrelation of value and competence choice of youth in the conditions of digitalization: results of the All-Russian research (2018). *Cennosti i smysly = Values and meanings*. 2019;2(60):76–104. (In Russ.).
8. Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Dmitrieva O.V., Dombrovskaya A. Yu., Filchenkov A.A. Strategies for the formation of protest behavior attitudes on the Internet: experience in using cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-formirovaniya-ustanovok-protestnogo-povedeniya-v-seti-internet-opyt-primeneniya-kibermetricheskogo-analiza-na-primere-1> (In Russ.).
9. Ananchenko A.B., Nikulin E.R., Hardikova A.S. The specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations and geographical differentiation. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/47371> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Никита Анатольевич Тюков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Nikita A. Tyukov — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Associate, Department of Global Problems of the INION RAS; Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia; Associate Professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>
niktuk@mail.ru

Владимир Леонидович Шаповалов — кандидат исторических наук, руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, Москва, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Vladimir L. Shapovalov — Cand. Sci. (Hist.), Project Manager, Expert Institute of Social Research, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Comparative Political Science at MGIMO, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
vladshapovalov@mail.ru

Егор Романович Никулин — научный консультант АНО ЦОППиК, Москва, Россия

Egor R. Nikulin — Scientific consultant, ANO CPPiC, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>
egor.nikulin.98@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

Н.А. Тюков — анализ данных массового опроса, социально-медийный анализ.

В.Л. Шаповалов — обзор литературы, анализ данных массового опроса.

Е.Р. Никулин — социально-медийный анализ.

Authors' Declared Contributions:

N.A. Tyukov — analysis of mass survey data, social media analysis.

V.L. Shapovalov — literature review, analysis of mass survey data.

E.R. Nikulin — social media analysis.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2023; принята к публикации 10.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.11.2023; accepted for publication on 10.12.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-97-102

УДК 327.7(045)

Расширение влияния БРИКС в Латинской Америке: геополитическое значение для России

И.О. Кореньков, О.В. Ерохина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется геополитическая ситуация в Латинской Америке и Карибском бассейне (далее – ЛАКБ). Рассматриваются перспективы расширения межгосударственного объединения БРИКС в регионе и преимущества этой организации для страны ЛАКБ. На основе выдвинутых авторами критериев проводится анализ возможных сценариев расширения БРИКС в контексте стратегических интересов РФ на международной арене, определяются направления для наиболее благоприятного сотрудничества и обеспечения интересов России в условиях напряженной политической обстановки и развернутой коллективным Западом гибридной войны против нашей страны. Значение БРИКС повышается в условиях изменения баланса сил в ООН, группах G20 и G7 после начала специальной военной операции РФ. Теоретико-методологической основой работы выступает неореализм, в рамках которого рассматривается и глобальная ситуация в сфере международных отношений, и возможности России для продвижения своих интересов во взаимодействии с различными акторами. Основные используемые методы: ситуационный анализ и анализ документов. Цель статьи заключается в определении стратегических преимуществ для реализации внешнеполитических интересов России в связи с потенциальным расширением БРИКС в Латинской Америке.

Ключевые слова: БРИКС; Россия; геополитическая трансформация; гибридная война; Латинская Америка; антиамериканизм; стратегические интересы

Для цитирования: Кореньков И.О., Ерохина О.В. Расширение влияния БРИКС в Латинской Америке: геополитическое значение для России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-97-102

ORIGINAL PAPER

Expanding BRICS Authority in Latin America: Geopolitical Significance for Russia

I.O. Korenkov, O.V. Erokhina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the geopolitical situation in Latin America and the Caribbean (LACB), examines the prospects for expanding the BRICS interstate association in the region and the advantages of this organization that attracts LACB countries. Based on the criteria the authors carried out put forward, the analysis of scenarios to expand the BRICS in the strategic interests of the Russian Federation in the international arena, the directions for the most favorable cooperation and ensuring the interests of Russia in the conditions of a tense political situation and a hybrid war launched by the collective West against our country are determined. The role of BRICS is increasing in a change in the balance of power in the UN, G20 and G7 groups after the start of a special military operation by the Russian Federation. The work is based on neorealism, which considers both the global situation in international relations and Russia's possibilities for promoting its interests in interaction with various actors. The major methods used: situational analysis and document analysis. The paper's aim is to determine the strategic advantages of implementing Russian foreign policy interests associate the potential expansion of BRICS in Latin America.

Keywords: BRICS; Russia; geopolitical transformations; hybrid war; Latin America; anti-Americanism; strategic interests

For citation: Korenkov I.O., Erokhina O.V. Expanding BRICS authority in Latin America: Geopolitical significance for Russia. *Humanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1): 97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-97-102

ВВЕДЕНИЕ

Политическая ситуация в мире характеризуется трансформацией системы международных отношений на основе принципов многополярности и равенства ее участников, а также геополитической нестабильностью, в результате которой возрастает политический вес стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна.

Одной из ведущих площадок, наряду с РФ объединяющих ведущие страны данных регионов, является БРИКС — организация, развивающая экономическое партнерство, в составе Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР. БРИКС как межгосударственная экономическая платформа выступает с критикой международной финансовой системы, где ведущую роль играет доллар США, поддерживает идею многополярного мира, который придет на смену однополярному во главе с США, стимулирует торговые связи и инвестиции между странами-участницами.

После начала специальной военной операции на Украине и обострения гибридной войны [1] коллективного Запада против России поиск новых международных связей приобрел особую актуальность. Одним из приоритетных направлений российской внешней политики стало укрепление потенциала межгосударственного объединения БРИКС, которое на фоне геополитических изменений 2022–2023 гг. получило новый виток своего развития, когда 23 страны (Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Аргентина, Нигерия и др.¹) заявили о желании присоединиться к данной организации. Рассмотрим перспективы дальнейшего расширения БРИКС и значение этого процесса для положения России на международной арене.

ОСОБЕННОСТИ БРИКС

Латинская Америка, обладающая большим количеством полезных ископаемых (18% мировых запасов нефти, 30% мировых запасов пресной воды, черных и цветных металлов) [2] и быстрорастущим населением, с каждым годом увеличивает свой геополитический вес, что привлекает внимание таких крупных игроков, как США, Китай и Россия. Вступление стран ЛАКБ в БРИКС позволит России и Китаю улучшить свои позиции на международной арене относительно США [3]. В свою очередь,

имеется ряд особенностей, которые позволяют считать членство в организации привлекательным для стран ЛАКБ. Рассмотрим их подробнее.

БРИКС присущ диалоговый формат ввиду отсутствия организационной структуры, устава, программы, что создает пространство для маневра стран, имеющих диверсифицированную экономику и в разной степени зависящих от американских инвестиций. Эти преференции могут быть потеряны в случае проведения БРИКС единой политики.

Риторика антиколониализма и антиамериканизма близка ряду стран ЛАКБ (Венесуэла, Боливия, Куба), чья история тесно связана с колониальным прошлым и национально-освободительными движениями [4]. Также для стран Латинской Америки остро стоит вопрос социальной справедливости, а БРИКС, как отмечал Валлерстайн [5], создает препятствия для накоплений верхушке капиталистического общества [6].

Организация включает государства с разными идеологическими установками, культурными, политическими, экономическими, этнорелигиозными характеристиками, привлекая развивающиеся страны, чьи особенности государственного строя не вписываются в рамки евроатлантических объединений. БРИКС может стать интеграционной площадкой для стран, входящих в такие региональные объединения, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Боливарианский альянс для народов Америки (АЛБА).

Объединение выступает за сотрудничество государств с уважением их суверенитета и на основе равноправия, что создает дополнительные преимущества участникам ЛАКБ, испытывающим экономические трудности или находящимся под санкционным давлением, как, например, Венесуэла.

Вступление в БРИКС позволит авторитарным странам Латинской Америки получить международное признание, существенно улучшить свой имидж на мировой арене и в перспективе усилить собственное влияние в рамках макрорегиона.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАСШИРЕНИЯ БРИКС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ДЛЯ РОССИИ

Среди стран ЛАКБ, выказавших желание вступить в БРИКС, — Куба, Гондурас, Венесуэла, Боливия и Аргентина. Последняя получила офици-

¹ URL: <https://ria.ru/20230807/briks-1888714969.html?ysclid=llaf6r85ll827390508>

альное приглашение стать членом клуба на 15-м саммите организации в столице ЮАР г. Йоханнесбурге (22–24 августа 2023 г.), где было принято решение о присоединении к БРИКС с 1 января 2024 г. 6 стран: Аргентины, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии². В итоге общее число участников БРИКС увеличится до 11.

С точки зрения геополитических интересов Россия получает ряд преимуществ при присоединении стран Латинской Америки к БРИКС. «Как и все виды политики, международная политика — это борьба за власть» [7]. Расширение международной организации, в которой РФ играет лидирующую роль, имеет важное значение в условиях развернутой Западом информационной войны, направленной на изоляцию России. Речь идет о повышении потенциала «мягкой силы»: согласно концепции Дж. Ная, этот термин означает способность государства достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление (насилие, принуждение) [8].

Применение инструментов «мягкой силы» позволяет формировать положительный имидж государства и развивать институты неформального влияния в сфере международных отношений. Рассмотрим несколько вероятных эффектов.

Во-первых, развеивание политического мифа об изоляции России, помимо повышения авторитета нашей страны на международной арене, уменьшит влияние западной пропаганды на политическое сознание россиян, а также вызовет у них чувство национальной гордости, что является важной частью национальной идентичности. Кроме того, в условиях вооруженных конфликтов с участием России важно привлекать на свою сторону нейтральные государства, не принимающие в нем непосредственного участия, каковыми и являются страны ЛАКБ.

Во-вторых, расширение БРИКС затрагивает и экономическую сторону «мягкой силы», которая формируется посредством реализации крупных инфраструктурных проектов за рубежом и экономической помощи нуждающимся странам.

Отдельно стоит сказать о Новом банке развития³, созданном странами БРИКС для финан-

сирования проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития, к которому в 2022 г. присоединились Уругвай, ОАЭ, Египет и Бангладеш⁴. Дальнейшее расширение организации и кредитование развивающихся стран ЛАКБ увеличит экономическое влияние России и Китая в данном регионе.

В-третьих, расширение БРИКС на запад ограничит влияние США в стратегически важной зоне Латинской Америки и Карибского бассейна. На протяжении XIX–XX вв. США во внешней политике касательно стран Латинской Америки руководствовались доктриной Монро⁵, основополагающим принципом которой было невмешательство европейских государств в политику на обоих американских континентах и право США на вмешательство в дела стран Америки. Таким образом, декларативно закреплялось главенствующее положение США в Западном полушарии⁶. В 2013 г. американские власти официально отказались от доктрины Монро [9], однако влияние Соединенных Штатов на страны ЛАКБ сохраняется. Важнейшие направления связаны с экономикой и военным присутствием. Инвестиции американских компаний в развивающиеся страны Латинской Америки укрепляют влияние США, а введение санкций против государств, ведущих антиамериканскую политику [10], служит рычагом давления на процессы принятия решений. Размещение военных баз в регионе (Куба, Пуэрто-Рико, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рика, Панама и пр.) позволяет США контролировать морские коммуникации в Карибском бассейне и Панамский перешеек, а также миграционные потоки, которые влияют на экономическое положение стран Центральной Америки.

Таким образом, принятие в БРИКС стран, еще не подпавших под влияние США, сможет нанести ущерб геополитическим интересам этого государства в качестве организатора агрессивной антироссийской политики коллективного Запада. Наиболее перспективно, с точки зрения продвижения интересов России, выглядит возможное присоединение к БРИКС Венесуэлы и Боливии.

⁴ URL: <https://tass.ru/press-relizy/13416693?ysclid=llc0i7075971087413>

⁵ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, озвученная в послании пятого президента США Джеймса Монро к Конгрессу США. Долгие годы она служила оправданием вмешательства США во внутренние дела стран Западного полушария вплоть до отторжения территорий в пользу США.

⁶ URL: <https://urait.ru/bcode/510661>

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6174392> (дата обращения: 09.11.2023).

³ Новый банк развития (НБР) — международная финансовая организация, основанная в 2015 г. странами — членами БРИКС в целях увеличения их финансовой стабильности.

Во-первых, стоит учесть позицию указанных государств на международной арене, например, при голосовании в ООН по антироссийским резолюциям после начала специальной военной операции на Украине. И Боливия, и Венесуэла традиционно голосовали либо против, либо воздерживались. В то же время многие страны Латинской Америки не демонстрировали такого постоянства, периодически выступая против действий России на Украине.

Во-вторых, Венесуэла и Боливия имеют долгую историю взаимной поддержки с РФ, в том числе на уровне глав государств [11]. Президент Венесуэлы Н. Мадуро неоднократно публично выражал поддержку России, в свою очередь, РФ содействовала руководству Венесуэлы в период антиправительственных протестов во главе с Х. Гуайдо и пандемии коронавируса. Россия заинтересована в доминировании пророссийски настроенной части элиты в Венесуэле и предотвращении новых попыток госпереворота в интересах США. Одним из способов дальнейшей поддержки может стать вовлечение Венесуэлы в международные организации с сохраняющимся влиянием РФ, например, БРИКС. В то же время президент Боливии Л. Арсе продолжает курс Э. Моралеса и подтверждает, что поддерживает «отличные отношения» с Президентом РФ В.В. Путиным⁷.

В-третьих, существенным фактором является наличие в Венесуэле и Боливии полезных ископаемых, имеющих для России стратегическое значение в условиях геополитических трансформаций. Так, по данным ОПЕК, Венесуэла обладает крупнейшими в мире запасами нефти — свыше 300 млрд баррелей⁸, или 19% от мировых разведанных запасов.

Боливия — лидер по запасам лития, которые в 2023 г. достигли отметки в 23 млн тонн⁹. На данный момент право на добычу лития в этой стране получили Россия (входящая в «Росатом» компания Uranium One) и Китай (консорциум во главе с CBC Group). Таким образом, Китай становится конкурентом России, и вступление Боливии в БРИКС расширило бы возможности для многостороннего диалога по данному вопросу.

⁷ URL: <https://ria.ru/20220921/boliviya-1818300305.html?ysclid=llai7xzi47329186686>

⁸ URL: <https://asb.opec.org/>

⁹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/18326901?ysclid=llbrscjhvs790823120>

Литий — один из наиболее востребованных редких металлов в мире, он входит в состав литий-ионных аккумуляторов, используемых в электронике, автомобилестроении, ядерной энергетике, современной ядерной технике, авиастроении и военной технике; в производстве беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Производство гражданских БПЛА — неотъемлемая часть достижения технологического суверенитета РФ¹⁰, а БПЛА военного назначения превосходят по эффективности традиционную авиационную технику [12]. Дальнейшее развитие отношений с Боливией, наряду с разработкой крупнейшего российского Колмозерского литиевого месторождения, позволит ускорить обновление арсенала Вооруженных Сил РФ.

Последний фактор, обуславливающий выбор Боливии и Венесуэлы как первостепенных кандидатов на вступление в БРИКС, — их историческое прошлое и идеологические установки по отношению к странам Запада. Это страны «левого поворота», «левого популизма», где в конце XX — начале XXI в. установились неосоциалистические режимы. «Открытый антиамериканизм лег в основу легитимности Уго Чавеса и Николаса Мадуро в Венесуэле, Эво Моралеса в Боливии...» [13].

Также Венесуэла, а чуть позже и Боливия, были у истоков создания АЛБА, изначально направленного на противодействие развитию Панамериканской зоны свободной торговли¹¹ — проекту, который продвигался США для помощи рыночным экономикам Латинской Америки и в итоге провалился из-за противоречий между США и странами ЛАКБ [14].

Помимо Венесуэлы и Боливии, заявки на вступление в БРИКС были поданы еще тремя государствами ЛАКБ: Кубой, Гондурасом и Аргентиной. Аргентина выступает значимым политическим игроком в Латинской Америке, однако изменения во внутривнутриполитическом поле могут оказать большое влияние на перспективы ее членства в БРИКС. Недавно избранный президент Х. Милей демонстрирует проамерикан-

¹⁰ URL: <https://rg.ru/2023/06/28/pravitelstvo-utverdilo-strategiiu-razvitiia-bespilotnoj-aviacii.html?ysclid=llai0dumkd852569261>

¹¹ Панамериканская зона свободной торговли — проект экономического союза, существовавший до 2005 г. и предполагавший объединение 34 стран Западного полушария, кроме Кубы.

ские взгляды и негативное отношение к России, Китаю и БРИКС, а министр иностранных дел Д. Мондино уже заявила, что Аргентина не собирается вступать в БРИКС¹². Вероятно, Аргентина будет принимать минимальное участие в деятельности БРИКС, при этом нестабильная экономика и значительное присутствие западных компаний на рынке страны могут стать факторами, препятствующими расширению влияния БРИКС в ЛАКБ.

Менее существенное влияние, с точки зрения интересов России, может иметь вступление в БРИКС Кубы и Гондураса. По совокупности выделенных критериев (позиция по отношению к России на международном уровне; личные контакты лидеров государств; наличие полезных ископаемых, имеющих стратегическое значение; историческое прошлое) положительные для РФ изменения в сфере международных отношений не столь вероятны.

¹² URL: <https://iz.ru/1613683/2023-11-30/budushchii-glavamid-argentina-zaiavila-ob-otkaze-vstupat-v-briks>

ВЫВОДЫ

Потенциальное расширение БРИКС в Латинской Америке и Карибском бассейне может способствовать усилению позиций РФ на международной арене; увеличению политического и экономического фактора «мягкой силы» России в Латинской Америке; сокращению возможностей США по добыче лития и нефти в данном регионе в долгосрочной перспективе; увеличению возможностей для многостороннего сотрудничества между странами ЛАКБ, Россией и набирающим влияние в данном регионе Китаем.

Перспектива вступления разных государств в БРИКС, с точки зрения интересов России на международной арене, определяется такими факторами, как обладание ценными природными ископаемыми и политическая лояльность к РФ. Наиболее благоприятным для России представляется вступление в БРИКС Венесуэлы и Боливии. Основную угрозу для расширения влияния альянса представляет недружественное отношение политического руководства Аргентины к России, Китаю и другим его участникам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
2. Морозов Ю. В. Стратегический треугольник США-КНР-РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук; 2022. 544 с.
3. Емельянов А. И. Латинская Америка: зарождение нового геополитического центра силы. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2017;2(786):21–32.
4. Acemoglu D. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers; 2012. 571 p.
5. Wallerstein I. Structural crisis in the world-system: Where do we go from here? *Monthly Review Foundation*. 2011;62(10):31–39 p. DOI: 10.14452/MR-062-10-2011-03_2
6. Wallerstein I. The Curve of American Power. *New Left Review*. 2006;(40):77–95.
7. Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York City: Knopf; 1948. 489 p.
8. Nye Jr. J. S. Soft power the means to success in world politics. New York City: PublicAffairs; 2005. 191 p.
9. Pires M. The Monroe Doctrine 2.0 and U.S.-China-Latin America Trilateral Relations. *International Organisations Research Journal*. 2020;(15):202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08
10. Яковлев П. П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома. *Актуальные проблемы Европы*. 2022;3(115):227–253. DOI: 10.312249/ape/2022.03.10
11. Яковлев П. П. Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции. *Перспективы. Электронный журнал*. 2016;1(5):40–51.
12. Левандровская Н. В. Беспилотные летательные аппараты и их использование в военных операциях. *Межвузовский сборник научных трудов*. 2018;(22):47–51.
13. Подобный В. В. Легитимность политической власти: эволюция теории и практики. *Современный мир и Россия*. М.: Международные отношения; 2022. 344 с.
14. Nolte D. Geopolitics in Latin America, old and new. Oxfordshire, England: Routledge; 2016.

REFERENCES

1. Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
2. Morozov Yu. V. The US-China-RF strategic triangle: challenges and security prospects for Russia. Moscow: Institut Kitaya i sovremennoj Azii Rossijskoj akademii nauk; 2022. 544 p. (In Russ.).
3. Emelyanov A. I. Latin America: the emergence of a new geopolitical center of power. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2017;2(786):21–32. (In Russ.).
4. Acemoglu D. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers; 2012. 571 p.
5. Wallerstein I. Structural crisis in the world-system: Where do we go from here? *Monthly Review Foundation*. 2011;62(10):31–39 p. DOI: 10.14452/MR-062-10-2011-03_2
6. Wallerstein I. The Curve of American Power. *New Left Review*. 2006;(40):77–95.
7. Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York City: Knopf; 1948. 489 p.
8. Nye Jr. J. S. Soft power the means to success in world politics. New York City: PublicAffairs; 2005. 191 p.
9. Pires M. The Monroe Doctrine 2.0 and U.S.-China-Latin America Trilateral Relations. *International Organizations Research Journal*. 2020;(15):202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08
10. Yakovlev P. P. Russia's interaction with Latin American countries in the context of a geopolitical turning point. *Aktual'nye problemy Evropy = Current problems of Europe*. 2022; 3(115):227–253. (In Russ.). DOI: 10.312249/ape/2022.03.10
11. Yakovlev P. P. Russia's strategic partnership with Latin American countries: trends and counter-trends. *Aktual'nye problemy Evropy = Prospects. Electronic journal*. 2016;1(5):40–51. (In Russ.).
12. Levandrovskaya N. V. Unmanned aerial vehicles and their use in military operations. Interuniversity collection of scientific papers. 2018;(22):47–51. (In Russ.).
13. Podobnyj V. V. Legitimacy of political power: the evolution of theory and practice. The modern world and Russia. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2022. 344 p. (In Russ.).
14. Nolte D. Geopolitics in Latin America, old and new. Oxfordshire, England: Routledge; 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илья Олегович Кореньков — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Илья О. Korenkov — 4th year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-3855-9984>

korenkov11111@gmail.com

Оксана Валерьевна Ерохина — кандидат политических наук, доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва Россия

Oksana V. Erokhina — Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

o.v.erokhina@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2023; accepted for publication on 20.12.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-103-110
УДК 159.96(045)

К вопросу о социально-психологических технологиях безопасности личности в условиях BANI-мира

Е.Ю. Пряжникова^а, А.В. Кандаурова^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является актуализация вопроса социально-психологических технологий безопасности личности в BANI-мире. Для этого надо решить следующие задачи: определить сущность BANI-мира, доказать целесообразность социально-психологической безопасности и уточнить содержание социально-психологических технологий, определить их роль в обеспечении безопасности личности в BANI-мире. Для проведения исследования применялись методы анализа и контент-анализа публикаций междисциплинарного характера по данной проблеме, результатов научных исследований, современной печати; методы систематизации, экстраполяции, проектирования и моделирования, теоретического обобщения. Содержание и классификация социально-психологических технологий безопасности личности в условиях BANI-мира опираются на теории и концепции социального взаимодействия, в которое имманентно включен человек; на положения субъектно-деятельностного подхода; концепции конструкционизма и психологии познания в современной социальной психологии. В статье анализируются социально-психологические технологии трех групп с позиции репрезентации безопасности на трех уровнях (когнитивном, аффективном и конативном). В качестве перспективного направления рассматриваются возможности информационно-коммуникационных технологий для оказания социально-психологической помощи. **Ключевые слова:** безопасность личности; меняющийся мир; BANI-мир; тревога; неуверенность; опасность внешнего мира; социально-психологические технологии безопасности.

Для цитирования: Пряжникова Е.Ю., Кандаурова А.В. К вопросу о социально-психологических технологиях безопасности личности в условиях BANI-мира. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1): 103-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-103-110

ORIGINAL PAPER

Socio-Psychological Technologies for Personal Security in the BANI-World

E.Yu. Pryazhnikova^а, A.V. Kandaurova^б

^аFinancial University, Moscow, Russia;

^бHerzen University, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

The paper's goal is to update socio-psychological technologies for personal security in the Brittle Anxious Nonlinear Incomprehensible (BANI) world. To accomplish this, the following tasks need to be completed: determining the essence of the BANI world, proving the feasibility of socio-psychological security, clarifying the content of socio-psychological technologies, and determining their role in ensuring personal security in the BANI world. The authors used results of scientific research and modern press, researched methods of analysis and content analysis of interdisciplinary publications on this issue; methods of systematization, extrapolation, design and modeling, theoretical generalization. Theories and concepts of social interaction that inherently include a person serve as the basis for the content and classification of socio-psychological technologies for personal security in the BANI world. The study analyzes the socio-psychological technologies of three groups from the perspective of representing security at three levels (cognitive, affective, and conative). The authors consider the possibilities of information and communication technologies as a promising direction for providing socio-psychological assistance.

Keywords: personal security; changing world; BANI-world; anxiety; uncertainty; outside world danger; socio-psychological security technologies

For citation: Pryazhnikova E.Yu., Kandaurova A.V. Socio-psychological technologies for personal security in the BANI-world. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1): 103-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-103-110

ВВЕДЕНИЕ

Принцип безопасности лежит в «самой основе существования и функционирования всех социальных систем и отдельного человека, он определяет выживание и дальнейшее развитие» [1]. Проблема безопасности сегодня стала актуальной для всех сфер человеческой жизнедеятельности: «от охраны труда до космической безопасности, от информационно-психологической безопасности до социальной и национальной безопасности» [2]. Она «приобрела в последние годы междисциплинарный статус, а понятие “безопасность” — общенаучный статус» [3]. Однако активная популяризация данной проблемы не снижает ее актуальности, не предлагает скорого решения. Напротив, растущее число публикаций и исследований, обсуждений и дискуссий по данной проблеме только усугубляет последствия осознания человеком опасности современного мира. Растет число «людей с неудовлетворенной потребностью в безопасности, что приводит к неуверенности, тревожности, снижению устойчивости к неблагоприятным воздействиям» [4, с. 36]. Кроме того, на фоне возникновения новых неблагоприятных факторов (СВО, опасность пандемии, новые вирусные инфекции, экономическая нестабильность, территориальные ограничения и др.) негативное влияние традиционно оказывают социально-психологические факторы урбанизации, технологизации, информатизации и т.п. Так, Н.В. Маслодудова подчеркивает, что «воздействие большого города, казалось бы, при дефиците искренних межличностных взаимоотношений, вместе с тем, вызывает раздражение и потребность в уединении на фоне избытка массовых, но пустых общения и контактов» [5, с. 140]. Потребность в безопасности жизнедеятельности, основанной, по мнению А. Александровой и Т. Согомонян, «на гуманистических, нравственных и моральных качествах личности и общества, отождествленной с благополучием, добродетелью, справедливостью» [4], становится всеобщей потребностью и междисциплинарной научной проблемой.

В специальной литературе обычно опасность «понимается как совокупность реальных или потенциальных угроз (различных сил, факторов), которые нарушают функционирование, дестабилизируют самое существование жизненного мира человека» [3]. Традиционно описывается «шесть групп опасностей: природные, техногенные, антропогенные, экологические, социальные,

биологические» [3]. Еще недавно ведущими факторами считались нестабильность экономической, политической, социальной ситуации; угрозы экологического и техногенного характера. Сегодня же спектр и масштабность угроз существенно увеличились.

Например, значимым фактором выступает «взаимовлияние информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки. Данное явление получило название NBIC-конвергенции (по первым буквам: N-нано; B-био; I-инфо; C-когно). Этот термин впервые был введен в 2002 г. Михаилом Роко и Уильямом Бейнбриджем» [6]. Технологические возможности NBIC-конвергенции, по мнению футурологов и публицистов, «неизбежно приведут к серьезным культурным, философским и социальным потрясениям, что потребует пересмотра традиционных представлений о таких фундаментальных понятиях, как жизнь, разум, человек, природа, существование» [6]. По мнению ученых, НБИК-технологии пугают человечество глобальными опасностями военных операций, этнических и религиозных войн, экологического самоубийства, возможностью замены (а не дополнений) естественного интеллекта искусственным [2]. Вполне закономерно, что возникают социальные последствия, такие, как агрессивное поведение, внезапная жестокость или насилие. Кроме того, у людей проявляются апатии, депрессии, фрустрации, приводящие к психосоматическим расстройствам. В попытке совладать с растущим числом деструктивных, пугающих человека внешних факторов, вызывающих у него стабильное чувство опасности окружающего мира, в последнее время приобретают популярность футуристические теории, объясняющие изменения мира. Так, к примеру, заслуживают внимания модели реальности, предлагаемые в сфере бизнеса: «SPOD-мир», «VUCA-мир» и «BANI-мир» [7]. Понятие «BANI-мир» вошло в оборот в 2016 г., на уровне прогноза мирового развития, благодаря футурологу Джамаису Кашио¹. Впоследствии многими авторами была предпринята попытка осмысления предложенных моделей реальности (см. *таблицу*).

Как видно из *таблицы*, SPOD-мир со своими характеристиками отражал существующую ре-

¹ URL: <https://blog.bitobe.ru/article/zhizn-posle-bani-voshod-novyh-mirov/>

Совокупные характеристики моделей мира / Cumulative characteristics of the world models

SPOD-мир	VUGA-мир	BANI-мир	SHIVA-мир
- Устойчивый - предсказуемый - простой - определенный	- Нестабильный - неопределенный - сложный - неоднозначный	- Хрупкий - беспокойный - нелинейный - непостижимый	- Расщепленный - ужасный - невообразимый - беспощадный - возрождающийся

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

альность до появления сети Интернет и компьютеров, т.е. примерно до конца XX в. На смену SPOD-миру пришел VUCA-мир с интенсивным развитием сложных технологий, новых бизнес-моделей, гибких стратегий, обеспечивших относительно стабильное существование в течение нескольких десятилетий, но сменившийся, тем не менее, BANI-миром. Очевидно, что BANI-мир, характеризующийся хрупкостью, тревожностью, нелинейностью и непостижимостью, не мог существовать долго. Футурологи ему пророчили 5–7 лет, однако 2022 г. поместил человечество в новую реальность, обозначаемую акронимами SHIVA или TACI. Именно BANI-мир создал новую реальность, в которой угроза пандемии, удаленный формат профессиональной и повседневной жизнедеятельности, абсолютная непредсказуемость и неопределенность будущего «привели к кардинальной трансформации привычных ценностей людей и их поведенческих установок в обществе» [7].

Сравнив характеристики от SPOD-мира до SHIVA-мира, можно увидеть определенную логику происходящих изменений, а именно:

- устойчивость меняется на нестабильность, хрупкость и становится расщепленной;
- предсказуемость через неопределенность приводит к беспокойности и оказывается ужасной;
- простота мира через сложность приводит сначала к нелинейности, а затем — к невообразимости;
- определенность трансформируется в неоднозначность, затем — в непостижимость и переходит в беспощадность (надежду оставляет только характеристика «Arising» — возрождающийся).

Нетрудно представить себе среднестатистического человека, живущего в хрупком, беспокойном, нелинейном и непостижимом мире с неиз-

бежным переходом в расщепленный, ужасный, невообразимый и беспощадный и предположить весь спектр его эмоционально-чувственных переживаний и психоэмоциональных состояний. Вместе с тем еще в конце прошлого столетия Э. Тоффлер отмечал: «Это новое общество долго будет неустойчивым. Все будет дрожать и трещать невообразимо. Все больше и больше усиливается усталость, осторожность, пессимизм, разрушается наша жизненная энергия. Окружающая среда становится все более и более хаотической и бесконтрольной» [8, с. 240]. Казалось бы, существующий уклад жизнедеятельности в BANI-мире, включающий хрупкость, беспокойность, нелинейность и непостижимость, должен был сформировать определенный буфер безопасности для социального существования человека, но, как показывают исследования, этого не произошло: «В современной ситуации неопределенности почти две трети респондентов (72,8%) преимущественно испытывают негативные состояния: стресс, страх, волнение, беспокойство, чувства давления, отвергнутости, напряжения» [9]. При этом очевидно, что важнейшим источником безопасности жизнедеятельности человека в меняющемся, нестабильном мире является его социально-психологический потенциал и ресурсы. Поэтому научно-исследовательский и практический интерес вызывает именно феномен социально-психологической безопасности личности.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ исследований в области социально-психологической безопасности личности позволяет заключить, что ее принято рассматривать как компонент общей безопасности. Тем не менее на данный момент в науке не сложилось общепринятого понимания данного термина. К примеру, И.А. Баева, исследуя психологическую безопасность, понимает ее как способность личности

и среды отражать негативные внешние и внутренние воздействия, подчеркивая, что потребность в психологической безопасности «служит условием позитивного личностного развития, сохранения психосоматического и социального здоровья» [10]. При этом автор утверждает, что психологическая безопасность «является необходимым условием существования и развития человека и общества, реализуется через определенные формы социальных взаимодействий, то есть через совместную деятельность, адаптацию человека и жизненной среды и соблюдение определенных отношений между ними» [11]. Здесь становится очевидным связь психологической безопасности с социальным контекстом, хотя автор акцентирует свое внимание сугубо на психологической безопасности.

Эми Эдмондсон — специалист в области психологической безопасности в Гарвардской школе бизнеса, вообще утверждает, что это не сугубо личностная черта, а скорее — определенная характеристика рабочего места, состояние, создаваемое людьми, которое заключается в «принятии референтной группой эмоционально благоприятных взаимоотношений, в защите от осуждения, неприятия и подавления» [12]. Таким образом, можно заключить, что дифференцировать собственно психологическую безопасность, исключив из нее социальный контекст, довольно сложно, поскольку она обусловлена определенными социальными отношениями, социально-психологическими условиями и представлениями, и, следовательно, целесообразнее рассматривать интегрированное понятие социально-психологической безопасности личности.

Обращаясь к работам Т.В. Эксакусто, находим, что «под социально-психологической безопасностью понимается состояние гармоничных, приносящих удовлетворение взаимоотношений (взаимосвязей) личности с другими людьми, что позволяет реализовать духовно-психический потенциал личности в процессе жизнедеятельности, сохранить ее целостность» [1, с. 37]. Выделяя социально-психологический аспект безопасности личности, Т.М. Краснянская подчеркивает, что «данная безопасность характеризуется чувством защищенности, возможностью развития; удовлетворенностью в настоящем и уверенностью в будущем; гармоничными условиями жизнедеятельности и адаптивным функционированием;

отсутствием страха и тревоги в удовлетворении настоящих и будущих потребностей; защищенностью собственных интересов; защищенностью сознания от воздействий против воли и желания человека и др.» [13]. Т.В. Эксакусто ведущими характеристиками социально-психологической безопасности также называет «чувство защищенности от негативных психологических воздействий со стороны как партнеров по взаимодействию, так и ситуативных условий, отсутствие напряженности, трудностей, нарушений в отношениях, гармоничный характер взаимодействий и взаимоотношений» [1, с. 37].

Непосредственно к данной проблеме обращался А.Н. Сухов, который считал, что социально-психологическая безопасность — это «особое состояние, обусловленное, соответственно, определенной системой отношений в целом и межличностными отношениями в частности» [14]. Актуализация указанной проблемы, по мнению автора, обусловлена «эскалацией конфликтов, деформацией и деструкцией социальных отношений, социального взаимодействия, социальных институтов; разрушением организационной культуры, ценностей и социальных стереотипов, а также ростом стрессогенов, криминальных угроз» [15]. В своих работах он обосновывает ряд критериев социально-психологической безопасности личности: удовлетворенность межличностным взаимодействием; гармоничность отношений; защищенность и устойчивость человека к неблагоприятным воздействиям [16].

Обращение к литературным источникам дает право заключить, что в основном исследователи обращаются только к внешним условиям. При этом очевидно, что материальным носителем социально-психологической безопасности выступает собственно человек, включенный в систему социального взаимодействия. Следовательно, его личная (субъектная) социально-психологическая безопасность будет зависеть от наличия того репертуара поведенческих, коммуникативных, социальных видов активности, стратегий, средств, технологий, которыми он будет владеть для идентификации и минимизации внешних и внутренних угроз, оказывающих на него деструктивные воздействия. Таким образом, обращаясь к проблеме безопасности личности в условиях VANI-мира, считаем актуальным рассмотреть потенциал социально-психологических технологий.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ VANI-МИРА

Обобщая данные справочной и научной литературы, можно сделать вывод, что под социально-психологическими технологиями понимаются:

- диагностические и коррекционные процедуры, воздействующие на социально-психологические явления и меняющие поведение людей, включенных в различные социальные группы;

- совокупность психологических приемов и методов, целенаправленно воздействующих на сознание, поведение и деятельность человека как члена социума в процессе его социализации, адаптации в новых социальных условиях и социально ориентированных видах деятельности.

И.А. Баева под технологиями понимает «совокупность способов, приемов, упражнений, техник взаимодействия, направленных на развитие личности и приобретение ею определенных психологических умений. К психологическим технологиям относятся разного рода тренинги развития личности, приобретения поведенческих умений, имитационные и ролевые игры, групповые дискуссии и др.» [11].

Для обоснования социально-психологических технологий безопасности личности в условиях VANI-мира мы опирались, во-первых, на теории и концепции социального взаимодействия, в которое имманентно включен человек и которые определяют вариативность репрезентации его безопасности на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. Так как обеспечение социально-психологической безопасности затрагивает основные структуры личности и проявляется через когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты жизнедеятельности человека, *то социально-психологические технологии должны быть направлены на все три сферы.*

Во-вторых, в психологической науке обоснована прямая связь между уровнем безопасности личности и ее самоактуализацией: при низком уровне безопасности человек, обеспокоенный сохранением основных функций жизнедеятельности, не реализует свои желания и стремления. И, напротив, уверенной в собственной безопасности человек максимально раскрывается и ре-

ализует свой потенциал. Следовательно, при обосновании и разработке социально-психологических технологий безопасности личности в условиях VANI-мира необходимо опираться на *субъектно-деятельностный подход.*

В-третьих, обеспечение безопасной жизнедеятельности во многом зависит от жизненного потенциала самого человека, от его жизненных ресурсов, стрессоустойчивости, готовности к изменениям, способностей к саморегуляции, использованию совладающих стратегий социального взаимодействия и пр. Значит, социально-психологические технологии должны обеспечивать *непрерывное образование и развитие человека, сохранение и преумножение его жизненных ресурсов.*

Задачей формирования теоретико-методологической основы для разработки социально-психологических технологий является поиск некоей интегративной характеристики, определяющей их эффективность. В нашей работе такой характеристикой служит безопасность личности в VANI-мире. Таким образом, социально-психологические технологии безопасности личности в условиях VANI-мира должны учитывать характеристики меняющегося мира, стремление личности к самоактуализации, непрерывное образование и развитие необходимых качеств личности. Предлагаем рассматривать социально-психологические технологии трех групп с позиции репрезентации безопасности на трех уровнях: когнитивном, аффективном и конативном.

Когнитивные социально-психологические технологии безопасности личности в условиях VANI-мира ориентированы на познание и конструирование мира. К. Герген, представитель современного конструкционизма в социальной психологии, выражает мысль о новом когнитивном подходе к социальному познанию, непосредственно связанном с глобальными изменениями в современном мире. Автор подчеркивает необходимость приобретения *более широкого репертуара для выбора* в различных жизненных ситуациях: «...конструкционизм призывает оставить поиски фундамента — единственного взгляда на то, как человек справляется со своими слабостями» [17, с. 167]. Иными словами, сложившиеся у человека ранее стереотипы, базисы прежнего уже не работают в новом мире. Г.М. Андреева утверждает: «*Конструирование образа (нового) мира понимается как специфическая технология его понимания*» [18]. И далее: «...вряд ли наука может снабдить каждого члена обще-

ства конкретными “рекомендациями”, как *надо* познавать мир, но и простое описание того, как это *на деле* происходит, не такое уж малозначимое приобретение» [19]. Когнитивные социально-психологические технологии безопасности личности в условиях VANI-мира включают познание, анализ, принятие и совладание с происходящими изменениями, вызывающими чувство напряженности, неопределенности, фрустрации и стресса. К таким технологиям можно отнести групповые дискуссии, фокус-группы, групповые тренинги, небольшие дебаты; деловые и имитационные игры по вопросам меняющегося мира, своего места в нем, способов совладания с изменениями; расширение спектра адаптационных возможностей и др. Значительным потенциалом обладает сторителлинг, обогащающий социально-психологический опыт и выступающих, и слушающих.

Вторая группа социально-психологических технологий безопасности личности в условиях VANI-мира ориентирована на развитие и коррекцию аффективного (эмоционального) компонента жизнедеятельности человека. В ситуации неопределенности человек испытывает чувство тревоги, небезопасности и даже страха. Усложнение, ускорение, динамичные изменения VANI-мира требуют от него все большего расходования жизненных ресурсов и высокого эмоционально-психического напряжения. Однако, как отмечал С.Л. Рубинштейн, «существенным оказывается не сам по себе ход событий, а прежде всего отношение человека к тому, что происходит» [19]. Иными словами, люди не могут изменить ход событий, но могут регулировать свое отношение к ним. Следовательно, социально-психологические технологии безопасности личности, направленные на коррекцию и развитие аффективной сферы,

включают формирование умений эмоциональной переоценки, принятия, совладания; развитие способностей к эмоциональной регуляции и переоценке событий.

Третья группа социально-психологических технологий обеспечения безопасности личности в VANI-мире направлена на развитие поведенческого (конативного) компонента жизнедеятельности человека, способствующего повышению мобильности, гибкости в нестабильных условиях, повышающего вариативность выбора решения. Данные технологии должны обеспечить человеку развитие различных поведенческих стратегий, коммуникативной мобильности и социальной адаптивности. Для этого могут использоваться уже названные способы, а также групповое и персональное консультирование, упражнения и деловые игры. Кроме того, становятся все более актуальными виртуальные формы психологической помощи (тренинги, подкасты, лекции, вебинары и др.), которые надо рассматривать отдельно как одно из перспективных и современных направлений.

Все три группы социально-психологических технологий могут разрабатываться в русле рационально-эмоционально-поведенческой психотерапии А. Эллиса и когнитивной психотерапии А. Бэка, исследования в области которых подтверждают, что обучение людей изменению своего негативного восприятия происходящих событий приводит к улучшению их состояния. Известно, что когнитивный, аффективный и конативный компоненты взаимообусловлены. Так, изменив свое отношение к ситуации на когнитивном уровне, можно ожидать изменения эмоционального и поведенческого состояния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эксакусто Т.В. Проблема обеспечения социально-психологической безопасности личности. *Российский психологический журнал*. 2008;5(3):35–43.
2. Кефели И. Ф., Юсупова Р.М., ред. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография. СПб.: ИД «Петрополис»; 2017. 300 с.
3. Ежевская Т.И. Безопасность личности: система понятий. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2008;4(35):47–49.
4. Александрова А., Согомоян Т. Философские аспекты безопасности жизнедеятельности. URL: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/1323>
5. Маслодудова Н.В. Проблема безопасности человека в условиях новой социальной реальности. *Научный компонент*. 2020;4(8):136–142.
6. Прайд В., Медведев Д.А. Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания. *Философские науки*. 2008;(1):97–117.

7. Костенко Е.П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов. *Journal of Economic Regulation*. 2021;12(4):94–109. DOI: 10.17835/2078–5429.2021.12.4.094–109
8. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: АСТ; 2002. 557 с.
9. Салихова Н.Р. Реализуемость личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса. *Психологический журнал*. 2009;30(1):77–86.
10. Баева И.А. Психология безопасности: история, становление, перспективы. *Национальный психологический журнал*. 2007;1(2):65–69.
11. Баева И.А. Технологии обеспечения психологической безопасности в социальном взаимодействии как составляющие профессиональной компетентности выпускника психолого-педагогического профиля. *Вестник Герценовского университета*. 2012;(1):93–106.
12. Эдмондсон Э. Взаимодействие в команде: как организации учатся, создают инновации и конкурируют в экономике знаний. М.: Эксмо; 2016.
13. Краснянская Т.М. Личная безопасность человека в проблемном поле психологии безопасности. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2005;(40):145–153.
14. Сухов А.Н. Безопасность личности как научно-практическая проблема. *Человеческий капитал*. 2021;2(146):142–143.
15. Сухов А.Н. Социальная психология безопасности. 2-е изд. М.: Academia; 2005.
16. Сухов А.Н. Социально-психологическая характеристика безопасности личности. *Вестник Московского университета МВД России*. 2022;(2):317–323. <https://doi.org/10.24412/2073–0454–2022–2–317–323>
17. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр; 2016. 328 с.
18. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? *Вопросы психологии*. 2013;(3):33–43.
19. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности. URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/251.pdf>

REFERENCES

1. Exacousto T.V. The problem of ensuring the socio-psychological safety of the individual. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*. 2008;5(3):35–43. (In Russ.).
2. Kefeli I.F., Yusupova R.M., eds. Information-psychological and cognitive security. Collective monograph. St. Petersburg: ID “Petropolis”; 2017. 300 p. (In Russ.).
3. Ezhevskaya T.I. Personal security: a system of concepts. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2008;4(35):47–49. (In Russ.).
4. Aleksandrova A., Soghomonyan T. Philosophical aspects of life safety. URL: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/1323> (In Russ.).
5. Maslodudova N.V. The problem of human security in the new social reality. *Nauchnyj komponent = Scientific component*. 2020;4(8):136–142. (In Russ.).
6. Pride V., Medvedev D.A. The NBIC convergence phenomenon: Reality and expectations. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2008;(1):97–117. (In Russ.).
7. Kostenko E.P. Transformation of the role and functions of HR in the context of new economic challenges. *Journal of Economic Regulation*. 2021;12(4):94–109. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078–5429.2021.12.4.094–109
8. Toffler E. Future shock. Per. from Eng. Moscow: ACT; 2002. 557 p. (In Russ.).
9. Salikhova N.R. The feasibility of personal values in a situation of life crisis. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2009;30(1):77–86. (In Russ.).
10. Baeva I.A. Psychology of safety: history, formation, prospects. *Национальный психологический журнал = National Journal of Psychology*. 2007;1(2):65–69. (In Russ.).
11. Baeva I.A. Technologies for ensuring psychological safety in social interaction as components of the professional competence of a graduate of a psychological and pedagogical profile. *Vestnik Gercenovskogo universiteta = Bulletin of Herzen University*. 2012;(1):93–106. (In Russ.).
12. Edmondson E. Teamwork: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy. Moscow: Eksmo; 2016. (In Russ.).

13. Krasnyanskaya T. M. Personal security of a person in the problem field of security psychology. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University*. 2005;(40):145–153. (In Russ.).
14. Sukhov A. N. Personal security as a scientific and practical problem. *Chelovecheskij kapital = Human capital*. 2021;2(146):142–143. (In Russ.).
15. Sukhov A. N. Social psychology of safety. 2nd ed. Moscow: Academia; 2005. (In Russ.).
16. Sukhov A. N. Social and psychological characteristics of personal security. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(2):317–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-317-323>
17. Gergen K. J. Social construction in context. Per. from Eng. Kharkov: Gumanitarnyj Centr; 2016. 328 p. (In Russ.).
18. Andreeva G. M. Image of the world and/or real world? *Voprosy psihologii = Questions of psychology*. 2013;(3):33–43. (In Russ.).
19. Rubinshtein S. L. Theoretical issues of psychology and the problem of personality. URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/251.pdf> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Юрьевна Пряжникова — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena Yu. Pryazhnikova — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9259-638X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

EYUPryazhnikova@fa.ru

Анна Валерьевна Кандаурова — доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики воспитания и социализации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Anna V. Kandaurova — Dr. Sci. (Ped.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Education and Socialization, Herzen University, St. Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0466-3675>

kandaurova@list.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.11.2023; принята к публикации 20.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2023; accepted for publication on 20.12.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-111-118
УДК 32.019.5(045)

Опыт американских и британских университетов в формировании мировоззрения студентов

А.А. Селиванов^а, С.Ю. Белоконев^б

^а Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предметом статьи являются вопросы формирования мировоззрения в британских и американских университетах, возглавляющих мировые рейтинги высших учебных заведений и служащих «кузницей кадров» для международных организаций. Основной вопрос исследования – определение ключевой идеологии, заложенной реформаторами англосаксонской системы высшего образования в основу учебных дисциплин социально-гуманитарного профиля подготовки мировых лидеров и сотрудников международных организаций в американских и британских университетах. В качестве метода использовался контент-анализ международных исследований образовательных траекторий мировых лидеров, программ подготовки лидеров, структуры и содержания учебных программ Оксфордского университета по двум курсам: «Философия, политика и экономика», «Глобальное управление и дипломатия», а также междисциплинарной программы «Гуманитарные, социальные и политические науки» (HSPS) Кембриджского университета, миссий ведущих мировых университетов (на примере Гарварда). Авторы приходят к выводу, что вопросы идентичности выпускниками европейских и американских университетских программ рассматриваются с позиции «исключительности», привилегированности евроатлантических акторов международных отношений, что существенным образом влияет на текущую международную политику.

Ключевые слова: мировоззрение; идеология; индоктринация; высшее образование; англосаксонская система; университеты; высшая школа; неолиберализм

Для цитирования: Селиванов А.А., Белоконев С.Ю. Опыт американских и британских университетов в формировании мировоззрения студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):111-118. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-111-118

ORIGINAL PAPER

American and British Universities' Experience in Forming Student Mindsets

A.A. Selivanov^a, S.Yu. Belokonev^b

^a State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper focuses on issues of building students' mindsets at leading British and US universities according to global universities' ratings and serving as elite training centers for international organizations. The major research question aims to uncover the key ideology that shaped the Anglo-Saxon higher education system. The ideology that shaped the Anglo-Saxon higher education system is evident through the design of Social Sciences and Humanities programs at British and US universities, targeting world leaders and global organization employees. The research method employed was content-analysis of a range of international studies devoted to educational pathways of leaders, leadership training programs, structure and contents of the two eminent undergraduate Oxford University 3-year courses: Philosophy, Politics and Economics (BA), Global Governance and Diplomacy (M. Sc.), an interdisciplinary program Human, Social and Political Sciences (HSPS) offered at the University of Cambridge, as well as missions of a select world leading universities (the case of Harvard). The authors conclude that graduates of European and US university programs tend to identify themselves as "exceptional" and privileged Euro-Atlantic actors of international relations, which, in turn, largely influence the current state of global affairs.

Keywords: mindset; ideology; indoctrination; higher education; Anglo-Saxon system; universities; higher education institutions; neoliberalism

For citation: Selivanov A.A., Belokonev S.Y. American and British universities' experience in forming student mindsets. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):111-118. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-111-118

Современный мир характеризуется экспоненциальным ускорением социальных, экономических, политических процессов на фоне трансформации технологических укладов. Человеку все сложнее следить за темпом происходящих изменений, и, самое главное, определять свое место в непрерывно меняющемся мире. В качестве системы координат, позволяющей формировать представление человека об окружающей действительности и своем месте в ней, традиционно выступает мировоззрение. Как правило, к моменту поступления в университет у выпускника школы уже имеется сформированный по основным параметрам мировоззренческий блок и относительно целостная картина мира [1]. В мировоззрении «концентрируется система принципов, идеалов по мироустройству и миропереустройству, опирающаяся на чувственные убеждения, опыт, знания» [2].

Рассматривая данное понятие, мы опираемся на определение С. В. Володенкова: «Мировоззрение — это субъективная система восприятия, интерпретации и оценки событий, процессов и явлений окружающего мира, а также стратегий поведения, базирующаяся на целостной непротиворечивой совокупности убеждений, ценностей, символов и смыслов, носителем которых является индивид или социальная общность» [3]. Большинство западных исследователей используют определение Кэрл Двэк: «Мировоззрение — суть отношение, установки, убеждения или жизненный опыт, определяющие выбор и поведение индивида» [4–6]. В качестве основного инструмента формирования мировоззрения западные представители политической науки выделяют ключевую роль идеологии [7].

Изучая международный опыт формирования мировоззрения в системе высшего образования, мы сфокусировались на англосаксонской высшей школе в силу того, что ее высшие учебные заведения доминируют в трех основных глобальных университетских рейтингах, которые признаются международным академическим сообществом как наиболее авторитетные [8]: «The Times Higher Education World University Rankings»¹ (оценивает 1799 университетов из 104 стран по 13 индикаторам), «QS World University

Rankings»² (оценивает 1500 университетов по 8 индикаторам) и «Global 2000 List By The Center For Global University Rankings»³ (CWUR оценивает 19788 университетов по 4 группам индикаторов). В топ-10 первого рейтинга входят 7 американских и 3 британских вуза, во втором — в первую десятку входят 5 университетов из США, 4 британских и Швейцарский федеральный технологический институт в Цюрихе (Швейцария). Рейтинг CWUR включает в топ-108 американских университетов и только 2 британских. Таким образом, американские высшие учебные заведения безоговорочно лидируют в основных глобальных рейтингах университетов. Зарубежные исследователи также сходятся во мнении относительно текущего доминирования англо-американской модели интернационализации высшего образования, которое реализуется посредством привлечения иностранных студентов в университеты как для получения степени, так и в рамках международных программ типа Фулбрайт [9].

Авторы аналитического доклада «Становление университетов-лидеров: мировая практика и российская перспектива» подчеркивают, что «со времени возникновения первых университетов в городах средневековой Европы университеты «воспитывали» элиты — превращали тех, кто по происхождению, принадлежности к аристократическим или состоятельным семействам должен был обрести власть и влияние, в носителей культуры мысли и действия, определенного мировоззрения, ценностных и ментальных установок» [10]. Роуз Коул из Университета Пенсильвании также утверждает, что «исторически колледжи и университеты обучали элиты и маргинализировали остальных», добавляя, что в США высшее образование рассматривается как частное, а не общественное благо [11]. Очевидно, что от столкновения цивилизаций на рубеже тысячелетий современный мир переходит к аксиомахии (войне ценностей) [12].

Безусловными лидерами в воспитании будущих элит через формирование «правильного» мировоззрения у своих студентов выступает «большая тройка» глобальных рейтингов: Оксбридж (Оксфорд + Кембридж) и Гарвард⁴ [13].

² URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>

³ URL: <https://cwur.org/2021-22.php>

⁴ URL: <https://www.webometrics.info/en/world>

¹ URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022>

Исследователь из университета Миннесоты Мусанг Ли проанализировал базу данных из 15 354 глобальных организаций — от ООН до представительств крупных международных компаний по всему миру. Из 2563 мировых лидеров и высокопоставленных международных чиновников 88,5% получили хотя бы одно высшее образование в одном из западных университетов, половина из которых приходится на США (27,4%) и Великобританию (18,8%) [14]. Однако 41% топ-менеджеров международных организаций получили образование в западноевропейских вузах, 29,5% из которых находятся в 4 странах: Франции (11,5%), Бельгии (8,8%), ФРГ (4,9%) и Нидерландах (4,3%). Это обусловлено преимущественно географическим положением секретариатов международных организаций в вышеуказанных странах: 60,2% из 21 612 таких офисов базируются в странах Западной Европы.

Автор делает вывод о том, что получившие аналогичное по структуре и содержанию высшее образование высокопоставленные международные чиновники — выпускники западных вузов — имеют одинаковое мировоззрение и взгляды на положение вещей в мире. Они схожим образом видят и оценивают глобальные проблемы и будут использовать усвоенные в течение учебы подходы к их решению. Набирая на ключевые позиции выпускников университетов, лидирующих в десятке мировых рейтингов, международные организации тем самым внедряют и поддерживают когнитивные и культурные нормы англосаксонской традиции. Некоторые современные политики, будучи этнически выходцами из азиатских культур, предпочитают получать сразу две степени по обе стороны Атлантики. Например, новый премьер-министр Великобритании и бывший министр финансов Риши Сунак сначала получил профильное высшее образование в Оксфорде, а затем — степень MBA в Стэнфорде по программе Фулбрайт.

Какие именно ценности и идеологемы лежат в основе мировоззренческой картины мира, формируемой британскими вузами у своих студентов? Наиболее обстоятельный ответ на данный вопрос дают Майк Коул и Альпеш Майзурия [15]. Авторы утверждают, что «неолиберальные принципы легли в основу структуры и практики высшего образования в целом, а также конкретных способов, которыми недавние реформы и предложения британского правительства, вероятно,

повлияют на государственные университеты и академические круги». Выпускник Кембриджа Дэвид Харви определяет неолиберализм как теорию политико-экономических практик, в основе которой лежит предположение, что благополучие человека наилучшим образом может быть достигнуто за счет стимулирования индивидуальных предпринимательских свобод и навыков в рамках институциональной структуры, характеризующейся сильным правом частной собственности, свободными рынками и свободой торговли [16].

Можно выделить пять фундаментальных принципов, характеризующих неолиберальное мировоззрение: *правило рынка; сокращение государственных расходов на социальную сферу, включая образование и здравоохранение; дерегулирование; приватизация; устранение концепции «общественного блага» или «сообщества» и замена ее «индивидуальной ответственностью».*

В британских вузах переход к неолиберальной модели образования на государственном уровне закреплен в двух официальных документах — «Белой книге» 2011⁵ и 2015⁶ гг., где главным выступает контроль и обеспечение качества образования как инструмент регулирования отрасли и удовлетворения потребностей студентов в роли заказчиков услуги. Контроль качества исторически был обязанностью государства, и он продвигался сменяющимися друг друга правительствами Великобритании в качестве протоколов, разработанных для сравнения, поддержания стандартов и создания паритета во всем секторе высшего образования⁷. В центре этих реформ лежит основная идея о том, что, если высшие учебные заведения не позиционируют себя как отвечающие высоким стандартам, то они потеряют клиентов (студентов) и, следовательно, доходы, что в конечном итоге приведет к закрытию для них конкурентного рынка. Таким образом, на практике была реализована концепция капиталистической индустриализации сферы общественных отношений, где все нужно превратить в предмет потребления [17]. Неолиберализм в высшем образовании — это торжество консьюмеризма, когда студент-потребитель заказывает и потребляет обра-

⁵ URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/higher-education-white-paper-students-at-the-heart-of-the-system>

⁶ URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/higher-education-teaching-excellence-social-mobility-and-student-choice>

⁷ URL: <https://www.qaa.ac.uk/quality-code/subject-benchmark-statements/sbs-reviews-2022>

зование как услугу [18]. Потребительское отношение, созданное у студентов, особенно благодаря «Белой книге» 2011 г., озаглавленной «*Высшее образование: студенты в центре системы*» (Higher Education: Students at the Heart of the System), инициированное в годы правления Тони Блэра [19], сформировало у обучающихся представление о том, что присуждение ученой степени является результатом обмена деньгами, а не идеями, и все, что меньше оценки «отлично», является «экономически нецелесообразным» («not value for money» — фраза, которая встречается 26 раз в «Белой книге» 2015 г.) и «плохой инвестицией» («poor investment» — 16 упоминаний). Это делает присуждаемую степень и квалификацию, по сути, товаром с низким процентом. Студенты в английских университетах больше не выполняют требования учебной программы для получения ученой степени, а, по сути, «покупают» ее.

Основные положения неолиберальной идеологии в американской парадигме высшего образования сформулировал Ноам Хомский, профессор лингвистики Массачусетского технологического института (США)⁸, который утверждал, что коренным переломом в философии образования на Западе стал период после окончания Второй мировой войны, когда начался массовый переезд ученых и педагогов из Старого света в Северную Америку, сопровождаемый отказом от европейских научных ценностей и школ, «запятнавших себя сотрудничеством с нацистской Германией»⁹. При этом сам процесс перетока научных кадров из центрально-европейских научно-образовательных учреждений в аналогичные североамериканские структуры начался еще в тридцатые годы двадцатого столетия [20].

В последние тридцать лет неолиберализм доминирует в США и на глобальной арене [21]. Результатом явилось существенное снижение государственного финансирования университетов, что привело к росту влияния корпоративного сектора и студенческих займов на обучение в роли основных источников финансирования высшей школы и, следовательно, заказчика образовательных услуг. С принятием в 2002 г. федерального закона «Ни одного отстающего ребенка» (No Child Left Behind Act)¹⁰ изменилась роль профессорско-

преподавательского состава — основной упор был сделан на получение дохода и меньшую роль в принятии институциональных решений. Система постоянной профессуры, которую неолибералы считали «плохой инвестицией», подверглась нападкам. Экономическая эффективность стала главным приоритетом для колледжей и университетов, что дало основание использовать беспрецедентное количество преподавателей, занятых неполный рабочий день, адъюнктов и студентов старших курсов в преподавании. Таким образом, вместо эвристической передачи знаний преподаватель вынужден сосредоточиться на прикладном характере обучения, беспристрастном транслировании формулируемого «сверху» идеологического контента. Этот подход распространяется на содержание международных стипендиальных образовательных программ, таких как Фулбрайт.

Проанализировав данные исследования, представленные Британским советом и компанией «Ипсос», о полученном высшем образовании у 1709 мировых лидеров и представителей списка лучших 500 компаний в США из 30 стран, мы обнаружили, что большинство выпускников англо-американских вузов имеют степень бакалавра или магистра в области общественных и гуманитарных наук (44%). Минимум треть мировых лидеров являются участниками международных программ¹¹. Исследователь новейшей истории американского высшего образования Генри Хеллер делает вывод, что именно гуманитарные и общественные науки наиболее идеологически насыщены и способствуют формированию неолиберального мировоззрения у студентов [22].

Мы провели контент-анализ структуры учебных планов Оксфордского университета по двум курсам из области общественных и гуманитарных наук: «Философия, политика и экономика»¹², «Глобальное управление и дипломатия»¹³, а также междисциплинарной программы «Гуманитарные, социальные и политические науки» (HSPS) Кембриджского университета¹⁴, обучение по которым фактически гарантирует трудоустройство в ве-

⁸ URL: <https://chomsky.info/20140228/>

⁹ URL: <https://rozenbergquarterly.com/noam-chomsky-on-the-perils-of-market-driven-education/>

¹⁰ URL: <https://www.ced.org/pdf/Education-for-Global-Leadership.pdf>

¹¹ URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/edupathwaysofleadersreport_final.pdf

¹² URL: <https://www.ox.ac.uk/admissions/undergraduate/courses/course-listing/philosophy-politics-and-economics>

¹³ URL: https://www.mastersportal.com/studies/78882/global-governance-and-diplomacy.html#content: description;

¹⁴ URL: <https://www.hsps.cam.ac.uk/why-study-hsps>

дущих британских государственных структурах и международных организациях¹⁵.

Обучение рассчитано на три года. В Оксфорде первокурсники изучают общую философию, моральную философию и элементарную логику, политическую теорию, практику и политический анализ, макро- и микроэкономику и эконометрию. Ответ на один из центральных вопросов курса обучения: «А зачем нужна мораль?» предлагается найти в теории игры. В курсе политологии основной упор делается на главенство международных институтов политического регулирования мировых кризисов. Изучая экономику, студенты воспринимают формирование и реализацию экономической политики как «коллективную договоренность потребителей, бизнеса и правительства о порядке распределения ресурсов».

Более детальное представление о характере формируемого мировоззрения в Кембридже дает «Список рекомендованной литературы для абитуриентов»¹⁶, где существенным образом предлагается изучить современные протестные движения в США (*Black Lives Matter*, *Occupy Wall Street*), антиколониальные протесты в Индии, суть концепции феминизма, революций и культурного национализма.

Ответом на усиливающуюся роль глобализации, роста этнического и цехового самосознания в западном обществе стала обновленная интерпретация концепции равных возможностей, в основе которой — ценностная триада идеологем: «разнообразие, равенство, инклюзивность» (DEI — diversity, equality, inclusion). Данная концепция на сегодняшний день лежит в основе миссий и образовательных программ ведущих мировых университетов США и Европы. В Гарварде даже введена должность проректора по многообразию и инклюзивности (Chief Diversity and Inclusion Officer)¹⁷. Не последнюю роль в формировании мировоззрения выпускников британских вузов играет «Политика равенства в Оксфорде»¹⁸, суть которой изложена в «Законе о равных правах и недопущении дискриминации» 2010 г.¹⁹

¹⁵ URL: <https://www.oxford-royale.com/articles/10-reasons-why-oxford-works/>

¹⁶ URL: https://www.hsps.cam.ac.uk/files/hsps_suggested_reading_-_final.pdf

¹⁷ URL: <https://www.harvard.edu/about/diversity-and-inclusion/>

¹⁸ URL: <https://edu.web.ox.ac.uk/equality-policy>

¹⁹ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents>

Хомский проводит четкую грань между образованием как способом «научить людей учиться» и индоктринацией как процессом «навязывания идей или убеждений кому-либо до тех пор, пока это не будет принято без критики или вопросов» [23]. В отечественной профессиональной психолого-педагогической литературе «индоктринация» определяется как «внедрение в сознание индивида или группы определенных убеждений, ценностей и установок в обход критического восприятия реципиентов» и рассматривается как отличное от пропаганды явление. При этом данное понятие синонимично терминам «идеологическая обработка» и «идеологизация» [24].

Исследователи феномена формирования мировоззрения путем идеологической индоктринации в американских университетах разделились на два противоположных лагеря. Профессор Калифорнийского университета Джон Эллис в своей монографии «Крах высшего образования» однозначно утверждает, что подавляющее большинство американских университетов вместо классического образования занимаются прямой индоктринацией студентам неолиберальной идеологии [25]. С ним соглашаются Ноам Хомский, Бен Шапиро и Дэвид Хоровиц [26, 27]. Авторы недавнего исследования «Идеология социальной справедливости в высшем образовании штата Айдахо» Скотт Йенор и Анна Миллер называют среди предметов, через которые происходит индоктринация в Университетах Огайо и Бойсе, гендерные исследования, глобалистику, социологию, историю, социальную работу [28].

Политолог из канадского университета Акадия Джеффри Сакс полагает, что роль университетов в формировании мировоззрения студентов путем их индоктринации сильно преувеличена. Он считает, что все дело в том, что 60% профессорско-преподавательского состава американских университетов, согласно исследованию 2016–2017 гг., придерживаются леволиберальных взглядов, и процесс усвоения неолиберальной идеологии студентами происходит автоматически [29].

Примечательно, что термин «индоктринация» представители британской прессы используют относительно российского вузовского курса «Основы российской государственности» и проекта «Разговоры о важном»²⁰.

²⁰ URL: <https://clck.ru/32bV7A>

Авторы доклада «Образовательные траектории лидеров: международное сравнение» среди конкурентных преимуществ мировых лидеров отмечают их участие в международных обменных программах, большая часть которых инициирована и реализуется в США. Посредством этих программ англо-саксонские ценности и элементы картины мира транслируются иностранным студентам [5]. Рассмотрим европейский пример.

Выпускником Стэнфорда и программы Фулбрайт является яркий представитель европейской политической элиты и глава европейской дипломатии Жозеп Боррель, который, выступая на открытии Европейской дипломатической академии перед студентами Колледжа Европы в Брюгге, сформулировал основные мировоззренческие тезисы высшей школы объединенной Европы:

— «Европа сегодня — это прекрасный сад. Это лучшее сочетание политической свободы, экономического процветания и социальной сплоченности, которое смогло создать человечество».

— «Большая часть глобального мира — это дикие джунгли, которые могут вторгнуться в прекрасный сад. Заботливые садовники — европейские чиновники — должны заботиться о своем саде. Возведение высоких стен не поможет, потому что у джунглей большой потенциал роста. Соответственно, европейцы должны больше взаимодействовать с остальным миром».

Говоря о европейцах, Жозеп Боррель прямо заявляет будущим творцам евроатлантической дипломатии и сотрудникам международных организаций различных уровней и отраслевой направленности:

«Мы — привилегированные люди... Наше поле боя — наша идентичность».

Боррель формулирует суть евроатлантической дипломатии:

«Мы живем в мире силовой политики. Системе, основанной на правилах, которую мы защища-

ем, брошен вызов как никогда прежде, и наша взаимозависимость, которая должна была быть хорошей вещью, предотвращающей войну, теперь превращается в оружие»²¹.

Таким образом, к неолиберализму, лежащему в основе формирования политико-экономического мировоззрения студентов западных вузов, присоединился еще и неокOLONIALИЗМ.

В основе мировоззренческих конструкторов американских, британских и европейских университетов лежит неолиберальная идеология. Через нее неолиберальные ценности транслируются как уроженцам Великобритании и США, так и иностранным участникам международных стипендиальных образовательных программ. Формирование идеологических установок происходит посредством индоктринации еще в школе и продолжается на уровне высшего образования в англо-американских университетах.

Вопросы идентичности выпускниками европейских и американских университетских программ рассматриваются с позиции исключительности и привилегированности евроатлантических акторов международных отношений. Триединая формула французской революции «свобода, равенство, братство» в современной мировоззренческой картине мира англосаксонских университетов трансформировалась в ценностную идеологию «DEI» («многообразие, равенство, инклюзивность»).

Безусловно, вопросы индоктринации требуют более глубокого изучения и сравнения с аналогичными явлениями в других национальных образовательных системах в рамках исследования международного исторического опыта формирования мировоззрения в системе высшего образования.

²¹ URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Лопушенко А.Я. Критерии сформированности профессионального мировоззрения. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2009;3(43):166–170.
Lopushenko A.Y. Criteria of Professional Mindsets Formation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 2009;3(43):166–170. (In Russ.).
2. Кукса Л.П. Проблемы современного мировоззрения: системный анализ и прогноз. *Уровень жизни населения регионов России*. 2017;13(3):23–33. DOI: 10.12737/article_595cd03e54c6b4.36171049
Kuksa L.P. Problems of modern worldview: system analysis and forecast. *Uroven' zhizni naseleniya regionov*

- Rossii = Standard of living of the population of Russian regions. 2017;13(3):23–33. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_595cd03e54c6b4.36171049
3. Володенков С.В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения. *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):20–40.
Volodenkov S.V. The world around us as a simulated reality: on the communication foundations of the modern worldview. *Zhurnal politicheskikh issledovanij = Journal of Political Studies*. 2022;6(3):20–40. (In Russ.).
  4. Matthews D. Book Review: Mindset: The New Psychology of Success, by Dweck, C. S. 2006. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/giftedchildren/vol1/iss2/7>
  5. Acker D.R., Bocarro J. Preparing Students as Leaders with a Global Mindset: A Study Abroad Phenomenological Case Study. *Global Education Review*. 2021;8;(4):7–23.
  6. Rowe W.E., Krause W. The Study and Practice of Global Leadership. In book: University-Based Leadership Education for Professionals Working in the Globalized Context. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2022.
  7. Schull J. What Is Ideology? Theoretical Problems and Lessons from Soviet-type Societies. *Political Studies*. 1992;40(4):728–741.
  8. Воробьева Е.С., Краковецкая И.В. Рейтинговая оценка конкурентоспособности зарубежных и отечественных высших учебных заведений. *Научная периодика: проблемы и решения*. 2016;6(1):27–39.
Vorobyova E.S., Krakovetskaya I.V. Rating assessment of the competitiveness of foreign and domestic higher educational institutions. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya = Scientific periodicals: problems and solutions*. 2016;6(1):27–39. (In Russ.).
  9. Rhoades G., Santiago Castiello-Gutierrez, Jenny J. Lee, Mahmoud Sayed Marei, Leslie C. O’Toole. *The Review of Higher Education*. 2019;43(2):519–551. DOI: 10.1353/rhe.2019.0109
  10. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Фазовые трансформации и будущее университетов: философско-методологический анализ. *Университетское управление: практика и анализ*. 2016;106(6):146–158. DOI: 10.15826/umj.2016.106.068
Efimov V.S., Lapteva A.V. Phase transformations and the future of universities: philosophical and methodological analysis. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2016;106(6):146–158. (In Russ.). DOI: 10.15826/umj.2016.106.068
  11. Cole R. Shaping (Global) Leaders or Creating (Global) Citizens? Considering the Competing Purposes of Higher Education. *The Good Society*. 2016;25(2–3):289–312. <https://doi.org/10.5325/goodsociety.25.2-3.0289>
  12. Ландерова А.А. В поисках идеологии общественного согласия. *Вестник Поволжского института управления*. 2022;22(3):114–124 DOI: 10.22394/1682-2358-2022-3-114-124
Landerova A.A. In search of an ideology of social harmony. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2022;22(3):114–124. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2022-3-114-124
  13. Mittelman J.H. *Implausible Dream: The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press; 2020.
  14. Lee M. Where Are Global Leaders Educated? *International Higher Education*. 2007;(49):6–7. <https://doi.org/10.6017/ihe.2007.49.7985>
  15. Maisuria A., Cole M. The neoliberalization of higher education in England: An alternative is possible. *Rivista Di Neuroradiologia*. 2017;15(5):35–38. <https://doi.org/10.1177/19714009900030S208>
  16. Harvey D. *A brief history of neoliberalism*. New York: Oxford University Press; 2005.
  17. Blackledge J. Thoughts on the Future of Higher Education in the UK: A Personal View with a Historical Context. *Education Sciences*. 2021;11(9):474. <https://doi.org/10.3390/educsci11090474>
  18. Mintz B. Neoliberalism and the Crisis in Higher Education: The Cost of Ideology. *The American Journal of Economics and Sociology*. 2021;80(1):79–112. <https://doi.org/10.1111/ajes.12370>
  19. Greaves H., Maisuria A. Education, Inequality and Neoliberal Capitalism: A Classical Marxist Analysis. In book: *Global Neoliberalism and Education and its Consequences*. New York: Routledge; 2009.
  20. Berger LaNitra M. *Social Justice and International Education. Research, Practice and Perspectives*. Washington, DC: NAFSA: The Association of International Educators; 2020.
  21. Saunders D. Neoliberal Ideology and Public Higher Education in the United States. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2010;8(1):41–77.

22. Heller H. The Capitalist University: The Transformations of Higher Education in the United States since 1945. London: Pluto Press; 2016.
23. Rothman S., Kelly-Woessner A., Woessner M. The Still Divided Academy: How Competing Visions of Power, Politics, and Diversity Complicate the Mission of Higher Education. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers; 2011.
24. Двойнин А. М., Романцова В. К. О содержании категории «индоктринация» в психологической науке. URL: <http://ippo.selfip.com:85/izvestia/dvoynin-a-m-romancova-v-k-o-soderzhanii/>
Dvoynin A.M., Romantsova V.K. On the content of the category “indoctrination” in psychological science. URL: <http://ippo.selfip.com:85/izvestia/dvoynin-a-m-romancova-v-k-o-soderzhanii/> (In Russ.).
25. Ellis J.M. The Breakdown of Higher Education: How It Happened, the Damage It Does, and What Can Be Done. New York City: Encounter Books; 2020. 224 p.
26. Mariani M.D. and Hewitt G.J. Indoctrination U.? Faculty Ideology and Changes in Student Political Orientation. *Political Science and Politics*. 2008;41(4):773–783.
27. Shapiro B. Brainwashed: How Universities Indoctrinate America’s Youth. Scotland: Thomas Nelson; 2010. 242 p.
28. Yenor S., Miller A.K. Social justice ideology in Idaho higher education. 2020. URL: <https://idahofreedom.org/wp-content/uploads/2021/02/Social-justice-in-Idaho-higher-education.pdf>
29. Stolzenberg E. B., Eagan M. K., Zimmerman H. B., Berdan Lozano J., Cesar-Davis N. M., Aragon M. C., & Rios-Aguilar C. Undergraduate teaching faculty: The HERI Faculty Survey 2016–2017. Los Angeles: Higher Education Research Institute, UCLA; 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Александрович Селиванов — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Alexander A. Selivanov — Cand. Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Research and Project Department of Scientific and Innovation Management, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6003-274X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
aselivanov@bk.ru

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, директор Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey Y. Belokonev — Cand. Sci. (Pol.), Director, Institute Global Studies Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

SYUBelokonev@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.10.2023; принята к публикации 30.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.10.2023; accepted for publication on 30.11.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-119-125
УДК 316.442(045)

Направления и технологии формирования конструктивного образа России в национальных сегментах массмедиа стран бывшей Югославии

М. Шундич

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются возможности формирования конструктивного образа Российской Федерации в национальных сегментах массмедиа постюгославских — Сербии, Хорватии и Черногории. Методологическая основа работы — неинституциональный подход, позволивший проанализировать институциональные конфигурации политических акторов стран бывшей Югославии в исторической перспективе и поместить в исторический контекст стратегию формирования образа России в национальных сегментах этих государств. Методом ивент-анализа были изучены причины, цели, возможности и стратегии генераторов массмедийных публикаций о России в национальных сегментах Сербии, Хорватии и Черногории. В статье представлены данные авторского автоматизированного контент-анализа материалов СМИ стран бывшей Югославии начиная с 2022 г. и по настоящее время.

Ключевые слова: массмедиа; Россия; Украина; Балканы; постюгославские государства; образ страны; медиаконтент

Для цитирования: Шундич М. Направления и технологии формирования конструктивного образа России в национальных сегментах массмедиа стран бывшей Югославии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):119-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-119-125

ORIGINAL PAPER

Trends and Technologies for Russia's Constructive Image in the Mass Media National Segments Over the Former Yugoslavia Area

M. Shundich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The research examines the strategies and historical context of forming a constructive image of the Russian Federation in the national segments of the post-Yugoslav mass media — Serbia, Croatia and Montenegro. The work uses a neo-institutional approach to analyze the institutional configurations of political actors in the former Yugoslavian countries. Applying the event analysis method, the author conducted a study on mass media publications about Russia, examining the reasons, goals, opportunities, and strategies. The paper presents data from the author's automated content analysis of media materials from the countries of the former Yugoslavia from 2022 to the present.

Keywords: mass media; Russia; Ukraine; Balkans; post-Yugoslav states; country image; media content

For citation: Shundich M. Trends and technologies for Russia's constructive image in the mass media national segments over the former Yugoslavia area. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):119-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-119-125

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимного восприятия Российской Федерации и западного мира имеет многовековую историческую традицию. Образ любого государства является важным инструментом «мягкой силы» и формируется сложным многофакторным путем, совокупностью вербальных, визуальных и политических стереотипов. Именно от этого образа во многом зависит общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. С одной стороны, образ государства может положительно влиять на развитие и укрепление многосторонних отношений и интеграции, поддерживать конструктивное развитие международных связей на глобальном уровне, с другой — стереотипизация способна негативно влиять на восприятие информации, распространять предрассудки и препятствовать конструктивным взаимоотношениям между государствами.

Существует много способов социальной стигматизации людей, общностей и целых наций и государств на основе предписанных им характеристик. Например, Европу часто делят на «старую» и «новую», «бедную» и «богатую», «трудодобивую» и не очень. Формирование образов государств, которые по каким-либо критериям отличаются от других, не всегда основывается на достоверных фактах или личном опыте общения.

Говоря о современной Европе, один из лучших примеров такого обобщения можно найти в ее символическом разделении на Восток и Запад. На самом деле четкого определения этому не существует, поскольку в различных подходах применяются разные географические, политические, культурные, социально-экономические и другие критерии. Однако очень часто уровень социально-экономического развития государства становится решающим, когда речь заходит о его ассоциации с Востоком или Западом.

Существует образ богатого и хорошо развитого Запада и бедного, менее развитого Востока. В то время как Запад или Западная Европа ассоциируются с современными структурами, такими как ЕС, НАТО, и высоким уровнем экономического, политического и культурного развития, Восток или Восточная Европа связаны с Восточным блоком, бывшим Советским Союзом и довольно низким уровнем достижений во всех сферах жизни. Так называемые «новые государства ЕС» (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия), которые в прошлом были сателлитами СССР, в настоящее

время полностью интегрированы в европейские политические и экономические структуры.

Политический имидж государства играет важную роль в сфере международных отношений и мировой политики: от того, каким он будет — позитивным либо негативным — зависит успех в деле реализации внешнеполитических задач (стратегических и тактических), развитие торгово-экономических отношений с разными странами, поддержка экономической деятельности государства, восприятие ее мировым сообществом.

Образ России на протяжении долгого времени претерпевал заметные трансформации в европейских странах, в частности — в Юго-Восточной Европе, которая во многом зависела от российского присутствия в регионе и политической конъюнктуры.

Собирательному образу Российской Федерации посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей. Например, С. Ходанович считает, что в большинстве публикаций ведущих мировых СМИ Россия ассоциируется в основном с президентом В.В. Путиным [1]. Фактически именно президент отождествляется с государством. По мнению западных СМИ, президент отвечает за все, что происходит в стране и за ее пределами.

События XXI в. и новейшей истории зачастую демонстрируют, что в настоящее время у России не самый позитивный образ в западных СМИ — возвращаются стереотипы «холодной войны» и происходит демонизация государства, что может стать препятствием для установления торговых, межкультурных и дипломатических связей на международной арене [2].

Что касается технологий и направлений формирования конструктивного образа Российской Федерации в Восточной Европе, то следует рассмотреть основные страны региона: Сербию, Хорватию и Черногорию, которые вместе с другими входили в Югославию, но имели столь большие национальные разногласия, что к началу XXI в., после ряда кровопролитных конфликтов, государство прекратило свое существование.

В современном мире СМИ — основное средство получения актуальной информации о происходящих событиях, так как политическая активность переместилась в виртуальное поле, где одним из основных приоритетов государства является формирование собственного положительного международного образа.

Вопрос имиджа Российской Федерации в иностранных средствах массовой информации обрел особую актуальность с началом специальной военной операции. Репрезентация России в балканских странах через такой инструмент, как массмедиа, позволяет рассуждать о том, какое отношение к ней формируется в общественном сознании рассматриваемых стран.

Как указывает А. В. Марущак [3] при исследовании образа России в американских массмедиа, «медиаобраз — это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ». Такое определение содержит важное указание на то, что медийный образ формируется в первую очередь посредством деятельности средств массовой информации.

АНАЛИЗ СМИ ПОСТЮГОСЛАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

Анализ медийного образа Российской Федерации в странах бывшей Югославии следует начать с Сербской Республики. В настоящее время сербская медиасистема значительно отличается от общеевропейской. Без сомнений, сербское государство находится в довольно трудном положении, осложненном европейской повесткой, внутренне- и внешнегосударственными идеологическими спорами, а также украинским кризисом. Сложно утверждать, есть ли у Сербии общие национальные интересы, но существуют основные направления и константы, по которым в стране достигнут консенсус. Во-первых, это мнение по поводу Косово, во-вторых — противодействие вступлению в НАТО и, конечно, — позиция касательно отношений и сотрудничества с Российской Федерацией.

Традиционно страны и регионы с преимущественно православным населением поддерживают политический курс России. Именно к таким государствам относится и Сербская Республика. Несмотря на огромное влияние прозападной пропаганды в сербских СМИ, людей, выступающих за поддержание добрососедских отношений с РФ гораздо больше, чем тех, кто одобряет вступление в НАТО и ЕС (Сербия начиная с 2012 г. является кандидатом в члены ЕС).

Из вышесказанного следует, что образ России в Сербской Республике является той константой, которая (одна из немногих) не изменилась за долгое время. Очевидно, что отношение к РФ

подталкивает сербских политических деятелей на построение особого курса взаимодействия с ней.

Такой пророссийский настрой имеет две основные причины — это, безусловно, историческая и, как бы парадоксально это ни звучало, — западная пропаганда. Исследуя сербские источники, можно заключить, что слушатели и читатели не воспринимают антироссийскую политическую повестку и негативный образ России. Люди будут либо игнорировать такой контент, либо решат, что это положительные новости и «именно так и должно быть» [4]. Прозападным СМИ пришлось изменить тактику и стратегию вещания для Сербской Республики, и они вынуждены выступать с пророссийскими материалами или, по крайней мере, с теми, которые сербское население будет рассматривать как пророссийские.

Действительно, если проанализировать, как сербские СМИ освещают сирийский кризис и обстановку на Украине, можно заметить, что это самые объективные и сбалансированные тексты, которые можно найти в зарубежной прессе. Отчасти это связано с тем, что сербские граждане следят за данными событиями, достаточно хорошо осведомлены о них и не воспринимают одностороннюю пропаганду, а прозападные СМИ, чтобы высказать позицию против России (как это принято в Болгарии, Чехии, Словакии или Франции), должны завоевать доверие аудитории.

Если говорить о популярности СМИ, то сербы больше всего читают такие газеты, как Blic (14,5%), Vecernje Novosti (9,0%), Kurir (7,3%), Press (6,6%), Alo! (5,1%), 24 Sata (4,2%), Politika (2,5%). Среди газет, выходящих раз в неделю и раз в месяц, лидируют NIN (0,8%), Vreme (0,4%), Arena 92 (0,3%)¹. Сербские СМИ очень политизированы, потому что основными рекламодателями, как правило, выступают политические партии. Основные темы в прессе распределяются в следующем соотношении: политика и управление — 49%, экономика — 16%, социальная сфера — 17%, науки и здоровье — 6%, преступность и насилие — 8%, звезды, искусство, СМИ и спорт — 4% (см. рисунок).

Следует подчеркнуть, что на данном этапе СВО и в условиях международной обстановки в целом сербские медиа стали относиться к событиям на Украине более нейтрально, отражая в основном мнение своего президента Александра Вучича, который сказал, что «Сербия

¹ URL: <http://www.apr.gov.rs/>

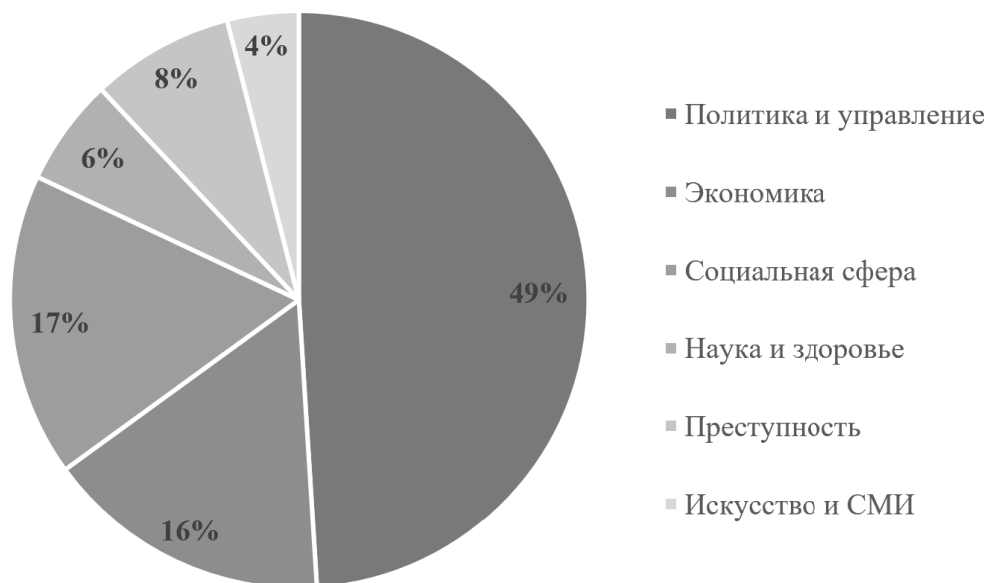

Рис./ Fig. Направленность проанализированных материалов / Focus of the analyzed materials

Источник / Source: Quarterly Mediameter. Analysis of the print media in Serbia – Belgrade: Public Policy Institute. URL: https://www.medijametar.rs/index_eng.html

присоединится ко всем решениям Генассамблеи ООН о нарушении территориальной целостности Украины в конфликте с Россией, но отвергнет все те, которые касаются санкций против России»².

Но Сербская Республика — скорее исключение, в других постюгославских государствах наблюдается совсем другая картина. Например, хорватские СМИ преимущественно негативно освещают образ России и отрицательно оценивают ее действия на Украине. Это связано с тем, что медийное поле Хорватии находится под сильным влиянием политики Европейского союза и Североатлантического альянса.

Несмотря на подписание в 1998 г. Декларации о дружественных отношениях и сотрудничестве между Москвой и Загребом, полноценной кооперации между двумя странами не получилось. Во-первых, это обусловлено традиционным противостоянием Сербии и Хорватии за лидирующие позиции на Балканах, — в Хорватии вся политическая элита рассматривает Россию в качестве союзника Сербии, что автоматически делает ее нежеланным партнером. Во-вторых, хорватская политическая элита выросла на западноевропейских ценностях и придерживается либерально-

демократических взглядов, что подразумевает тесное сотрудничество с Европейским союзом и НАТО.

Известно, что Россия в 1990-е гг. активно поддерживала Сербию, и это привело к охлаждению отношений между Хорватией и Россией и еще большей ориентированности первой на Запад в лице США и таких европейских стран, как Германия и Австрия. Тем не менее красной линией в хорватских СМИ проходит мысль о том, что «Россия не позиционирует себя врагом Запада, не изолирует себя от него, не имеет враждебных намерений по отношению к нему и надеется, что Запад в будущем осознает бесполезность их политического конфликта и сплотится вокруг принципа суверенного равенства и уважения общих интересов. Именно в этом контексте Российская Федерация заявляет, что готова к диалогу и сотрудничеству» [5].

В целом, медийное поле Хорватии находится под большим влиянием политики Совета Европы и Европейского союза. Но транзитный период, который продолжается после отхода от коммунистической модели развития, несет в себе некоторые проблемы в виде столкновения интересов между государством и корпорациями, отсутствия власти у журналистских профсоюзов, политического давления различных властных групп на СМИ [6].

² URL: <https://www.pobieda.me/clanak/vucic-srbija-ce-se-prividruziti-odlukama-un-o-krsenju-teritorijalnog-integriteta-ukraïne-ali-ne-i-sankciama-rusiji>

Примечательно, что практически нет статей, которые освещали бы ситуацию в экономической и энергетической сферах России, а также различные гуманитарные и культурные проекты, которые она проводит в Сербии, Черногории и Хорватии.

В.В. Путин отмечал, что образ России за рубежом «часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко... А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию»³.

Представления о российском государстве в Черногории очень похожи на хорватские. Несмотря на высокий запрос нормализации отношений двух стран со стороны черногорского общества и возвращения их к традиционно дружественным и близким, руководство Черногории поддерживает антироссийские санкции. 76% черногорцев не одобряют практику запрета российских СМИ в стране, а более 66% — антироссийские санкции. В объективность черногорских СМИ верят лишь 23% граждан [4].

Сейчас появляется все больше статей, посвященных военно-техническому комплексу, демонстрации нового вооружения, где фигурирует Россия; множество публикаций затрагивают тему гражданской войны на Украине и ход боевых действий в этом регионе.

Из-за обещаний, данных Черногории, об ее вступлении в Европейский союз, она была вынуждена поддерживать все антироссийские инициативы и создавать в национальных СМИ демонизирующий образ Москвы. Но балканским странам фактически предлагается не полноправное членство, а всего лишь участие в «Европейском политическом сообществе», которое носит идеологизированный и конфронтационный характер, требующий выполнения всех антироссийских инициатив без получения взамен экономических дивидендов. При этом Черногория в своей одержимости евроинтеграцией уже почти 10 лет терпит убытки от присоединения к антироссийским санкциям — только потери туристической индустрии в 2022 г. составили 46 млн евро⁴.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>.

⁴ URL: https://www.researchgate.net/profile/Natasa-Stanojevic/publication/369440339_Russia_and_Western_Balkans_realized_and_missed_opportunities_in_trade/links/641b585a315dfb4cce9fe034/Russia-and-Western-Balkans-Realized-and-Missed-Opportunities-in-Trade.pdf

Частоту европейских публикаций, где в том или ином ключе освещена Российская Федерация, можно объяснить несколькими политическими факторами. Во-первых, именно в рассматриваемый период Кремль стал играть более активную роль на международной арене. Все это так или иначе связано с развернувшимися и продолжающимися конфликтами в Сирии, на Украине, с ухудшением отношений со странами Европейского союза и США.

Во-вторых, согласно мнению многих экспертов, поворотной точкой в отношениях России и западных стран стал 2014 г., когда произошли события в Крыму. Можно предположить, что эмоции, негодования и раздражительные суждения не явились основной темой сербских и хорватских изданий, поскольку в самом балканском регионе остро стоит проблема Косова, чей политический сценарий похож на крымский. Следовательно, фокус постюгославских СМИ сместился на международные отношения и международную безопасность, ставшие особо напряженными с 2016 г. Надо заметить, что ни одна из постюгославских стран, в отличие от России, не вовлечена в глобальную политическую повестку, максимальный политический охват для них — это региональный и европейский уровни [7].

В-третьих, исходя из новой «Концепции внешней политики РФ» 2023 г., следует отметить усиление внимания к проблеме восприятия России за рубежом⁵. Данный фактор послужил толчком для эффективной реализации политики «мягкой силы» в направлении формирования образа государства на внешнеполитической арене. Именно ради этих целей были созданы «Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова» и «Российский совет по международным делам (РСМД)». Главной функцией указанных структур является всестороннее содействие развитию публичной дипломатии, а также укреплению контактов между представителями СМИ, дипломатами, политическими деятелями международного уровня [8].

Очевидно, что медиаобраз России в балканских СМИ представлен упрощенно и однобоко. Несмотря на то что Россия стремится присутствовать на Балканах в различных ипостасях, восточноевропейские медиаиздания в большинстве случаев освещают международные

⁵ URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

события, где Россия присутствует, но не является главным актором.

Удачный выбор внешнеполитического курса — важный, но не единственный определяющий фактор успеха страны на мировой арене. Вместе с ним возросла значимость создания благоприятного имиджа России в целом и ее представителей в частности. Ведущие мировые страны уже давно научились грамотно использовать PR в качестве эффективного инструмента формирования положительного образа страны, который впоследствии помогал им осуществлять те или иные действия [9].

ВЫВОДЫ

Резюмируя основные результаты исследования, перечислим базовые технологии по формированию конструктивного образа РФ в массмедиа стран бывшей Югославии:

1. Сербские медиаплатформы зачастую создают положительный образ Москвы в интересах двух государств, которые представляют единую славянскую нацию. Иногда они прибегают к формированию отрицательного образа, а нейтральное мнение в сербских СМИ звучит крайне редко. Среди технологий следует выделить детализацию имиджа, позиционирование и визуализацию медиа-контента.

2. Что касается медийного поля Хорватии, которое в основном находится под западным и общеевропейским влиянием, здесь используются такие технологии, как мифологизация, метафоризация, демонизация и эмоционализация. Именно эта стратегия способствует еще большему охлаждению двусторонних отношений между Москвой и Загребом и ориентированности последнего на Запад.

3. Методы Черногории мало отличаются от хорватских, также применяются такие технологии, как замена целей, метафоризация, мифологизация. Для укрепления негативного имиджа Россия и поддерживающие ее государства противопоставляются свободе, плюрализму, разделению властей.

Таким образом, в ходе исследования выявлены особенности формирования и продвижения имиджа Российской Федерации в конвергентных медиа балканских государств — Хорватии, Сербии и Черногории, демонстрирующих положительное (Сербия) и нейтрально-отрицательное (Хорватия, Черногория) отношение к событиям в России и ее внешнеполитическому курсу. Имидж Российской Федерации на Балканах подвержен влиянию широкого спектра стратегий, все еще базирующихся в целом на стереотипизации государства, составивших современную основу материалов пост-югославских медиаплатформ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ходанович С. Образ России в зеркале западных СМИ. URL: <https://inosmi.ru/20070503/234331.html>
2. Nedeljkovic M. Balkanmedia. Media and Democracy in South East Europe. URL: <http://www.kas.de/wf/en/71.13628/>
3. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве. *Журналистский ежегодник*. 2012;(1): 93–96.
4. Шундич М. Образ России в хорватских, черногорских и сербских СМИ в период с 24 февраля по 24 августа 2022 года. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2022;(3):128–142.
5. Гучкова Д. Образ России и русской культуры в славянском сообществе конца XIX — начала XX века. *Slavica slovaca*. 2013;(48–2):192–203.
6. Атлагич С. Политическая коммуникация: к проблеме имиджа Росси и его роли в процессе реализации ее интересов за рубежом (на примере Сербии). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2014;30(8):161–166.
7. Пономарева Е.Г., Рудова Г.А. НАТО — Югославия: перспективы расширения Альянса на Балканах. *Вестник Дипломатической академии МИД России*. Россия и мир. 2020;(1):108–125.
8. Пивоваренко А.А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-rossiya-na-balkanakh-myagkaya-sila-cherez-inves/>
9. Репина Л.П. Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога. В сборнике: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. СПб.: Алетейя; 2021.

REFERENCES

1. Khodanovich S. The image of Russia in the mirror of Western media. URL: <https://inosmi.ru/20070503/234331.html> (In Russ.).
2. Nedeljkovic M. Balkanmedia. Media and Democracy in South East Europe. URL: <http://www.kas.de/wf/en/71.13628/>
3. Marushchak A.V. Political and social image of Russia in the American media space. *Zhurnalistskij ezhegodnik = Journalistic yearbook*. 2012;(1):93–96. (In Russ.).
4. Shundich M. The image of Russia in Croatian, Montenegrin and Serbian media in the period from February 24 to August 24, 2022. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki = News of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2022;(3):128–142. (In Russ.).
5. Hučková D. Russian culture in the Slavic community of the late XIX — early XX century. *Slavica slovaca*. 2013;(48–2):192–203 (in Croatian).
6. Atlagic S. Political communication: to the problem of the image of Russia and its role in the process of realization of its interests abroad (on the example of Serbia). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya = Scientific Vedomosti of Belgorod State University. Series: History. Political science*. 2014;30(8):161–166. (In Russ.).
7. Ponomareva E. G., Rudova G. A. NATO-Yugoslavia: Prospects for Alliance Expansion in the Balkans. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir = Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2020;(1):108–125. (In Russ.).
8. Pivovarenko A. A. Modern Russia in the Balkans: “soft power” through investment. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-rossiya-na-balkanakh-myagkaya-sila-cherez-inves/> (In Russ.).
9. Repina L. P. Historical imagology and problems of intercultural dialogue. In the collection: “Own” / “Alien” in cross-cultural communications of the West and Russia. St. Petersburg: Aletheia; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марияна Шундич — аспирант кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Mariyana Shundich — PhD student, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-9880-1936>
 marijana.sundic9@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.07.2023; принята к публикации 30.08.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.07.2023; accepted for publication on 30.08.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-126-133
УДК 796.032.2:796.097(045)

Зимние Олимпийские игры – 2022 на российских государственных телеканалах

А.В. Швецов

Финансовый университет, при Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Современное телевидение транслирует самые интересные спортивные события, не только пропагандируя спорт, но и воздействуя на общественные ценности в пользу активных занятий физической культурой. Во многом благодаря взаимодействию Международного олимпийского комитета и телевидения Олимпийские игры стали главным спортивным событием в мире. В настоящее время телевидение – основной источник материального благополучия для олимпийского движения, так как обеспечивает его финансирование путем покупки прав на телетрансляции и показывая рекламу спонсоров. На рубеже XX и XXI столетий спортивные соревнования были адаптированы под современные требования телевидения, от которого целиком и полностью зависит дальнейшее развитие любого вида спорта. Но и во взаимовыгодном сотрудничестве существует отрицательный момент: телевидение создает иерархию, на вершине которой находятся наиболее популярные в той или иной стране виды спорта. Таким образом, цель исследования – по данным телетрансляций зимних Олимпийских игр – 2022 на общедоступных (государственных) российских телеканалах выявить популярные среди россиян зимние виды спорта.

Ключевые слова: телетрансляции зимних Олимпийских игр; государственные российские телеканалы; рейтинги телетрансляций в зимних видах спорта

Для цитирования: Швецов А.В. Зимние Олимпийские игры – 2022 на российских государственных телеканалах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):126-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-126-133

ORIGINAL PAPER

The 2022 Winter Olympics on Russian State TV Channels

A.V. Shvetsov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Modern television broadcasts the most interesting sports events, not only promoting sports but also influencing social values in favor of active physical education. Owing to the interaction of the International Olympic Committee and television, the Olympic Games have become the main sporting event in the world. Nowadays, television is the major source of material wellbeing for the Olympic movement. Television is one of the key partners of sports, providing its financing through the purchase of broadcasting rights and through the sponsors' television advertising. The further development of any sport entirely depends on television, which adapted sports competitions to its modern requirements at the turn of the 20th and 21st centuries. But there is also a negative point in mutually beneficial cooperation: television creates a hierarchy, at the top of which are the most popular sports in a particular country. The purpose of the study is to analyze TV broadcasts of the 2022 Winter Olympics on public Russian television channels and determine the most popular winter sports among Russians.

Keywords: Winter Olympics broadcasts; state Russian TV channels; TV ratings for winter sports

For citation: Shvetsov A.V. The 2022 Winter Olympics on Russian state TV channels. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):126-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-126-133

ВВЕДЕНИЕ

Согласно правилу 7 Олимпийской хартии¹ Международный олимпийский комитет (МОК) владеет всеми правами и информацией, связанной с Олимпийскими играми (ОИ) и единолично контролирует использование олимпийского телевизионного изображения. Именно телевидение превратило спорт в товар, стоимость которого резко возросла после допуска на ОИ профессионалов [1, 2]. Сейчас телевидение является главным источником финансирования в современном олимпийском спорте. Общие доходы МОК за 2017–2021 гг. составили 7,6 млрд долл. Из них продажа прав на телетрансляции составляет 61%, спонсорство и партнерство приносят 30%, продажа билетов и лицензирование — 5%, другие доходы — 3%².

Продажа прав на телетрансляции началась с Зимней олимпиады — 1960 в Скво-Вэлли (ОЗИ), что стало поворотным моментом в истории олимпийского движения. Если стоимость телетрансляций ОЗИ-60 составила скромные 50 тыс. долл., то ОЗИ-88 в Калгари — почти 325 млн, а ОЗИ-10 в Ванкувере — почти 1,3 млрд долл. [3, 4].

С 1960 по 1972 г. главными получателями доходов от продажи прав на телетрансляции ОИ были организационные комитеты ОИ, а не МОК, который имел с этого 1–4%. Многие революционные изменения в олимпийском движении и олимпийском спорте произошли после 1980 г., когда президентом МОК стал Хуан Антонио Самаранч. Он увидел перспективу роста доходов олимпийского движения за счет продажи прав показа ОИ американским телекомпаниям, причем на долгосрочный период и заблаговременно, когда место их проведения еще не было известно [1, 3]. После ОИ-88 в Сеуле Самаранч утверждал: «Олимпийское движение должно получать большую долю от продажи телевизионных прав. В настоящее время мы получаем 34%, а оргкомитет — 66%. В 1996 г. оргкомитет получит 60%, олимпийское движение — 40%, а в 1998 г. деньги будут разделены поровну» [1].

С 1992 г. МОК стал единственным представителем олимпийского движения, проводящим переговоры по поводу продажи прав на телетрансляции. Львиную долю поступлений в его

бюджет обеспечивают американские телекомпании. В 2014 г. МОК и NBC Universal договорились о продаже прав вещания в США ОИ и ЗОИ с 2022 по 2032 г. за 7,65 млрд долл. Получается, что за этот период NBC Universal будет платить около 1,3 млрд в среднем за каждые Игры. Дополнительной частью этой сделки стало обязательство NBC Universal направлять 100 млн ежегодно на рекламу Игр и олимпийских ценностей с 2015 до 2020 г. [3].

Стратегия МОК в освещении ОИ проста, но эффективна: максимально увеличить телеохват как стран, так и телезрителей. С каждым олимпийским циклом общее количество телезрителей, наблюдающих за ходом ОИ, стабильно и динамично возрастает: в Сиднее-2000 оно составляло 3,6 млрд в Афинах-2004—3,9 млрд а в Пекине-2008—4,4 млрд. Стабильно растет и прибыль МОК. Так, контракты с телекомпаниями принесли МОК в цикле, охватывающем ОЗИ-10 и ОИ-12, 3,9 млрд долл., а в цикле ОЗИ-14 и ОИ-16 — более 4,2 млрд долл. [3, 5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время успешное выступление национальных команд и спортсменов на соревнованиях определяется высоким экономическим уровнем развития, природными и географическими условиями стран, наличием соответствующей спортивной материально-технической базы, а также народными и спортивными традициями [6]. И вполне естественно, что наибольшее внимание болельщиков в разных странах будут привлекать телетрансляции тех видов спорта, в которых местные спортсмены имеют реальные шансы на успешное выступление.

В ОЗИ представители СССР выступали с 1956 по 1988 г. В 1992 г., после распада СССР, существовала команда Содружества независимых государств (СНГ). Команды СССР/СНГ приняли участие в десяти ОЗИ, в которых семь раз побеждали в неофициальном командном зачете (НКЗ) и три раза (1968, 1984 и 1992 гг.) становились вторыми. Так успешно и эффективно на ОЗИ не выступала ни одна страна [6]. Итогом выступлений СССР/СНГ стали 217 медалей — 19,44% от разыгрываемых на этих десяти ОЗИ 372 комплектов наград в двенадцати видах спорта. Получается, что каждую пятую медаль на этих ОЗИ выиграли спортсмены СССР/СНГ.

Доминирование СССР в олимпийском спорте в 1950–1980-х гг. прошлого века во многом

¹ URL: <https://studylib.ru/doc/2033677/olimpijskaya-hartiya?sclid=lt5uc5ovpa110780316>

² URL: <https://olympics.com/ioc/funding>

определялось государственной политикой, направленной на развитие массовой физической культуры и доступности занятий детско-юношеским, студенческим и любительским спортом. Именно массовость занятий физической культурой и спортом во многом определяла результаты СССР в спорте высших достижений. Наиболее популярными были лыжные гонки, хоккей, фигурное катание, скоростной бег на коньках и биатлон. Результаты в этих пяти видах спорта стали основой лидирующего положения СССР/СНГ в медальном зачете на ОЗИ. Из 217 завоеванных олимпийских медалей 201 приходится на эти виды спорта (92%) и лишь 16 — на другие.

С 1994 г. Россия начала выступать на ОЗИ отдельной командой, но победные традиции постепенно стали утрачиваться. Главными причинами снижения результатов стали: изменение идеологии (замена социалистического пути развития на рыночный) и снижение экономических показателей основных отраслей производства, что резко привело к ухудшению материального уровня населения и уменьшению финансирования науки, образования, здравоохранения, физической культуры и спорта. Но, несмотря на эти трудности, советская методика подготовки высококвалифицированных спортсменов, наличие большого числа физкультурно-спортивных объектов, сохранение системы детско-юношеского спорта и заинтересованность государства в успешном выступлении спортсменов на крупных международных соревнованиях позволили России стать первой в НКЗ на ОЗИ-94. В следующих трех ОЗИ Россия вела борьбу с ведущими странами (Норвегия, США, Германия), занимая в НКЗ места с 3-го по 5-е. Затем результаты снизились до уровня второй десятки: ОЗИ-10 — 11-е; ОЗИ-18 — 13-е и ОЗИ-22 — 9-е место. Исключением стали итоги домашних ОЗИ-14, в которых российская команда заняла 3-е место. И опять, как и во времена СССР, основные медальные достижения российских спортсменов приходились на лыжные гонки, хоккей, фигурное катание и биатлон. Но число выигранных олимпийских наград и результативность выступлений российских спортсменов в этих зимних видах спорта (за исключением фигурного катания) значительно снизились по сравнению с показателями предшественников.

Что касается телетрансляций международных соревнований уровня ОИ, ОЗИ, чемпионатов мира и Европы, то в СССР они осуществлялись на

Первом канале, сигнал которого наиболее полно охватывал территорию государства. Из-за отсутствия в то время данных о показателях телетрансляций сложно судить, какие виды спорта были в приоритете у болельщиков, но чаще всего выбор трансляций определялся достижениями советских спортсменов на мировой спортивной арене.

В 90-е гг. прошлого века спорт на российском телевидении почти исчез, и только в начале 2000-х постепенно стал возвращаться на телеэкраны. В 2003 г. телеканал «7ТВ» купил права на трансляцию Кубка мира по биатлону. Через два года телеканал «Спорт» (ВГТРК) перекупил права, и лидирующие позиции в России в зимнем соревновательном сезоне за последние 15–20 лет стали занимать телетрансляции состязаний по биатлону [7]. К домашним XXII ОЗИ в Сочи был создан федеральный спортивный телеканал «Матч ТВ», где показывают почти все крупные международные и российские соревнования.

На последних XXIII ОЗИ, которые проводились в Пекине (КНР) с 4-го по 20-е февраля 2022 г., программа включала состязания в 15 видах спорта. В России прямые телетрансляции всех соревнований ОЗИ-22 осуществляли ведущие государственные (федеральные) телеканалы: «Первый канал», «Россия-1» и «Матч ТВ» (далее — «Первый», «Россия» и «Матч»). Показ наиболее «успешных» видов спорта [хоккей (матчи с участием сборной России), фигурное катание, биатлоне и лыжные гонки] разделили между собой два главных канала страны — «Первый» и «Россия».

Чтобы выявить наиболее популярные зимние виды спорта среди россиян, в данном исследовании сравниваются основные показатели телетрансляций ОЗИ-22. Для этого использовались данные технологической исследовательской компании Mediascop (лидера на российском рынке мониторинга рекламы), СМИ и др. Деятельность компании базируется на международных стандартах проведения исследований. Роскомнадзор в 2019 г. утвердил Mediascop как единого измерителя телеаудитории в России. Учитывались следующие основные показатели телетрансляции: доля, рейтинг и охват. Доля — среднее количество человек, смотревших телеканал, от всей телеаудитории в данный момент; рейтинг — среднее количество человек, смотревших телеканал, от всего населения страны; охват — среднее количество человек, смотревших телеканал/телепрограмму минимум 1 мин.³

³ URL: <https://mediascope.net>

Таблица 1 / Table 1

**Показатели телетрансляций зимних Олимпийских игр – 2022, вошедшие в TOP-10 /
Indicators of TV broadcasts of the 2022 Winter Olympics, included in the TOP-10**

Место	Дата	Вид спорта	Телетрансляция	Телеканал	Рейтинг (%)	Доля (%)	Охват (%)
1	04.02		Церемония открытия	Россия-1	3,8	25,6	9,2
2	05.02	Биатлон	Смешанная эстафета (3)	Первый	3,4	19,3	7,3
4	06.02	Лыжные гонки	Скиатлон. Мужчины (1, 2)	Первый	3,2	18,9	7,9
1	13.02	Биатлон	Гонка преследования. Женщины (11)	Первый	4,5	23,2	7,4
2	13.02	Лыжные гонки	Эстафета. Мужчины (1)	Первый	4,2	24,3	8,9
5	12.02	Хоккей	ОКР – Чехия	Первый	3,0	15,5	9,0
10	12.02	Лыжные гонки	Эстафета. Женщины (1)	Россия-1	2,7	19,3	6,5
1	20.02	Хоккей	Финляндия – ОКР (2)	Первый	4,7	43,9	10,2
2	18.02	Хоккей	ОКР – Швеция	Россия-1	4,2	26,1	11,3
3	15.02	Фигурное катание	Короткая программа. Женщины.	Первый	4,0	29,2	7,8
4	17.02	Фигурное катание	Произвольная программа. Женщины (1, 2, 4)	Россия-1	3,2	24,9	10,3
7	19.02	Фигурное катание	Произвольная программа Спортивные пары (2-4)	Россия-1	3,1	17,7	9,1
9	19.02	Лыжные гонки	Масс-старт. Мужчины (1, 2, 4)	Россия-1	3,1	20,4	7,7
16	20.02		Церемония закрытия	Первый	2,7	13,7	7,9

Источник / Source: URL: mediascope.net

Примечание / Note: в скобках указаны места российских спортсменов / The places of Russian athletes are in brackets.

Компания Mediascop еженедельно подводит итоги телепрограмм по различным направлениям, среди которых нас интересуют: «Программы-лидеры в жанре спортивных программ» и «100 наиболее популярных программ среди россиян в возрасте от 18 до 54-х лет» (далее — «100 популярных программ»).

В категории «Программы — лидеры в жанре спортивных программ» телетрансляции с ОЗИ-22 занимали все первые десять мест, так

как другие соревнования такого масштаба в это время не проводились. Поэтому популярность зимних видов спорта среди российских телезрителей оценивалась при сравнении показателей спортивных телетрансляций с ОЗИ-22 в категории «100 популярных программ», где учитывались все телепрограммы, идущие на 23-х федеральных телеканалах в прямом эфире (новостные, информационно-аналитические, познавательные, музыкальные, социально-

политические, юмористические, спортивные, развлекательные, детские, документальные и др.). По данным еженедельных обзоров, в категории «100 популярных программ» определялось как общее количество спортивных телетрансляций с ОЗИ-22, так и по каждому виду спорта.

В табл. 1 представлены программы, которые вошли в первую десятку (ТОР-10) в номинации «100 популярных программ».

За первую неполную неделю (с 4-го по 6-е февраля) самые высокие показатели телетрансляций были зафиксированы на церемонии открытия XXIII ОЗИ в Пекине. В ТОР-10 вошли трансляции биатлонной смешанной эстафеты (2-е место) и лыжной гонки на 30 км (4-е место). В обоих случаях российские спортсмены были в числе призеров: биатлонисты — третьими, у лыжников же победителем стал А. Большунов, а Д. Спицов занял 2-е место.

За первые три дня в «100 популярных программ» вошли 18 телетрансляций: фигурное катание (места в списке: 49, 61, 68, 76) — 4 трансляции; фристайл (21, 36, 44) и шорт-трек (15, 28, 54) — по 3, лыжные гонки (4, 25) и прыжки на лыжах с трамплина (39, 75) — по 2; санный спорт (23), биатлон (2), хоккей (29), конькобежный спорт (41) — по одной трансляции.

На второй неделе (с 7 по 13 февраля) олимпийских соревнований в ТОР-10 вошли четыре телетрансляции — к биатлону (1-е место) и лыжным гонкам (2 и 10) добавился хоккей (5). Российские лыжники и лыжницы сумели победить в эстафетных гонках.

В число «100 популярных программ» вошли 28 телетрансляций с ОЗИ-22: биатлон (1, 12, 16, 40, 48, 63) — 6 трансляций, лыжные гонки (2, 10, 36, 61, 91) — 5, фигурное катание (23, 37, 50, 64) — 4, шорт-трек (39, 62, 90) — 3, хоккей (5, 57), конькобежный (71, 74) и санный спорт (45, 47) — по 2, прыжки с трамплина (46), фристайл (82), керлинг (69), лыжное двоеборье (93) — все по 1-й.

На третьей неделе (с 14 по 20 февраля) сразу шесть телетрансляций вошли в ТОР-10, что стало свидетельством хорошо спланированной работы федеральных телеканалов — «Первого» и «России», которые сумели полностью удовлетворить потребность болельщиков в спортивных зрелищах, где на первых ролях были представители России. Первые два места в ТОР-10 заняли финал и полуфинал хоккейного турнира с участием

российской команды. В финальной игре наша команда уступила Финляндии со счетом 1:2, но эта программа имела максимальные показатели рейтинга и доли среди всех телетрансляций с ОЗИ-22 — соответственно 4,5 и 43,9%. А полуфинальная игра со Швецией выявила максимальные значения охвата — 11,3%.

Еще три трансляции, вошедшие в ТОР-10 (3-, 4- и 7-е места), приходятся на фигурное катание. Выступления российских фигуристок в короткой и произвольной программах стали одними из главных событий ОЗИ в Пекине. В итоге: первая — А. Щербакова, вторая — А. Трусова и четвертая — К. Валиева.

Трансляция произвольной программы спортивных пар заняла 7-е место. С минимальным преимуществом выиграла китайская пара, на втором месте — Е. Тарасова / В. Морозов, на третьем — А. Мишина / А. Галлямов и на четвертом — А. Бойкова / Д. Козловский.

Девятое место в ТОР-10 заняла телетрансляция гонки с масс-старта у лыжников, в которой победил А. Большунов, вторым стал И. Якимушкин.

Всего за третью неделю в «100 популярных программ» вошли 19 телетрансляций в следующих видах спорта: хоккей (1, 2, 42, 73, 84), фигурное катание (3, 6, 7, 22, 93) и лыжные гонки (9, 19, 35, 43, 86) — по 5 трансляций, биатлон (49, 62, 65) — 3 и керлинг (68) — одна трансляция. Церемония закрытия стала 16-й в списке «100 популярных программ».

По итогам ОЗИ-22 команда РФ выступила лучше, чем 4 года назад, и заняла 9-е место в НКЗ. Результаты медальных выступлений российских спортсменов и число телетрансляций, попавших в ТОР-10 и в «100 популярных программ», в каждом виде спорта на ОЗИ-22 представлены в табл. 2.

Успешнее всего российские спортсмены на ОЗИ-22 выступили в лыжных гонках (11 медалей), фигурном катании (6) и биатлоне (4). Наиболее эффективными (соотношение выигранных медалей к общему числу разыгрываемых в каждом виде спорта) стали показатели в биатлоне: 12%, лыжных гонках — 33%, фигурном катании — 40% и хоккее — 50%. О высоком интересе российских телеболельщиков к олимпийским соревнованиям по биатлону, лыжным гонкам, фигурному катанию и хоккею свидетельствует тот факт, что из 65 телетрансляций, вошедших в «100 популярных программ», 43 приходятся на эти виды спорта.

Таблица 2 / Table 2

Количество медалей спортсменов из РФ и число трансляций TOP-10 и TOP-100 популярных программ в каждом виде спорта на зимних Олимпийских играх – 2022 / Medals of Russian athletes and broadcasts of TOP-10 and TOP-100 popular programs in each sport at the 2022 Winter Olympics

	Виды спорта	I	II	III	Σ	*	**	TOP-100	TOP-10
1	Лыжные гонки	4	4	3	11	12	33,3	12	4
2	Фигурное катание	2	3	1	6	5	40,0	13	3
3	Биатлон	–	1	3	4	11	12,1	10	2
4	Конькобежный спорт	–	1	1	2	14	4,8	3	–
5	Шорт-трек	–	1	1	2	9	7,4	6	–
6	Хоккей	–	1	–	1	2	50,0	8	3
7	Прыжки с трамплина	–	1	–	1	5	6,7	3	–
8	Фристайл	–	–	3	3	13	7,7	4	–
9	Саный спорт	–	–	1	1	4	8,3	3	–
10	Сноубординг	–	–	1	1	11	3,0	–	–
11	Керлинг	–	–	–	–	3	0	2	–
12	Скелетон	–	–	–	–	2	0	–	–
13	Лыжное двоеборье	–	–	–	–	3	0	1	–
14	Горные лыжи	–	–	–	–	11	0	–	–
15	Бобслей	–	–	–	–	4	0	–	–
	Всего:	6	12	14	32	109	9,8	65	12

Источник / Source: URL: mediascope.net

Примечание / Note: * количество разыгрываемых комплектов наград; ** эффективность (результативность) выступлений россиян (%) / * number of reward sets being played; ** efficiency of Russians' performances (%).

В шести других видах спорта достижения скромнее: 3 медали во фристайле, по две — в конькобежном спорте и шорт-треке и по одной — в прыжках с трамплина, санном спорте и сноубординге. Эффективность выступлений: от 3% — в сноуборде до 8,3% — в санном спорте. Еще в пяти видах спорта россияне не выиграли медалей. Получается, что на остальные одиннадцать видов спорта пришлось всего 22 телетрансляции из номинации «100 популярных программ». При

этом не было ни одной подобной трансляции состязаний по скелетону, бобслею, сноубордингу и горным лыжам, что говорит о том, что эти виды спорта интересны в нашей стране только узкому кругу специалистов.

ВЫВОДЫ

1. Права на теле вещание — основной источник финансового благополучия для олимпийского движения и олимпийского спорта, а также эле-

мент, который способствует генерации дохода для самих телекомпаний и спонсоров спорта вообще и ОИ в частности. Сейчас телевидение является основным источником финансирования в современном олимпийском спорте, а телевизионные рейтинги выступают главным критерием успеха или провала тех или иных состязаний и популярности видов спорта. Но, вместе с этим, телевидение усиливает существующее экономическое неравенство различных видов спорта и создает телевизионную иерархию, на вершине которой — наиболее любимые и популярные в той или иной стране.

2. В России прямые телетрансляции ОЗИ-22 осуществлялись на ведущих государственных (федеральных) телеканалах — «Первом канале», «России-1» и «Матч ТВ». Из 65 телетрансляций в 11 видах спорта, которые вошли в список «100 популярных программ» на российском телевидении, 43 приходятся на: фигурное катание — 13, лыжные гонки — 12, биатлон — 10 и хоккей — 8. Телетрансляции соревнований в этих видах спорта поделили между собой «Первый канал» и «Россия-1».

Остальные 22 телетрансляции велись на «Матч ТВ»: шорт-трек — 6, фристайл — 4, прыжки на лыжах с трамплина, конькобежный

и санный спорт — по 3, керлинг — 2 и лыжное двоеборье — 1. Не попали в номинацию «100 популярных программ» соревнования по скелетону, бобслею, сноубордунгу и горнолыжному спорту.

Из 65 спортивных телетрансляций, вошедших в «100 популярных программ», 12 сумели войти в ТОП-10: лыжные гонки — 4; фигурное катание и хоккей — по 3; биатлон — 2.

3. Сравнение эффективности выступлений российских спортсменов на ОЗИ-22 выявили ее прямую взаимосвязь с рейтингами телетрансляций. Наиболее эффективно россияне выступали в хоккее, фигурном катании, лыжных гонках и биатлоне — соответственно 50, 40, 33,3 и 12,1%. Максимальный рейтинг телетрансляции установлен при показе финала хоккейного турнира между командами Финляндии и ОКР — 4,7%; на втором месте — биатлон (4,5%); на третьем — лыжные гонки (4,2%), на четвертом — соревнования фигуристок (4,0%).

4. Таким образом, можно утверждать, что лыжные гонки, фигурное катание, хоккей и биатлон — наиболее успешные для советских и российских спортсменов, а их популярность в России во многом основывается на национальных традициях и многолетней истории развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платонов В.Н., Гуськов С.И. Олимпийский спорт. Кн. 1. Киев: Олимпийская литература; 1994. 496 с.
2. Починкин А.В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России. М.: Советский спорт; 2006. 216 с.
3. Пенья Э.Ф. Управление правами на трансляцию Олимпийских игр: исторический подход. *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*. 2015;1(14):38–49.
4. Ферран А., Шаппле Ж-Л, Сегэн Б. Олимпийский маркетинг. Пер. с англ. М.: Рид Медиа; 2013. 352 с.
5. Зуев В.Н., Смирнов П.Г. К вопросу о коммерциализации олимпийского движения посредством телевидения. *Теория и практика физической культуры*. 2014;(10):43–46.
6. Швецов А.В. Олимпийские зимние игры: этапы развития и страны — лидеры общего медального зачета. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):41–49.
7. Швецов А.В., Никишин И.В. Биатлон и лыжные гонки на российском телевидении в сезоне 2019/2020. *Вестник спортивной науки*. 2020;(6):82–85.

REFERENCES

1. Platonov V.N., Guskov S.I. Olympic sport. Book 1. Kiev: Olimpijskaya literatura; 1994. 496 p. (In Russ.).
2. Pochinkin A.V. Formation and development of professional commercial sports in Russia. Moscow: Sovetskij sport; 2006. 216 p. (In Russ.).
3. Penya E.F. Managing the rights to broadcast the Olympic Games: historical approach. *Vestnik Rossijskogo Mezhdunarodnogo Olimpijskogo Universiteta = Bulletin of the Russian International Olympic University*. 2015;1(14):38–49. (In Russ.).
4. Ferran A., Chappellet J.-L., Seguin B. Olympic marketing. Transl. from Eng. Moscow: Rid Media; 2013. 352 p. (In Russ.).

5. Zuev V.N., Smirnov P.G. On the issue of commercialization of the Olympic movement through television. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2014;(10):43–46. (In Russ.).
6. Shvetsov A.V. Olympic Winter Games: stages of development and leading countries of the overall medal standings. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):41–49. (In Russ.)
7. Shvetsov A.V., Nikishin I.V. Biathlon and cross-country skiing on Russian television in the 2019/2020 season. *Vestnik sportivnoj nauki = Bulletin of Sports Science*. 2020;(6):82–85. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Валентинович Швецов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey V. Shvetsov — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of Physical Education, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3366-6437>

Shvedcov2004@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.11.2023; принята к публикации 15.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.11.2023; accepted for publication on 15.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-134-139
УДК 392.46(045)

Эволюция современного китайского свадебного обряда

В. Дань^а, М. Ли^б

^а Юго-западный университет политики и права, Китай, Чунцин;

^б Сычуаньский университет иностранных языков, Китай, Чунцин

АННОТАЦИЯ

Китайская свадебная культура имеет долгую историю и богата традициями. В своем развитии она прошла два этапа и из традиционной стала современной. Этот процесс является признаком социальной эволюции и прогресса. В данной статье автор анализирует эволюцию традиционных китайских свадебных обрядов и обычаев в шести репрезентативных периодах: династии Цинь (221–207 до н.э.) и Хань (206 до н.э. – 220 н.э.); династии Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.); династии Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1616–1911 гг.); Китайской Республики (с 1912 по 1949 г.); временного периода после образования Китайской Народной Республики до Культурной революции (с 1949 по 1976 г.), а также после начала проведения политики реформ и открытости (с 1978 г.) и до наших дней.

Ключевые слова: Китай; свадебный обряд; ритуал; обычай; традиционная культура

Для цитирования: Дань В., Ли М. Эволюция современного китайского свадебного обряда. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-134-139

ORIGINAL PAPER

The Evolution of Modern Chinese Wedding Rite

W. Dan^а, M. Li^б

^а Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China;

^б Sichuan International Studies University, Chongqing, China

ABSTRACT

Chinese wedding culture has a long history and rich tradition. In its development, it went through two stages and from traditional to modern. This process is a sign of social evolution and progress. The author analyzes the evolution of traditional Chinese wedding rites and customs in six representative periods: the Qing (221–207 BC) and Han (206 BC – 220 AD) dynasties; the Tang (618–907) and Song (960–1279) dynasties; the Ming (1368–1644) and Qing (1616–1911) dynasties; Republic of China (1912–1949); the time after establishing the People's Republic of China until the Cultural Revolution (1949–1976), as well as after the start of the reform and opening-up policy (since 1978) to the present days.

Keywords: China; wedding ceremony; ritual; custom; traditional culture

For citation: Dan W., Li M. The evolution of modern Chinese wedding rite. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-134-139

Свадебные ритуалы и обычаи во всем мире являются одними из ярких показателей уникальности культурных традиций. Китай — не исключение. Китайская свадебная культура имеет долгую историю — со времен династии Цинь (221–207 гг. до н.э.). В разные исторические периоды она демонстрировала как сохранение традиций, так и эволюцию отдельных ритуалов и обычаев.

В Китае существуют разные аспекты свадебного обряда. Так, Ли Цзяофа, Тан Цзыбинь, Чжан Сипо, Лю Юйтан, Чжан Суньцзи и др. рассматривали свадебный обряд с точки зрения закона о браке. Особенности свадеб в разные периоды изучали: Жуань Юань, То То, Чэнь Дусю, Пэй Гэнсинь, Го Сюйхун, Лян Цзинши и др. Специфику свадеб в разных регионах анализировали Дин Шилян, Чжао Фан, Ли Сяюнь и др. Сюе Яли исследовал китайские свадебные церемонии с междисциплинарной точки зрения, а вопросами их эволюции занимались Цюй Яньбинь, Ван Юйбо, Ли Бяо и др.

В то же время в Китае недостаточно изучены остаются процессы эволюции свадебных обрядов после начала проведения политики реформ и открытости. Исследования российских ученых о китайских свадьбах также не затрагивают современные тенденции.

Традиционной, как правило, считают свадьбу ханьцев, возникшую в период правления династии Чжоу, которая состоит из следующих шести обрядов («六礼» («Лю Ли»): «纳采» («На Цай»), «问名» («Вэнь Мин»), «纳吉» («На Цзи»), «纳征» («На Чжэн»), «请期» («Цин Ци»), «亲迎» («Цинь Ин») [1, с. 1680]. Этот тип свадьбы на протяжении веков претерпел множество изменений.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: ПЕРИОД ДИНАСТИЙ ЦИНЬ (221–207 ДО Н.Э.) – ХАНЬ (206 ДО Н.Э. – 220 Н.Э.)

До династии Чжоу свадебная церемония не была веселой и праздничной. Согласно трактату «Ли цзи. Цзяо Тэ Шэн» свадьба считается отрицательным (женским) началом мироздания, а музыка полна положительной (мужской) субстанцией мироздания, поэтому на свадьбе не играет музыка, а гости не поздравляют молодых [2, с. 87]. Ученый-конфуцианец Кун Инда интерпретировал это выражение так: «Хочется, чтобы невеста глубоко задумалась о смысле Инь, чтобы вести себя как порядочная жена» [2, с. 87]. Однако си-

туация изменилась во времена династий Цинь Хань, когда люди начали увлекаться музыкой, и свадьбы стали намного веселее.

Сюань-Ди (91–48 до н.э.) — десятый император династии западная Хань — в 56 г. до н.э. издал указ: «Свадьба — это важное событие в жизни человека, люди должны устраивать банкет с музыкой, чтобы праздновать свадьбу. С этих пор отменяется указ о том, что нельзя устраивать большой пир» [3, с. 85]. Это был первый случай в истории Китая, когда указ отменял традицию. В то время снятие запрета на праздник было фактом эволюции свадебной церемонии. С тех пор данный обычай распространился на всю территорию Китая.

Во времена династии Цинь (246–207 гг. до н.э.) закон предусматривал, что, если мужчина и женщина хотят расторгнуть брак, им следует обратиться в местные органы власти. Если же они самовольно расторгнут брак, то должны заплатить штраф [4, с. 75]. Во времена династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), чтобы упрочить правовой статус женщины, государство включило в законодательство «Семь законных поводов для развода с женой» и «Три случая, когда нельзя отсылать от себя жену» [5, с. 30].

ВТОРОЙ ЭТАП: ПЕРИОД ДИНАСТИЙ ТАН (618–907 ГГ.) И СУН (960–1279 ГГ.)

В данный период произошло много изменений — как в политической системе, так в социокультурном плане, поэтому свадебные обычаи также изменились. Несмотря на то что свадебные обычаи по-прежнему предусматривают шесть обрядов, они постепенно упрощаются, но ценится роскошь и лоск. Согласно историческим источникам «теперь богатые невесты носят красную одежду из шкуры енотовидной собаки, тиару и подвески, нефрит для украшения пояса» [3, с. 85]. А в трактате династии Чжоу указано: «Во время встречи с невестой жених был в тиаре без подвесок (парадный головной убор титулованных особ) и черной одежде. Сопровождающие одеты в сине-зеленые одежды» [3, с. 85]. Отсюда следует, что обычай ношения черных свадебных уборов был введен во времена правления династии Тан.

В связи с обменом и интеграцией различных национальных культур в период Южных и Северных династий (420–589 гг.), а также из-за более открытой политики, получила развитие традиция межэтнических браков. Во времена

династии Тан появилось много свадебных обрядов, взятых у северных меньшинств, например, «催妝» («Цуй Чжуан») — ускорять приезд невесты в дом жениха (через посланного с подарками); «障车» («Чжан Чэ») — когда множество людей толпятся у входа и в переулках, чтобы дождаться прибытия невесты, в результате чего свадебная колесница не может двигаться вперед; «下婿» («Ся Сюй») — когда родные и друзья невесты ударяют жениха бамбуковыми палочками [2, с. 78]. До эпохи Южных и Северных династий в шести обрядах бракосочетания ханьцев не было взаимных поклонов молодоженов, означающих равноправие мужчин и женщин. Затем сформировался обычай, согласно которому супруги совершали поклонения в юрте (место проживания северных кочевников) — то, что Янь Чжэньцин (мастер каллиграфии, 709–784 гг.) называет «虜礼» («Лу Ли»).

В связи с развитием товарного хозяйства все больше внимания уделяется обмену материальными ценностями, что непосредственно влияет на свадьбу. Брачный контракт периода династии Тан до династии Сун представлял собой карточку, куда жених должен был вписать свою земельную собственность и официальную должность. Если он собирался жить в семье жены, то указывал имеющееся у него золото и серебро, имущество, недвижимость и другие активы, которые привозил с собой. Невесте следовало перечислить в карточке свое приданое: имущество, ювелирные изделия, золото и серебро, недвижимость и др.

В период правления Тайцзун¹ правительство династии Северная Сун официально предписало объединить обряды «问名» («Вэнь Мин») и «纳采» («На Цай»), а также обряды «请期» («Цин Ци») и «纳征» («На Чжэн»). В результате «Шесть обрядов» стали «Четырьмя обрядами».

Выдающийся конфуцианский философ времен династии Сун, основатель китайского неоконфуцианства Чжу Си (1130–1200 гг.), в своей книге «朱子家礼» («Этикет в семье») удалил обряды «问名» («Вэнь Мин») и «纳吉» («На Цзи»), и объединил обряды «请期» («Цин Ци») и «纳征» («На Чжэн»). Дальше он упростил шесть обрядов до трех: «纳采» («На Цай»), «纳征» («На Чжэн») и «亲迎» («Цинь Ин»). Таким образом, официальные

свадебные обряды во времена правления династий Юань (1280–1367 гг.), Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) основались на том, что было указано в книге «Этикет в семье».

В первые годы правления династии Тан императоры придавали большое значение разработке и пересмотру законов. Для установления брачных отношений родители обоих супругов должны были совместно подписать брачный контракт, который являлся одним из обязательных условий для вступления в брак. Во времена династии Тан, в дополнение к закону «Семь законных поводов для развода с женой», были установлены такие, согласно которым мужчина мог расторгнуть брак по соглашению. «义绝» «И Цзюе» — прекращение отношений — могло произойти, когда в браке между женщиной и женщиной не было проблем, но у родственников мужа или жены имелись определенные нарушения в отношении родственников другой стороны. В таком случае правительство разрешало супругам пройти процедуру развода в соответствии с законом [7, с. 113]. «和离» «Хэ Ли» — это то, что называется разводом путем согласования, когда расторжение брака для обоих является добровольным. Указывалось, что, если мужчина и женщина разводятся из-за того, что они больше не живут в мире и согласии, это не нарушает никаких законов. Закон предусматривал равенство мужчины и женщины, что в то время было признаком прогресса [8, с. 268].

ТРЕТИЙ ЭТАП: ПЕРИОД ДИНАСТИЙ МИН (1368–1644 ГГ.) И ЦИН (1616–1911 ГГ.)

Во времена династий Сун, Мин и Цин традиции свадебного обряда стали меняться — все чаще проводилась официальная церемония бракосочетания. Считается, что начало этому процессу положил Лю Юе, чиновник — распорядитель обрядами в храме предков императора из династии Поздняя Тан (923–936 гг.). Он по приказанию императора составил труд «新书仪» («Новые этикет в семье»), включающий правила для женщин, такие, как «坐鞍» («Цзо Ань»), когда невеста должна символически сесть в седло, войдя в дом жениха; «合鬢» («Хэ Бинь») — заплести волосы и т.д. [2, с. 84]. С тех пор официальные свадебные обряды в династии Юань, Мин и Цин в трудах «书仪» («Общие правила этикета») политика и историка

¹ Второй китайский император династии Сун (20 ноября 939 — 8 мая 997 г.).

Сима Гуана (1019–1086 гг.) и «家礼» («Этикет в семье») Чжу Си включали в себя народные традиции, такие как: «铺房» («Пу Фан») — обставить покои для новобрачных (в доме жениха); «夫妇交拜» («Фу Фу Цзяо Бай») — взаимные поклоны молодоженов (в конце брачного обряда); «拜门» («Бай Мэнь») — нанести первый визит родителям новобрачной после свадьбы и т.д. Сима Гуан в «Общих правилах этикета» также признал народным свадебным транспортом 檐子 («Янь Цзы») — паланкин, который несут восемь человек [3, с. 89].

В целом, во времена династий Сун, Мин и Цин ученые-конфуцианцы ввели некоторые народные обычаи и внесли большие изменения в традиционные свадебные обряды династии Чжоу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП: ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С 1912 ПО 1949 Г.

Период республики — это время бурных потрясений в политической, экономической системе, а также в том, что касается культурных обычаев. После становления Китайской Республики свадебная церемония имеет тенденцию к упрощению.

Согласно описанию уезда Сусун (городской округ Аньцин, провинция Аньхой) в 1921 г., «первоначально люди следовали деревенским свадебным обрядам: “纳采” («На Цай»), “问名” («Вэнь Мин»), однако этапы упрощаются, а в дальнейшем обряд “亲迎” («Цинь Ин») стал очень редким» [9, с. 969]. В уезде Воян (городской округ Бочжоу провинции Аньхой КНР) в 1926 г. «очень мало людей, которые проводят обряды “纳吉” («На Цзи»), “请期” («Цинь Ци») и “亲迎” («Цинь Ин»)» [9, с. 985]. Таким образом, в тот период происходило сокращение части обрядов, а правительство Китайской Республики настойчиво выступало за запрет проведения роскошных свадеб. Есть свидетельство очевидца, что в уезде Тунлин (район в городском округе Тунлин провинции Аньхой КНР) в 1930 г. «свадьба не стремилась к роскоши... не было свадебного паланкина, красных фонарей и других украшений» [9, с. 940].

Правительство выступало за уничтожение феодальных суеверий, изменение нравов и обычаев. В частности, движение за новую культуру поощряло демократию и науку, выступало против старой морали. Некоторые прогрессивные люди критиковали старые свадебные традиции.

Китайский политический деятель Чэнь Дусю написал статью, в которой подвергал критике старый этикет, унижающий женщин, утверждая, что на Западе, если женщины вторично выходят замуж, общество не пренебрегает ими. В Китае же, если муж умирал, жена не имела права снова выходить замуж — это считалось величайшим позором [10, с. 4]. С проникновением западных традиций в Китай правительство отказалось от церковных религиозных церемоний в пользу европеизированных.

В 1935 г. шанхайское социальное бюро начало планировать организацию новой массовой свадьбы. Первая такая свадьба прошла в небывалой торжественной обстановке — было более ста журналистов и множество жителей Шанхая пришли посмотреть на нее. Церемония массовой свадьбы включает в себя, как правило, музыкальное сопровождение, поклон портрету премьер-министра; затем пары обмениваются поклонами, свидетель вручает сертификаты и сувениры и обращается к новобрачным с приветствием, все фотографируются на память и т.д. [11, с. 78]. Массовая свадьба была торжественной, но простой и дешевой, что сыграло положительную роль в борьбе со старыми обычаями, включающими роскошь и расточительство. Эта традиция стала популярной у молодежи в больших и средних городах, тем не менее многие предпочитали старые обычаи. Таким образом, свадьба периода Китайской Республики отражала черты эпохи замены старого новым в Китае.

В проекте Гражданского права 1915 г. в главе III указано, что «мужчины в возрасте до шестнадцати лет и женщины в возрасте до пятнадцати лет не должны вступать в брак. Если у вас есть супруг, вы не должны вступать в повторный брак. Если у пары нет гармоничных отношений, и она хочет развестись, то может это сделать» [12, с. 71]. С точки зрения правовой нормы мужчины и женщины равны, но в действительности это не так. Юридическая палата национального правительства в судебном толковании правовых норм объясняет, что жизнь с наложницей не является браком, так что это не двоебрачие. В регистрации населения наложница включена в пункт «Члены семьи, живущие совместно», ее статус не указывается. Таким образом, мужчинам фактически было разрешено двоебрачие, что привело к росту многоженства. Многобрачие было самой серьезной проблемой в институте брака в то время.

**ПЯТЫЙ ЭТАП:
ПЕРИОД ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
(С 1949 Г.) ДО ПЕРИОДА КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (С 1966 ПО 1976 Г.)**

В этот период церемония бракосочетания не только отражает новые идеи, но и вносит общепринятые традиции, направленные на защиту открытости и законности брака: фотографирование супругов на память, выдача правительством свидетельства о браке и т.д. [13, с. 202]. Китайский ученый Ли Бяо считает, что в целом традиционные свадебные обряды этого периода были упрощены, а выражение личной воли по-прежнему связано с критериями коллективной или семейной идентичности.

Свадебная церемония проходила следующим образом: новобрачные кланяются портрету Мао и читают наизусть «Цитаты Мао Цзэдуна»²; кланяются свидетелю, родителям, гостям и друг другу; раздают конфеты и фрукты и приглашают гостей на танцы [14, с. 11].

Таким образом, после образования Нового Китая в ритуале подчеркивалось значение организации и коллектива. Новобрачные должны были через обряды доказывать свою абсолютную преданность Родине и партии, проявлять намерение и решимость присоединиться к «Революционной семье». На свадьбы почти всегда приглашали секретаря партийной или комсомольской ячейки в качестве свидетеля. Даже о создании семьи надо было отчитаться перед коллективом. В свадебной церемонии родственные отношения вставали на второй план, а на первый — верность партии и организации.

Как видно, новые свадебные обряды разрушили традиции. Теперь главной выступает социальная функция, а не семья.

Закон о браке, принятый в 1950 г., предусматривал единую систему его регистрации. Однако, чтобы получить свидетельство о браке, мужчины и женщины должны предъявить рекомендатель-

ное письмо, выданное организационной единицей (партийной ячейкой) [13, с. 204].

**ШЕСТОЙ ЭТАП:
ПЕРИОД ПОСЛЕ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ
(С 1978 Г.) ДО НАШИХ ДНЕЙ**

После начала проведения политики реформ и открытости церемония бракосочетания сильно изменилась. Концепция семьи или сообщества, которая ценится в традиционных свадебных церемониях, а также воспитательная функция свадьбы ослабевают, и на первое место выходит демонстрация личности.

Поскольку у современных новобрачных в основном преобладает свободная любовь, традиционные шесть свадебных обрядов, семья и организация не являются неотъемлемой частью свадебной церемонии. Современные свадебные церемонии больше не имеют стандартных процедур, молодожены на свадьбе не следуют формальным ритуалам, но большее значение придают личным чувствам.

Китайский ученый Сюе Яли обнаружил, что в 1960-х гг. основной формой свадьбы был семейный обед обеих сторон; в 1970–1980-х гг. — свадебный банкет, а в 1990-х гг. среди молодежи стал популярен свадебный туризм [15, с. 74].

Одним из результатов политики реформ и открытости было возвращение свадьбе ее первоначальных социальных функций. В 2003 г. Государственный совет опубликовал новое положение, в котором было отменено требование о рекомендательном письме и проведении медицинского освидетельствования, но осталась единая система регистрации [13, с. 204]. После такой реформы для каждого человека брак стал личным делом, а государство лишь предоставляет доказательства его законности и не предъявляет никаких требований к процессу свадебного обряда.

Таким образом, традиционные китайские свадебные обычаи эволюционировали в течение тысяч лет, постепенно упрощаясь и вестернизируясь. Появление европеизированной свадьбы стало знаком того, что китайская свадьба вступила на новый исторический этап. В будущем, с развитием общества и изменением образа жизни, свадебная церемония станет изменяться.

² «Цитаты Мао Цзэдуна» — краткий сборник ключевых изречений Мао Цзэдуна, впервые изданный правительством КНР в 1966 г.

REFERENCES

1. Ruan Y. Thirteen classics explanatory notes and commentaries (with collation).
2. Beijing: Zhonghua Book Company; 1980. 2784 p. (In Chinese).
3. Qu Y.B. History of Chinese Wedding Ceremonies. *Folklore study*. 2000;(2):75–88. (In Chinese).
4. Wang Y.B. The birth and Evolution of Chinese wedding. *Historical Research*. 1990;(4):79–94. (In Chinese).
5. Li J.F., Tang Z.B. History of Chinese legal system. Changsha: Hunan People's Publishing House; 2001. 428 p. (In Chinese).
6. Zhang X.P. History of marriage legislation in China. Beijing: People's Publishing House; 2004. 559 p. (In Chinese).
7. Tuo T. History of the Song Dynasty. Beijing: Zhonghua Book Company; 1977. 263 p. (In Chinese).
8. Liu Y.T. On the system of "unrighteousness" in Tang Dynasty and its legal consequences. *Journal of Central South University for Nationalities*. 2005;(6):113–117. (In Chinese).
9. Zhangsun W.J. Code of the Tang Dynasty. Beijing: Zhonghua Book Company; 1983. 676 p. (In Chinese).
10. Ding S.L., Zhao F. Records of Bozhou. Compilation of Chinese Local Chronicles and Folk Customs: East China Volume (Middle). Beijing: Bibliographic Publishing House; 1995. 1354 p. (In Chinese).
11. Chen D.X. The Way of Confucius and Modern Life. *New Youth*. 1916;2(4). (In Chinese).
12. Pei G.X., Guo X.H. Marriage customs and marriage law in the Republican period. *Journal of Lanzhou University*. 2008;(1):76–81. (In Chinese).
13. Liang J.S. Discussion on the Evolution of Marriage Customs in the Late Qing Dynasty and the Early Republic of China. *Journal of Shanxi Normal University*. 1999;(1):70–73. (In Chinese).
14. Li B. Changes in Chinese Wedding Rituals and the Presence of the State. *Social Science*. 2013;(28):202–204. (In Chinese).
15. Li X.Y. The Change of Wedding Ceremonies in the city — A case study of Weddings in downtown Shanghai. Shanghai: Shanghai University; 2014. 74 p. (In Chinese).
16. Xue Y.L. Marriage Etiquette: A Multidisciplinary analytical Framework. *Social Science*. 2009;(8):71–78. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дань Ван — старший преподаватель Института иностранных языков, Юго-Западный университет политики и права, Китай, Чунцин

Dan Wang — Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China

<https://orcid.org/0009-0004-2991-2887>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

wangdan1990112@163.com

Минда Лу — доцент Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Китай, Чунцин

Mingda Li — Associate Professor, Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, China

<https://orcid.org/0009-0006-3382-8308>

limingda212@163.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.08.2023; принята к публикации 10.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.08.2023; accepted for publication on 10.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-140-145
УДК 336;316.6(045)

Исследования доверия населения к финансовым институтам: актуальные проблемы и особенности оценки

Е.В. Трутенко, Е.С. Конищев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях информатизации общества доверие как экономический фактор становится особенно значимым, что обусловлено растущей ценностью информации как ресурса. Несмотря на это, изыскания в указанной области имеют преимущественно разрозненный характер, в том числе применительно к оценке доверия. Таким образом, цель статьи – выявление существующих научных пробелов в исследованиях доверия населения к финансовым институтам. Авторами использовались общенаучные методы, включая анализ трудов российских и зарубежных ученых по данной теме. В результате проведенной работы отмечается отсутствие единого подхода к исследованию доверия, также обнаружена фокусировка на отдельных аспектах и составляющих данного явления. В заключение сделаны выводы о том, что исследования доверия требуют комплексного подхода, охватывающего больший спектр факторов и условий, – не только для более полного его изучения, но и для выявления тенденций развития финансового сектора. **Ключевые слова:** финансовые институты; доверие; социологические исследования; факторы доверия; доверительная среда

Для цитирования: Трутенко Е.В., Конищев Е.С. Исследования доверия населения к финансовым институтам: актуальные проблемы и особенности оценки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):140-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-140-145

ORIGINAL PAPER

Research on Public Confidence in Financial Institutions: Current Problems and Peculiarities of Assessment

E.V. Trutenko, E.S. Konishchev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the context of society's informatization, confidence as an economic factor becomes especially important because of the growing value of information as a resource. Despite this, researchers mostly scatter studies in this field, including those related to assessing confidence. Thus, the paper's aim is to identify existing scientific gaps in the research of public confidence in financial institutions. The methods used were general scientific methods, including an analysis of Russian and foreign scientific studies. Finally, the authors concluded that a comprehensive approach is necessary to study confidence in financial institutions. This approach should cover a wide range of factors and conditions, allowing for a fuller understanding of this phenomenon and identifying trends in the financial sector development.

Keywords: financial institutions; confidence; sociological research; confidence factors; confidence environment

For citation: Trutenko E.V., Konishchev E.S. Research on public confidence in financial institutions: Current problems and peculiarities of assessment. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):140-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-140-145

ВВЕДЕНИЕ

В современной экономике доверие населения финансовым институтам выступает в качестве важного критерия развитости и зрелости финансовой среды, а также свидетельствует о высокой финансовой грамотности населения. Сущность доверия как явления определяется множественностью условий. В связи с этим учет комплексного характера доверия в фундаментальных и прикладных исследованиях представляется значимым аспектом развития соответствующего научного направления. Это является особенно актуальным в условиях растущей геополитической напряженности. Неопределенность на мировом уровне и связанные с этим риски обуславливают необходимость гибкого и адаптивного поддержания национальной экономической безопасности. Так, высокий уровень доверия населения финансовым институтам и созданная доверительная среда способны служить одними из важнейших индикаторов устойчивости экономики страны. Комплексные исследования данного явления также могут способствовать выявлению проблем в финансовом секторе в целях их своевременной

нейтрализации. Вместе с тем в существующих исследованиях различных организаций зачастую не удается детально рассмотреть сложную сущность этого явления и, как следствие, получить более содержательные результаты, касающиеся состояния финансового сектора и тенденций его развития. В связи с этим в данной статье собраны и проанализированы актуальные работы в данной научной области, которые позволят выделить основные проблемы изучения и оценки доверия финансовым институтам в современной России.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одними из первых отечественных исследователей, изучавших данную проблему, были О.Е. Кузина и Д.Х. Ибрагимов [1–3]. По результатам проведенных опросов и серии интервью, которые были распределены по группам в зависимости от возраста и типа поселения, ученые пришли к закономерному выводу о том, что главную роль в системе формирования доверия населения финансовым институтам играет информированность граждан об их деятельности: «более сведущие в плане управления личными финанса-

Таблица / Table

Уровень доверия населения к финансовым институтам, в % от всех опрошенных, выбравших «полностью доверяю» и «скорее доверяю» за период с 2012 по 2018 г. / The level of public confidence in financial institutions, as a percentage of all respondents who chose “confide completely” and “rather confide” for the period from 2012 to 2018

Тип финансового института	Периоды измерений						
	2012	2013	2014	Ноябрь 2015	Июль 2016	Июль 2017	Ноябрь 2018
Банки	64	78	74	59	67	60	65
Страховые организации	35	41	38	34	40	35	36
Инвестиционные компании	17	19	19	16	18	17	15
Микрофинансовые организации	14	13	11	11	8	5	6
Негосударственные пенсионные фонды	19	19	19	22	24	15	15

Источник / Source: составлено авторами по: URL: <https://nafi.ru/analytics/doverie-bankam-strakhovym-kompaniyam-i-npf-zametno-snizilos/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-rossiyan-k-bankam-rastet/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-finansovym-organizatsiyam-snizilos/> / compiled by the authors on: URL: <https://nafi.ru/analytics/doverie-bankam-strakhovym-kompaniyam-i-npf-zametno-snizilos/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-rossiyan-k-bankam-rastet/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-finansovym-organizatsiyam-snizilos/>

ми, характеризуются большей степенью доверия к банкам и государственным регуляторам» [2].

Параллельно с упомянутыми исследователями многие общественные организации и аналитические центры также занимаются изучением данного вопроса.

Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) начиная с 2005 г. проводит ежегодный мониторинг уровня доверия населения финансовым институтам методом анкетирования и личного интервью граждан. Основными критериями оценки выступают информационная открытость деятельности институтов, их надежность и то, насколько выгодно пользоваться их услугами. В *таблице* представлены результаты анализа ответов респондентов на вопрос: «Насколько вы доверяете следующим финансовым организациям?»

Полученные данные были визуализированы на *рисунке*. Можно заметить, что измерения показателя являются неравномерными. За весь период наибольший уровень доверия распространяется на банковские (более 60%) и страховые (35%) организации, в то время как наименьшие показатели — у микрофинансовых организаций. Несмотря на существенные колебания значений уровня доверия за рассматриваемый период, которые обосновываются нестабильной внешнеполитической ситуацией и изменением политики Банка России, в 2018 г. ситуация была очень похожа на ту, что наблюдалась в 2012 г. Однако это не распространяется на микрофинансовые организации, уровень доверия к которым стремительно падает на протяжении 6 лет.

Отдельно стоит обратить внимание на перечень вопросов, использованных в рамках исследования. Результаты работы, находящиеся в открытом доступе [4], позволяют говорить о том, что перечень вопросов направлен, скорее всего, на выявление индивидуально-поведенческих, а не социально-экономических особенностей доверия. Иными словами, большее внимание уделяется источникам и способам получения информации о финансовых институтах и услугах, качеству обслуживания и т.д. Это позволяет лучше понять модель поведения человека при взаимодействии с финансовыми институтами, однако не дает информации о проблемах самого финансового сектора, а также об особенностях взаимодействия финансовых институтов с гражданами.

Следует упомянуть об исследованиях Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), которые сосредоточены на изучении вопроса доверия банковским организациям¹. Однако основные вопросы, задаваемые респондентам во время личных интервью, касались отношения населения непосредственно к системе страхования вкладов, а не деятельности организаций в целом. Поэтому анализ и применение полученных результатов в контексте нашей статьи представляется достаточно проблематичным.

Разнонаправленность изменения уровня доверия также была выявлена по результатам исследования Левада-центра² (включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), проведенного в 2018 г. Регулярность подобных опросов позволяет отслеживать индекс доверия населения финансовым институтам и органам государственной власти. Однако необходимо учитывать тот факт, что в исследованиях Левада-центра переплетаются понятия одобрения и доверия. Иными словами, определенная часть населения может одобрять действия финансовых институтов, но не доверять им. Также указанные исследования в значительной степени являются политизированными, что может негативно сказываться на объективности и достоверности полученных результатов.

В 2019 г. Банк России опубликовал отчет, где были сформированы три группы показателей, влияющих на общий уровень доверия населения финансовым институтам: индивидуальные (ценностные установки отдельных граждан, социальные предпочтения), институциональные (ценности и полномочия регуляторов) и социальные (принадлежность к социальным группам, глобализация, цифровизация экономики). Кроме того, указывалось, что одна из целей Банка России — формирование доверительной среды для устойчивого развития государства.

Исследовательский холдинг «Ромир» в своих работах связывает уровень доверия финансовым институтам с деловой репутацией компании [5]. Согласно исследованию, рассчитываемый индекс доверия отражает приверженность потенциальных и текущих клиентов бренду той или иной финансовой организации. Поэтому

¹ URL: <https://fom-gk.ru/>

² URL: <https://www.levada.ru/>

Рис. / Fig. **Динамика уровня доверия к финансовым институтам (на основе исследований НАФИ) / Dynamics of the confidence level in financial institutions (based on NAFI research)**

Источник / Source: составлено авторами по: URL: <https://nafi.ru/analytics/doverie-bankam-strakhovym-kompaniyam-i-npf-zametno-snizilos/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-rossiyan-k-bankam-rastet/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-finansovym-organizatsiyam-snizilos/> / compiled by the authors on: URL: <https://nafi.ru/analytics/doverie-bankam-strakhovym-kompaniyam-i-npf-zametno-snizilos/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-rossiyan-k-bankam-rastet/>; <https://nafi.ru/analytics/doverie-finansovym-organizatsiyam-snizilos/>

полученные результаты не позволяют говорить о достоверности информации касательно уровня доверия финансовым институтам, в частности банковским организациям.

Таким образом, вне зависимости от того, какая именно организация или группа ученых проводит изыскания, явно прослеживается консервативная стратегия поведения населения России, поскольку уровень доверия банковским и страховым организациям остается достаточно стабильным. В то же время отношение к инвестиционным и микрофинансовым организациям, а также негосударственным пенсионным фондам либо снижается, либо сохраняется на достаточно низком уровне, что говорит об их невостребованности. Отдельно следует отметить, что на данный момент существует сравнительно небольшое количество работ, касающихся повышения доверия населения финансовым институтам с помощью инструментов государственной информационной политики, что говорит о недостаточном внимании к данному вопросу со стороны ученых.

Несколько лет назад значительный вклад в изучение особенностей комплексной оценки уровня доверия населения финансовым институтам был внесен группой ученых из Финансового университета при Правительстве РФ под руководством профессора О.И. Лаврушина. Результатом их многолетних усилий стала монография [5], где был сделан акцент на изучении факторов формирования доверительной среды финансового рынка, современных подходов и практик оценки уровня доверия его участников, а также критериев финансового доверия в представлении экспертов.

Важное значение имеют проанализированные и классифицированные авторами работы факторы: надежность, уровень регулирования и надзора, доверие к правительству, финансовая грамотность населения, состояние макроэкономики и финансового рынка, качество продуктов и услуг (оценка доступности, добросовестность и недопущение мошенничества, соответствие ценовой политики рыночным параметрам), деловая репутация и имидж. Данные факторы,

разработанные для экспертной оценки рынка финансовых услуг, на наш взгляд, могут быть использованы для анализа источников формирования доверия финансовым институтам населения Российской Федерации. Наиболее ценным результатом монографии стала разработка комплексного индекса оценки уровня доверия участникам финансового рынка, предполагающая дифференцированные критерии для кредитных, страховых, микрофинансовых организаций, а также негосударственных пенсионных фондов [5].

ВЫВОДЫ

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что в условиях формирования цифровой экономики в Российской Федерации и усиливающихся противоречий на международной арене вопросы поддержания и развития доверия населения к финансовым институтам становятся особенно актуальными. Стабильная и устойчивая финансовая система выступает не только одним из важных аспектов национальной экономической безопасности, но и значимым элементом привлекательной инвестиционной среды.

Доверие со стороны населения к финансовым институтам — это сложная характеристика, которая связана как с уровнем финансовой грамотности населения и его осведомленности о принципах функционирования финансового рынка, так и с проводимой государственной финансовой политикой, деятельностью регулирующих и надзорных органов, общими тенденциями развития финансового сектора страны [6, 7]. Вместе с тем исследования в данной области могут выявить актуальные проблемы финансовой системы. В связи с этим комплексные подходы, основанные на учете различных факторов, а также социально-политических и экономических тенденций, обеспечат гибкие возможности мониторинга состояния финансового сектора.

Несмотря на сходство результатов, полученных различными организациями, зачастую исследовательские методы не дают возможности выявить более глубокие и существенные аспекты доверия как явления. Таким образом, перспективным направлением развития соответствующих исследований представляется наращивание их комплексности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета, ВТК-ГЗ-50-23.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University, ВТК-ГЗ-50-23.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ибрагимова Д. Х. Доверие населения финансовым институтам: концептуализация, операционализация, измерение. *Банковское дело*. 2011;(9):46–52.
2. Ибрагимова Д. Х. О доверии населения финансовым институтам. *Деньги и кредит*. 2012;(4):65–71.
3. Кузина О. Е. Доверие финансовым институтам: опыт эмпирического исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010;4(98):26–39.
4. Имаева Г. Р., Аймалетдинов Т. А., Шарова О. А. Доверие россиян банкам. URL: https://nafi.ru/upload/thematic_review_dec.pdf
5. Лаврушин О. И., Ларионова И. В., Валенцева Н. И. и др. Доверие к участникам финансового рынка: модели его оценки и повышения в условиях цифровой трансформации. М.: КноРус; 2021. 232 с.
6. Купрейченко А. Б., Мерсиянова И. В., ред. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ; 2013. 564 с.
7. Линченко А. А., Корнева Ж. В., Трутенко Е. В. Преподавание финансовой грамотности в образовательных организациях Липецкой области: анализ результатов мониторинга. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022;(5):36–42. DOI: 10.20339/AM.05–22.036

REFERENCES

1. Ibragimova D. Kh. Public trust in financial institutions: conceptualization, operationalization, measurement. *Bankovskoe delo = Banking*. 2011;(9):46–52. (In Russ.).
2. Ibragimova D. Kh. On public trust in financial institutions. *Den'gi i kredit = Money and credit*. 2012;(4):65–71. (In Russ.).
3. Kuzina O. E. Trust in financial institutions: experience of empirical research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2010;4(98):26–39. (In Russ.).
4. Imaeva G. R., Aimaletdinov T. A., Sharova O. A. Russians' trust in banks. URL: https://nafi.ru/upload/thematic_review_dec.pdf (In Russ.).
5. Lavrushin O. I., Larionova I. V., Valentseva N. I. [etc.] Trust in financial market participants: models for assessing and increasing it in the context of digital transformation. Moscow: KnoRus; 2021. 232 p. (In Russ.).
6. Kupreichenko A. B., Mersiyanova I. V., eds. Trust and distrust in the development of civil society. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VSHE; 2013. 564 p. (In Russ.).
7. Linchenko A. A., Korneva Zh. V., Trutenko E. V. Teaching financial literacy in educational institutions of the Lipetsk region: analysis of monitoring results. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2022;(5):36–42. (In Russ.). DOI: 10.20339/AM.05–22.036

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Владимировна Трутенко — лаборант-исследователь Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Trutenko — Laboratory Research Assistant, Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0006-1038-5532>

evtrutenko@yandex.ru

Евгений Сергеевич Конищев — младший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniy S. Konishchev — Junior Research Associate, Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9733-4821>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

eskonishchev@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.03.2023; принята к публикации 10.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.03.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Участники фондового рынка в социальной структуре российского общества в XVIII–XX веках

М.А. Шитова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу социальных трансформаций, затрагивающих широкие слои населения, в контексте динамики развития российского фондового рынка в XVIII–XX вв. Автор рассматривает исторический путь развития рынка ценных бумаг в России, начиная с его зарождения и заканчивая закрытием бирж в XX в., и приходит к выводу, что на протяжении этого периода менялся не только социальный состав его участников, но и их финансовое состояние, влияющее на положение в обществе. В работе описаны участники фондового рынка, выявлено, к какому социальному классу они принадлежали, определены цели их вхождения на рынок и условия, в которых они осуществляли свою деятельность. Также автор задается вопросом: возможно ли было обеспечить социальную мобильность в XVIII–XX вв., торгуя ценными бумагами?

Ключевые слова: торговля; финансовый рынок; фондовый рынок; рынок ценных бумаг; инвестиции; финансовое состояние; социальная структура; социальная мобильность; российское общество

Для цитирования: Шитова М.А. Участники фондового рынка в социальной структуре российского общества в XVIII–XX веках. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):146-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-146-152

Stock Market Participants in the Social Structure of Russian Society in the 18th — 20th Centuries

M.A. Shitova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analysis of social transformations affecting broad sections of the population in the progress's dynamics of the Russian stock market in the 18th–20th centuries. The author examines the historical path of the securities market advancement in Russia. Also, the research states that starting from its inception and ending with the closure of exchanges in the 20th century. The study examined the stock market participants, their social class, goals for entering the market, and the conditions under which they operated. The author also brings up the point of whether social mobility was possible in the 18th – 20th centuries through securities trading?

Keywords: trade; financial market; stock market; securities market; investment; financial condition; social structure; social mobility; Russian society

For citation: Shitova M.A. Stock market participants in the social structure of Russian society in the 18th – 20th centuries. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):146-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-146-152

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая историю появления и динамику развития фондового рынка по всему миру, мы наблюдаем общую закономерность — появление социальных трансформаций в обществе, затрагивающих не только частных участников рынка — трейдеров и инвесторов, но и сторонних наблюдателей — граждан, являющихся свидетелями преобразований рынка. Фондовый ры-

нок, претерпевая многочисленные изменения на протяжении всей истории своего существования, незаметно для исследователей создал новое социально-экономическое пространство, в которое вовлечены участники рынка — представители разных сословий. Спекулянты всегда тяготели к риску, желанию быстро разбогатеть и изменить свой социальный статус в короткие сроки. Джозеф Гиббонс — чикагский биржевой трейдер — в ин-

тервью для документального фильма «В биржевой яме» («Floored», реж. Дж. А. Смит, 2009 г.) представил свою точку зрения: «Кто-то однажды сказал, что торговля на бирже дает синим воротничкам шанс стать крупными игроками. Биржевая торговля преследует две цели: первая — заработать больше денег, вторая — управлять большими деньгами. И чем быстрее ты заработаешь, тем быстрее сможешь изменить свою жизнь».

Стремясь изменить свою жизнь и социальный статус, люди на протяжении веков так или иначе участвовали в биржевых торгах, рискуя собственными денежными средствами. Покупая и продавая ценные бумаги с помощью биржевых операций, участники рынка могли изменить свое финансовое состояние и, соответственно, положение в обществе. Конечно же, немногие трейдеры и инвесторы улучшили свой социальный статус, торгуя ценными бумагами. В упомянутом выше фильме «В биржевой яме» один из трейдеров утверждает: «Одному уготована нищета, а другому — прибыль. Звучит печально, но это так».

Но несмотря на это, интерес к бирже со стороны общества никогда не пропадал, то усиливаясь, то ослабевая, — в зависимости от экономической ситуации, событий на фондовом рынке или же факторов мирового масштаба. Также стремительно менялось и отношение участников биржевых торгов к рынку ценных бумаг, вызывающему у них то позитивные, то негативные эмоции, глубоко проникающие в подсознание и формирующие социальный опыт. Вследствие этого мы можем говорить о глубоких социальных трансформациях, которые незаметны с первого взгляда, но при этом воздействуют не только на участников фондового рынка, но и все общество.

Если обращаться к истории фондового рынка, то до XVIII в. в большинстве стран он представлял собой торговлю хлебом, кофе, табаком, специями, шерстью, серебром, мехами и другими востребованными товарами того времени (лишь спустя несколько веков появилась торговля ценными бумагами). То есть в то время фондовый рынок представлял собой товарную биржу для представителей купечества.

Первые биржи как специализированные места для заключения торговых сделок между покупателями и продавцами появились еще в Древнем Риме во II в. до нашей эры. Что же касается долговых обязательств и ценных бумаг, то первые вексельные ярмарки стали проводиться только в IX в. в Италии, а с XIII в. — в Брюгге. Появление вексельных опе-

раций позволило осуществлять сделки с товарами в оговоренные сроки по определенным характеристикам. Одна из крупнейших и старейших бирж в Европе — Лондонская фондовая биржа (London Stock Exchange) — начала свою историю как Королевская биржа (Royal Exchange) с 60-х гг. XVI в. Стоит отметить, что более ста лет она была преимущественно товарной и только с 1695 г. появилась возможность заключать сделки с гособлигациями и акциями предприятий. Первая официальная фондовая биржа (LSE) была открыта в Лондоне в 1802 г. и до сих пор остается главной биржей Европы.

УЧАСТНИКИ ФОНДОВОГО РЫНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В истории отечественного фондового рынка первой стала Санкт-Петербургская фондовая биржа, открытая в 1703 г., а в 1839 г. появилась Московская биржа [1]. Первая российская биржа представляла собой организованное Петром I собрание купцов на Троицкой площади Санкт-Петербурга. В 1810 г. на Васильевском острове было построено здание Петербургской фондовой биржи, ставшее поистине культурным наследием России и символом экономической и социальной жизни страны для приезжих иностранцев. Согласно летописи «Разместитель биржевых бумаг в России», «Еще не все европейские государства в ту эпоху считали необходимым устраивать подобные учреждения. К тому времени биржи существовали только в Голландии, Лондоне и некоторых французских провинциях»¹. Помимо Санкт-Петербурга, Пётр I планировал открыть подобные биржи и в других крупных купеческих городах, но они начали свою деятельность только спустя столетие [2].

Главная задача биржи, по идее Петра I, заключалась в объединении купцов, территориально рассредоточенных по стране, и контроле торговых сделок между ними. Все желающие — как русские, так и иноземные торговцы — имели возможность посещать и заключать сделки на Санкт-Петербургской бирже, где изначально производилась только внешняя торговля российскими товарами. Таким образом, на бирже того времени торговали только российские и иностранные купцы 1–3-й гильдии.

В XVIII в. было установлено определенное время проведения торговли — с 11 до 13 часов. Очевидцы описывали атмосферу до начала открытия торгов: «Кто подъезжал на кровных рысаках,

¹ URL: <http://museum.moex.com/annals/03/index.html>

кто тянулся на извозчике, а кто и пешком. Между собравшимися велись оживленные разговоры, сновали маклеры, время от времени сообщавшие интересующимся условия торговли... Характерно, что среди присутствующих преобладала немецкая речь. Изящные цилиндры и засаленные картузы, франтовые пальто, визитки и характерные чуйки составляли одну шумную возбужденную массу»². Но в связи с ограничением во времени, биржевые сделки часто заключались уже после официальных торгов, за пределами здания биржи [2].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что биржи в России появились по инициативе государства, а в Западной Европе — в связи с увеличением объемов оптовой торговли и усложнением денежных расчетов [3]. К тому же в XVIII в. в Российской империи не существовало акционерных компаний, выступающих эмитентами фондового рынка. Поэтому до XIX в. европейские и российские биржи оставались исключительно товарными, на них осуществлялись сделки по продаже и покупке, страхованию судов и реже — с векселями и иностранной валютой [2].

Закон об акционерных компаниях был издан в 1836 г. и способствовал появлению на Санкт-Петербургской бирже ценных бумаг, вызывающих большой интерес у населения [4]. Одни покупали ценные бумаги для сохранения сбережений, а другие — для спекуляций. Именно с этого времени в России зародился фондовый рынок, способствующий перемещению биржевых игроков в социальном пространстве.

С 1839 г., после открытия Московской биржи, торги ценными бумагами стали производиться и на ней, привлекая внимание людей из разных слоев общества. Н. А. Найденов вспоминал: «...азарт, с которым велось это дело, стал принимать страшные размеры, являвшиеся слухи, что такой-то в неделю нажил 50 тыс. и более, втягивали новых лиц в это болото» [1]. В 1850-е гг. у русского народа появился небывалый интерес к фондовому рынку. Экономический журнал «Вестник промышленности» писал: «Все классы под влиянием этого увлечения: в обществе, в театре, в собраниях люди говорят только о коммерческих оборотах, биржах, спекуляциях, ценах различных акций...» [2]. Также очевидцы отмечали, что как только создавались новые акционерные общества, то их акции моментально раскупались, а потом перепродавались

с надбавкой. Однажды в Петербурге, чтобы купить ценные бумаги недавно зарегистрированной компании, люди ночевали у дверей конторы.

На становление фондового рынка значительно повлияла отмена крепостного права в 1861 г. Благодаря этому мощный импульс для развития получила крупная промышленность, сформировался рабочий класс, а активная индустриализация привела к экономическому росту, созданию многочисленных акционерных обществ и их выходу на биржу. В то время многие вкладывали денежные средства в ценные бумаги, а биржевая игра стала настолько популярна, что в конце 1868 г. в Санкт-Петербурге Альфред Бетлинг организовал неофициальную фондовую биржу — закрытые (частные) собрания в ресторане гостиницы «Демут» [5]. Ее главная цель заключалась в установлении курса ценных бумаг до открытия официальной биржи: «...в Демутовом отеле собирались представители разных общественных слоев и положений: маклера, банкиры, генералы, чиновники. Они собирались утром от 1¹/₂ (13:30) до 2¹/₂ (14:30) часов и за бокалами шампанского гнали вверх бумаги, без всякого разбора... Установив цены, члены отеля отправлялись на биржу и поднимали или опускали там бумаги, как хотели» [6]. И если на официальную биржу допускался не каждый, то на неофициальные — любой желающий.

Небывалый интерес к торговле ценными бумагами сохранялся несколько лет. Так, 1869 г. «можно назвать годом спекулятивным. Одушевление, с которым производились обороты бумажных ценностей, охватившее все классы общества, распространилось подобно заразной эпидемии» [7]. В то время биржевая торговля стала распространенной не только среди мужчин, но и среди женщин. Е. И. Ламанский вспоминал: «Дух спекуляции охватил... всю Россию... Весь народ, даже неграмотный, усвоил себе понятие о процентных бумагах, свободно обращающихся на биржах, о разных акциях, облигациях и т.д.» [8]. А журнал «Русский экономист» замечал: «Министры и другие сановники, чиновники всех рангов бросились играть на бирже, помещики стали продавать имения, домовладельцы — дома, купцы побросали торговлю, многие заводчики и фабриканты преобразовали свои учреждения в акционерные компании, вкладчики в правительственных банках начали выбирать оттуда свои вклады, — и все это бросилось в азартную игру на бирже...» [2].

Интерес к биржевой торговле со стороны различных социальных слоев общества продолжался

² URL: <http://museum.moex.com/annals/03/index.html>

до конца лета 1869 г. За это время благодаря резким скачкам стоимости бумаг многие участники рынка заработали приличный капитал. Но уже осенью того же года недавно востребованные ценные бумаги стали падать в цене. Спрос со стороны покупателей снизился вследствие повышения ссудного процента и других экономических факторов. Это привело к знаменитому биржевому кризису 1869 г., который вызвал массовую панику, многочисленные банкротства и формирование недоверия граждан к ценным бумагам на долгое время. И только спустя несколько десятилетий, в 90-е гг. XIX в., благодаря росту доходов в сфере промышленности и железнодорожного строительства граждане вновь заинтересовались биржевой торговлей. В то время играли все, около бирж «появились совершенно дотоле неведомые лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики, просто люди без определенных занятий» [9]. Из воспоминаний биржевого репортера А.Р. Кугеля также известно, что в 1895 г. «все играли, и стар, и млад, и юноша в семнадцать лет, и старик с седой головой. Дамы в особенности, генералы — преимущественно» [10]. А для тех, кто не имел доступа к официальной бирже, свои двери открыли провинциальные банки. Известный русский экономист М.И. Туган-Барановский так описывал события тех лет: «Страсть к биржевой игре охватила обширные круги общества; официальная биржа не могла вместить всех желавших принять участие в биржевой вакханалии, и некоторые модные рестораны гостеприимно открыли свои двери для биржевых игроков, для которых на официальной бирже не находилось места» [11].

Вследствие появления на фондовом рынке людей разных сословий стали формироваться определенные сообщества со схожим социальным положением, финансовым состоянием и способом ведения инвестиционных дел. Одни собирались в лучших банках, другие — в банкирских конторах, третьи — у меняльных лавок. Чиновник министерства финансов В.Т. Судейкин выявил несколько групп биржевых торговцев того времени. Первая состояла из солидных людей с большими финансовыми возможностями, которые, если «повысится курс дивидендной бумаги — продали, понизится — будут держать в ожидании лучшего будущего». Вторая группа «очень деятельна, подвижна и имеет своих простодушных клиентов...»; в нее входили мелкие спекулянты, которых называли «биржевые зайцы». А третью представляли выходцы из широких слоев населения: «эта группа лиц, составляет самый

легковерный элемент, из которого рекрутируются биржевые жертвы, в большинстве случаев несущие все потери» [9].

Массовая биржевая торговля 1890-х гг. смогла привлечь внимание даже тех, кто прежде не интересовался ценными бумагами. Численность участников рынка в то время превысила несколько десятков тысяч человек. К спекулятивной торговле стали присоединяться не только москвичи и петербуржцы, но и жители других крупных городов, тем самым расширяя количество участников фондового рынка и географически рассеивая их в пространстве. Люди из провинции также успешно осуществляли биржевые операции, используя телеграфную связь с Московской или Петербургской биржей [4]. Таким образом, участие широких социальных слоев в биржевой торговле оказало влияние на стоимость ценных бумаг, способствуя их резкому росту. К тому же возросло и количество эмитентов — на биржи вышли новые промышленные акционерные общества и паевые товарищества. Из воспоминаний экономиста М.И. Туган-Барановского известно, что в 1895 г. «курсы всех бумаг делают огромный скачок кверху. Произошла полная перемена биржевого настроения. Биржевая спекуляция расправила крылья и смело устремилась вперед. 1895 г. был еще лучше предшествовавшего. Огромные состояния наживали биржевой игрой» [11]. Но новый биржевой кризис 23 сентября 1895 г., получивший на Петербургской бирже название «черный день», создал тенденцию понижения котировок ценных бумаг, поднял волну паники в обществе и спровоцировал введение мер против спекулянтов [12]. На протяжении нескольких лет происходило падение стоимости активов, что сопровождалось снижением количества акционерных обществ и банкротством не только предпринимателей, но и банков. Биржевой кризис продолжался всего лишь несколько месяцев, но после него граждане десятилетиями не проявляли интерес к фондовому рынку, помня недавние финансовые потрясения.

В начале XX в. о возрождении интереса к инвестированию в ценные бумаги со стороны общества не могло быть и речи. Металлургическая промышленность находилась на грани банкротства, а средний класс потерял не только свои рабочие места вследствие закрытия заводов и фабрик, но и денежные средства, вложенные в банки, которые отказывались выплачивать проценты по вкладам. Но как только в начале 1900-х гг. ситуация на рынке ценных бумаг, казалось бы, стала стабилизироваться,

в биржевой прессе появились истории банкротства акционерных обществ, а также известных русских миллионеров и промышленников, сколотивших свой капитал на спекулятивной игре. Под влиянием новостного фона в обществе началась паника. Стоимость ценных бумаг стремительно падала, на рынке не было ни спроса, ни предложения. Интерес к фондовому рынку вовсе пропал. К тому же настороженное отношение со стороны общественности и биржевых игроков усилила нестабильная экономическая и политическая ситуация в стране. Но уже в 1910 г. страсть к биржевой торговле вновь охватила общество — не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в провинции стали осуществляться операции с ценными бумагами. Они покупались и продавались как в местных отделениях банков, так и на неофициальных биржах. Брянский корреспондент газеты «Голос Москвы» в то время писал: «Биржевой ажиотаж охватил даже людей малоимущих. С каждым новым повышением бумаг «трасти разгорались». Возможность скорой и легкой наживы показалась игрокам настолько заманчивой, что они стали играть и на других бумагах. В конторах, в семье, на улицах только и разговоров, что о котировке биржевых бумаг» [2]. И опять ряды биржевых игроков пополняли новые желающие — непрофессиональные спекулянты, и их количество было настолько огромным, что даже помещение Петербургской биржи не вмещало всех. Так как многие не могли посещать официальную биржу, то различные банкирские заведения и конторы оказывали им услугу, предоставляя с помощью телефонной связи информацию о событиях на рынке ценных бумаг в тот же день. И если раньше неофициальные фондовые биржи собирались тайно в ресторанах и кондитерских, то теперь такие собрания стали проводиться открыто в кофейнях, конторах, банкирских домах [2]. Известный биржевой спекулянт того времени З.П. Жданов вспоминал о том, как народные сбережения превращались в ценные бумаги, тем самым финансируя развитие промышленности и предоставляя гражданам надежду на легкий заработок: «...и наживали. В результате биржа у тысяч людей — профессия, у миллионов — подсобное дело, у большинства — на устах, у всех или почти у всех — в мыслях. Если деловые люди разговаривают, то тема их разговоров “акции”; если они спешат разойтись, то ради “акций”; если они останавливаются хоть на минуту, причина этого “акция»» [2]. А с появлением биржевых изданий к торговле ценными бумагами приобщились практически все слои общества: «аристократия, дворянство и чиновники,

купцы, ремесленники, даже духовенство и монашество. Мужчины, женщины, вдовицы, девицы чуть ли не дети» [2]. Немаловажную роль сыграла биржевая пресса, формирующая общественное мнение и отношение граждан к ценным бумагам. Также появились первые пособия и публикации, представляющие советы по спекуляции и инвестированию на фондовом рынке.

В 1913 г. перепись населения Санкт-Петербурга показала, что около 40 тыс. петербуржцев были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров. Большинство женщин и мужчин сменили низкооплачиваемые профессии на работу на фондовом рынке. К тому же известных и успешных биржевых игроков приглашали в высший свет петербургского общества, тем самым повышая престижность данной деятельности. Аналогичные процессы происходили и за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, — с каждым днем росло количество участников фондового рынка по всей стране. Но когда, казалось бы, рынок ценных бумаг снова начал набирать силу, Первая мировая война внесла коррективы в его развитие, обозначив начало затяжного кризиса. Не только отечественные, но и зарубежные инвесторы стали массово продавать недавно купленные российские ценные бумаги. Биржевая паника достигла таких масштабов, что с целью защиты отечественного фондового рынка летом 1914 г. государство приняло решение закрыть Петербургскую биржу. Но желание приобрести ценные бумаги у граждан сохранялось, поэтому торги переместились на частную биржу, куда имели доступ не все [4]. На закрытых собраниях, которые ежедневно проходили в помещении фондовой биржи, продолжали заключать операции с ценными бумагами (сумма которых довольно часто превышала несколько миллионов рублей), что способствовало росту их стоимости. Благодаря успехам частной биржи в начале 1917 г. официальная Петербургская биржа была открыта вновь. Но спустя два месяца, вследствие отречения Николая II от престола, она закрылась уже навсегда. История отечественного фондового рынка, начавшаяся в 1703 г. и длившаяся несколько веков, закончилась в 1917 г.

Несмотря на то что биржа открылась всего лишь на несколько месяцев, этого времени хватило, чтобы котировки взлетели, а спрос на ценные бумаги стремительно увеличился. Так почему же ценные бумаги сохраняли свою популярность и необходимость даже в тяжелые для русского народа времена? Именно в этот период времени интерес к биржевой торговле охватил не только москвичей и петербуржцев, — жи-

тели других городов по всей России хотели приобрести ценные бумаги, посылая срочные телеграммы. Напряженная экономическая, социальная и политическая обстановка в стране лишь усилила биржевой ажиотаж, который продолжался даже за несколько дней до начала Февральской революции. В то время как министерство финансов считало открытие Петербургской биржи довольно рискованным решением, граждане нуждались в надежной форме сохранения своих денежных средств. Ведь цены на товары росли на протяжении нескольких лет, покупательская способность падала, заработной платы не хватало даже на покупку необходимых продуктов, инфляция увеличивалась с каждым днем, и деньги обесценивались. У людей был страх остаться без сбережений, и единственным выходом в данной ситуации стало инвестирование в ценные бумаги. Все начали массово совершать биржевые операции, фондовые биржи были переполнены. К тому же в то время многие покупки можно было оплачивать не только деньгами, но и ценными бумагами, и на некоторое время акции и облигации заменили «керенки». Но уже в конце 1917 г. государство запретило все биржевые сделки на территории страны, выплаты дивидендов прекратились, а в начале 1918 г., согласно декрету ВЦИК «Об аннулировании государственных займов», были отменены все ранее выданные госзаймы³. В ходе исполнения данного указа биржи постепенно ликвидировались, а ценные бумаги прекратили свое существование. Так, вместо масштабного ажиотажа люди стали воспринимать фондовый рынок и торговлю ценными бумагами

как источники их несчастий и многочисленных финансовых потрясений. Недоверие русского народа росло, желание участвовать в биржевых операциях пропало, а биржевые сделки стали ассоциироваться с ажиотажными, спекулятивными, граничащими с совершением преступления.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев исторический путь развития отечественного фондового рынка, можно заметить, как с течением времени менялся социальный состав его участников. Торговля ценными бумагами постепенно переходила из рук купечества к аристократии, а от аристократии — к менее зажиточным слоям общества, получившим возможность осуществлять биржевые сделки. Таким образом, в обществе обозначились социальные трансформации, охватившие не только частных участников фондового рынка — трейдеров, занимавшихся спекуляцией, и инвесторов, стремившихся к сохранению и накоплению своих сбережений, — но и сторонних наблюдателей — свидетелей финансовых событий и изменений, происходивших на рынке. Все это сопровождалось социальной мобильностью участников рынка, которые то «возвышались» до привилегированного сословия, то становились банкротами. Интерес к бирже со стороны общества сохранялся на протяжении нескольких веков, то снижаясь из-за экономических кризисов, то стремительно увеличиваясь с новой силой из-за биржевого ажиотажа. Все это сформировало социальный опыт, который передавался из поколения в поколение и повлиял на современные социальные представления граждан о фондовом рынке.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М.; 1943.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Найденов Н.А. Московская биржа, 1839–1889. М.: И.Н. Кушнерев и К; 1889. 130 с.
2. Лизунов П.В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX — начале XX в. Экономическая история: ежегодник. М.: РОССПЭН; 2005.
3. Лизунов П.В. Петр I и учреждение купеческой биржи в России. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=gqgfm&ysclid=loo36hb9so363873826>
4. Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М.: Экономика; 2014. 560 с.
5. Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах. СПб.: тип. В. Безобразова и К; 1871. 496 с.
6. Суворин А.С. Очерки и картинки. Кн. 1. СПб.: В.С. Балашева; 1875. 48 с.
7. Левин И.И. Акционерные коммерческие банки России. Петроград: тип. И. Белопольского и К; 1917. 301 с.
8. Ламанский Е.И. Воспоминания, 1840–1890 гг. Пенза: Земство; 1995. 133 с.
9. Судейкин В.Т. Биржевая игра на Петербургской бирже. Ее причины и последствия (из «Журнала юридического общества», декабрь, 1897). СПб.: Тип. Сената; 1897. 34 с.

10. Кугель А.Р. Литературные воспоминания (1882–1896 гг.). Пг.: Петроград; 1923. 190 с.
11. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. В 2 т. Т. 1. СПб.: кн. маг. «Наша жизнь»; 1907. 562 с.
12. Лизунов П.В. Петербургская фондовая биржа и коммерческие банки в России, 1864–1914 гг. Экономическая история: обозрение. Вып. 15. М.: Изд-во МГУ; 2008:10–36.

REFERENCES

1. Naidenov N.A. Moscow exchange, 1839–1889. Moscow: I.N. Kushnerev and K; 1889. 130 p. (In Russ.).
2. Lizunov P.V. Russian society and stock exchange in the second half of the nineteenth century and in the beginning of the twentieth century. Moscow: ROSSPEN; 2005;257–288. (In Russ.).
3. Lizunov P.V. Peter I and the establishment of a trade exchange in Russia. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=gqgfmb&ysclid=loo36hb9so363873826> (In Russ.).
4. Moshenskiy S.Z. The securities market of the Russian Empire. Moscow: Ekonomika; 2014. 560 p. (In Russ.).
5. Geiler I.K. Collection of information about interest-bearing securities. St. Petersburg: tip. V. Bezobrazova and K; 1871. 496 p. (In Russ.).
6. Suvorin A.S. Essays and pictures. Book 1. St. Petersburg: V.S. Balasheva; 1875. 48 p. (In Russ.).
7. Levin I.I. Joint-stock commercial banks of Russia. Petrograd: tip. I. Belopol'skogo i K; 1917. 301 p. (In Russ.).
8. Lamanskii E.I. Memoirs, 1840–1890. Penza: Zemstvo; 1995. 133 p. (In Russ.).
9. Sudeikin V.T. Exchange game on the St. Petersburg Stock Exchange. Its Causes and Consequences (from the Journal of the Law Society, December, 1897). St. Petersburg: Tip. Senata; 1897. 34 p. (In Russ.).
10. Kugel A.R. Literary Memoirs (1882–1896). Pг.: Petrograd; 1923. 190 p. (in Russ.).
11. Tugan-Baranovsky M.I. Russian factory in the past and present: historical and economic research. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: kn. mag. “Nasha zhizn”; 1907. 562 p. (In Russ.).
12. Lizunov P.V. Petersburg stock exchange and commercial banks in Russia, 1864–1914 гг. Economic history: Review. Vol. 15. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 2008:10–36. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Маргарита Алексеевна Шитова — магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Margarita A. Shitova — master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0000-2536-2823>

margomorga@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.11.2023; accepted for publication on 30.11.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.